

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мальцева Светлана Владиславовна

АРХИТЕКТУРА СЕРБИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА. МОРАВСКАЯ ШКОЛА

Специальность 17.00.04

"изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура"

Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

Научный руководитель: к. иск. Булкин Валентин Александрович

Санкт-Петербург, 2016

Содержание

Введение	3
Глава 1. Историография	7
Глава 2. Византийские традиции и национальная специфика в сербской архитектуре второй половины XIV первой половины XV вв.	28
2.1. Истоки и суть специфики сербского средневекового зодчества	31
2.2. Архитектура «сербско-византийского периода» и ее роль в формировании моравской архитектуры.....	46
2.3. Архитектура моравской Сербии.....	67
2.3.1. Постройки князя Лазаря и их круг	69
2.3.2. Постройки деспота Стефана и их круг.....	94
2.3.3. Провинциальные постройки	111
2.3.4. Важнейшие особенности архитектуры моравского периода и спорные вопросы их изучения	127
Глава 3. Моравские триконхи: типология, генезис, функция	156
3.1. Триконхи на Балканах до XIV в.	158
3.1.1. Раннехристианские и ранневизантийские триконхи	158
3.1.2. Однонефные триконхи IX–XII вв.	159
3.1.3. Триконхи афонской группы	166
3.2. Приделы и их значение в архитектуре сербских храмовых комплексов XIII–XV вв.	177
3.3. Моравские триконхи: проблемы их появления и назначения в условиях церковно-политических обстоятельств моравского периода сербской истории.....	191
Заключение	207
Список сокращений и литературы	213

Введение

Диссертация посвящена церковной архитектуре Сербии второй половины XIV — первой половины XV в., которую в историографии принято обозначать понятием «моравская школа»¹. Речь идет о нескольких десятках храмов, расположенных, в основном, в бассейне рек Западная, Южная и Великая Морава на территории современной Сербии. В этот период на моравские земли из Косова и Македонии был перенесен центр государства Хребеляновичей, последних правителей средневековой Сербии.

Храмы, строившиеся на моравских землях в этот период, в основном принадлежат к двум разновидностям: 1) крестово-купольный на четырех свободно стоящих опорах и 2) т.н. компактный (однонефный) крестово-купольный. Почти все они — триконхи, т.е. имеют дополнительные боковые конхи с севера и юга. При этом строительная техника, декор, нюансы объемно-пространственных композиций могут существенно различаться. Далеко не для всех храмов известны время и обстоятельства их создания. В историографии закрепилось понятие «моравская школа», которое относится к небольшой группе наиболее ярких памятников эпохи князя Лазаря Хребеляновича (1371–1389) и распространяется на весь последний этап существования сербского средневекового зодчества до турецкого завоевания (т.н. период Сербской деспотовины, 1402–1459).

Предмет нашего диссертационного исследования — определение характера архитектуры «моравской школы» как особого явления в истории сербского и — шире — восточнохристианского искусства, выявление его истоков и путей развития, его специфики и соотношения с византийской, западноевропейской и предшествующей сербской архитектурными традициями.

---

¹ *Кораћ, Шунут*, 2005. С. 357.

Изучение сербской архитектуры моравского периода началось еще в XIX в. Как казалось, моравская архитектура легко обозрима и понятна благодаря четкости территориальных и временных границ, значительному числу сохранившихся памятников, оригинальности их планов, объемно-пространственных композиций и характерному богатству разнообразного декора. Все эти особенности рано обратили на себя внимание исследователей, которые еще в начале XX в. объединили десяток наиболее ярких моравских храмов понятием «школы».

Однако на протяжении XX века было выявлено гораздо большее количество памятников этого круга (сегодня исследователями предложено уже более 80 построек отнести к числу моравских²). Стало ясно, что в качестве определения последнего периода развития сербского зодчества термин «моравская школа» едва ли применим, поскольку среди построек этой эпохи нет четкого стилового единства, а об условиях их возведения и мастерах практически ничего не известно. Датировки отдельных памятников и периодизация процессов архитектурного развития нуждаются в уточнении. Истоки основных архитектурных особенностей, причины появления типологии триконха, характер связей с византийской архитектурой и сербской архитектурой предшествующих периодов — все эти вопросы не получили убедительных аргументированных ответов. Все это обуславливает актуальность нашего исследования.

Создание более четкого представления о памятниках так называемой «моравской школы», прежде всего, необходимо для понимания сербской архитектурной традиции вообще, в том числе, на последнем этапе ее развития, который в последние два столетия воспринимался сербами как наиболее яркое выражение их национального самосознания. Более того, уточнение соотношения сербской и византийской архитектурной традиции необходимо для понимания механизмов развития «дочерних» по

---

² *Ристић В.* Моравска архитектура. Крушевац, 1996. С. 235–246.

отношению к византийской культуре других православных стран, из которых Сербия — лишь один из вариантов, наряду с Древней Русью.

Цель исследования — пересмотреть и уточнить создавшееся представление о последнем этапе развития сербской церковной архитектуры.

Конкретными задачами работы мы считаем следующие.

Во-первых, необходимо провести критический анализ историографии, разобрать существующие позиции и методы, выявить бездоказательные или противоречивые суждения.

Во-вторых, нужно понять, что объединяет группу моравских церквей второй половины XIV – первой половины XV в. Представляют ли они собой «школу»? Следует ли считать это явление неким региональным вариантом византийской архитектуры или национальной традицией? Нужно по возможности уточнить периодизацию последнего этапа развития сербского зодчества, выявить истоки основных архитектурных особенностей этих памятников, определить их соотношение с предшествующей сербской архитектурой, а также с византийской архитектурой позднепалеологовского и предшествующих периодов.

В-третьих, нужно попытаться объяснить, как возникает главная отличительная особенность храмов моравского периода — типология триконха, — и почему именно она становится доминирующей в архитектуре этого времени.

Для решения этих задач мы прежде всего будем опираться на анализ типологических, стилистических, технико-технологических особенностей памятников. Кроме того, для прояснения общих исторических условий и конкретных обстоятельств появления тех или иных особенностей этих построек, мы будем привлекать сведения письменных источников, раскрывающих определенные идеологические установки, объясняющих ориентацию на те или иные образцы, регламентирующих богослужебные функции тех или иных частей храмов. В связи с последним аспектом мы

будем использовать также анализ археологических и иконографических данных. Таким образом, необходим междисциплинарный подход — рассмотрение памятников в широком историко-культурном контексте.

Глава 1

Историография

Эпоха блистательного правления князя Лазаря Хребеляновича (1371–1389) и его наследников была временем последнего и необычайно яркого культурно-политического расцвета сербского средневекового государства³. После утраты независимости в 1459 г. она воспринималась как потерянный «золотой век» национальной истории. В XIX в., в условиях освободительного движения и создания современного государства, «оживление» истории и идея возрождения Сербии в былом могуществе средневековой эпохи были важнейшими элементами формирования национального самосознания⁴. В этой романтической среде трудами историков, филологов, краеведов, ученых путешественников и увлеченных дилетантов были заложены основы изучения архитектуры моравского периода, созданы первые описания храмов, найдены и опубликованы важнейшие свидетельства письменных источников⁵.

С середины XIX в. начинается более углубленное изучение памятников сербской средневековой архитектуры, издаются более подробные их описания, чертежи и гравированные воспроизведения. В это время первые попытки классифицировать памятники и рассмотреть их в контексте европейской средневековой архитектуры предпринимаются, в первую очередь, иностранными исследователями, которые переносят на эту почву свои методы и понятия. Одни исследователи устремились искать на сербских территориях, находящихся в буквальном смысле между Востоком и Западом, подтверждения своим гипотезам о классификации романо-готического искусства, другие не отделяли сербские памятники от византийских.

---

³ Михальчић, 1975. С. 1–11; Он же, 1989/2.

⁴ Новаковић С., 1954. С. 70–71, 83–85, 93; Кадичевић, 1997; Белов, 2007.

⁵ См., например: Караџић, 1826–1828; Вујић, 1828; Магарашевић, 1983; Пирх, 1983; Шафарик, 1993. См. также обзорную работу: Медаковић, 1985. С. 154–157.

Так, немецкий историк и теоретик искусства Ф. Мертенс, специалист по западноевропейской средневековой архитектуре, в 1840-е гг. обследовал сербские памятники и разделил их на две группы, представляющие два основных «стиля» или «школы» (эти понятия используются Мертенсом как равнозначные). К первой группе он отнес памятники эпохи правления Неманичей, причем в качестве элемента, определяющего их специфику, он назвал западноевропейское влияние; во вторую группу он выделил памятники эпохи Моравской деспотовины, которые связал с византийской традицией⁶. Чуть позже австрийский архитектор и ученый Л. Фёрстер, обследовавший многие моравские храмы, более отчетливо выявил их связи с византийской традицией, хорошо ему известной по памятникам Греции⁷. Наиболее значительный вклад в исследование сербской средневековой архитектуры на этом этапе принадлежит немецкому балканисту Ф. Каницу, который в 1862 г. издал первую в Европе монографию о сербской средневековой архитектуре, сопровождаемую чертежами и многочисленными иллюстрациями⁸. В последующих работах Ф. Каниц расширяет круг рассматриваемых памятников, в том числе моравских; в изданной посмертно итоговой монографии рассматривается уже 35 моравских церквей⁹. Утверждая необходимость натурного исследования памятников, Ф. Каниц обращается к важнейшей проблеме, которая остается актуальной и по сей день: к специфике развития искусства на балканских землях, где византийская традиция соединяется с чертами западного влияния, которые он видел, прежде всего, в декоре моравских церквей¹⁰.

В целом, исследователи XIX в., анализируя сербские средневековые памятники, как правило, ограничивались подробным описанием внешнего

---

⁶ *Mertens*, 1847; *Богдановић С.*, 1979.

⁷ *Förster*, 1857; *Јовановић М.*, 1985.

⁸ *Kanitz*, 1862; см. также: *Id.* *Serbien*. Wien, 1868.

⁹ *Kanitz*, 1909.

¹⁰ *Каниц*, 1985. Т. I. С. 627–632.

облика храмов и оценкой их художественных качеств. Ими были собраны письменные исторические свидетельства о времени и обстоятельствах возникновения храмов, зафиксированы сохранявшиеся ещё на тот момент уникальные надписи, выполнены обмеры и фиксационные чертежи, а главное — приняты экстренные меры по спасению древнего архитектурного наследия¹¹. Однако до формирования целостной концепции истории сербской архитектуры было еще далеко. Первые попытки обобщений сводились к делению сербской архитектуры на две половины: одну связывали с романским влиянием, вторую, начиная с XIV в. (куда автоматически попадала и моравская архитектура), — с византийским. Под этими влияниями понимали разные вещи, по-разному оценивали проявление и степень этих влияний. Такой подход надолго и сильно отдалил от понимания главного — содержания, специфики и механизмов сложения и развития сербской архитектуры как целостного явления.

Начало критического исследования сербской средневековой архитектуры приходится на последние десятилетия XIX в., когда уже был накоплен необходимый объем фактического материала, и сербские ученые начали применять современные европейские научные методы к исследованию собственного архитектурного наследия. Здесь они впервые столкнулись с проблемой четкой периодизации и определения ее логики: одни ставили вопрос о необходимости рассматривать сербскую средневековую архитектуру в виде нескольких этапов, обусловленных культурно-политическими факторами, другие говорили о смене стилей.

Из представителей этого нового поколения следует, прежде всего, назвать М. Валтровича, который получил архитектурное образование в Германии, но вошел в историю как организатор и руководитель систематического научного изучения памятников сербской средневековой

---

¹¹ *Медаковић*, 1985. С. 17–19.

архитектуры, скульптуры и живописи, автор «Проекта о защите древностей», академик, член Императорских археологических обществ в Москве и Берлине, директор Народного музея в Белграде (с 1881 г.), один из основателей Сербского археологического общества (1883) и учредитель периодического издания «Старинар» (издается с 1884 г.)¹². Вместе со своим соратником и другом, архитектором Д. Милутиновичем, в 1870–1880-е гг. он обследовал несколько десятков древних храмов, в том числе моравских¹³. Материалы, собранные в результате этих экспедиций, стали основой первой научной концепции истории сербского искусства, которая стремилась выявить внутреннюю логику развития древней сербской архитектуры как самобытного явления, во многом обусловленную идеологией и историко-культурным своеобразием государства Неманичей и Хребеляновичей¹⁴. Средневековое зодчество Сербии было разделено М. Валтровичем теперь уже на три периода: «приморский» (середина XII – конец XIII в.), «византийский» (начало – вторая половина XIV в.) и «моравский» (последняя четверть XIV в. – 1459 г.)¹⁵. К последнему периоду он отнес девять памятников в долине Моравы, созданные в эпоху князя Лазаря и деспота Стефана Лазаревича (Раваница, Лазарица, Любостыня, Ресава, Руденица, Наупара, Старая церковь на кладбище в Смедерево, Велуча и Каленич), близкие друг другу не только географически и хронологически, но и по ряду стилистических признаков, прежде всего — по плановой структуре и характеру декорации¹⁶. Происхождение этих особенностей автор предлагал искать на Афоне, а также и в самом сербском искусстве предшествующих периодов¹⁷. Д. Милутинович ошибочно предположил, что у истоков этой архитектурной традиции был один зодчий — Раде Борович, создатель

---

¹² Ђирковић, Михальчић, 1997. С. 297.

¹³ Там же. С. 511.

¹⁴ Богдановић С., 1978; Мишковић-Прелевић, 1978. С. 123–124.

¹⁵ Валтровић, 1889. С. 4; Радојчић, 1982. С. 76.

¹⁶ Waltrowits, *Prodromos*, 1878. S. 16–29; Валтровић, 1889.

¹⁷ Валтровић, 1907/1.

более позднего храма в Любостыне (ок. 1389 г.)¹⁸, возможно происходивший из Приморья и близкий к Фра Вите из Котора — прославленному мастеру храма в Дечанах¹⁹. Тем самым Милутинович попытался обозначить и объяснить преемственность моравской архитектуры по отношению к традициям более раннего сербского зодчества.

Таким образом, еще до реставрационного раскрытия большинства памятников М. Валтрович и Д. Милутинович впервые выделили церкви моравского периода в единую стилевую группу с чертами региональной специфики, определяемые ими как «национальный стиль». Важнейшими чертами этого стиля, обусловленными работой конкретных мастеров, они считали вертикально ориентированные динамичные композиции, декор и, главное, особый тип плана — триконх. Продолжая разрабатывать проблему соотношения в этой традиции западных и византийских элементов, они впервые стали рассматривать развитие сербской архитектуры не как чередование иноземных влияний, а как единый процесс, разные этапы которого связаны между собой. Эти намеченные ими направления в изучении моравской архитектуры остаются актуальными и поныне. Концепцию Валтровича и Милутиновича можно было бы признать практически безукоризненной, если бы архитектура моравского периода действительно ограничивалась рассмотренными ими постройками²⁰, и если бы намеченная ими линия изучения сербской архитектуры как единого процесса была продолжена и основательно аргументирована.

Вслед за Валтровичем и другие исследователи рассматривают моравскую архитектуру как отдельную группу памятников, объединенных

---

¹⁸ Бурић С., 1985. С. 25–26, 44; Тодић, 2007; Стародубцев, 2016. С. 67–68.

¹⁹ Милутиновић, 1879. С. 256.

²⁰ Сами авторы понимали, что предложенный ими обзор древней сербской церковной архитектуры не полон. См. Валтровић, 1889.

рядом общих стилистических и типологических признаков. С одной стороны, появляются попытки расширить эту группу. Так А. Стеванович²¹ в моравский период включает большее число памятников и впервые ставит вопрос о возможности более ранних датировок, чем время правления князя Лазаря. С другой стороны, возникают и противоположные точки зрения. Так, П. П. Покрышкин предлагает более поздний вариант хронологии и рассматривает моравские постройки как результат деятельности одной артели, начавшей работу только на рубеже XIV–XV вв. под руководством Раде Боровича и заимствовавшей трехконховый план из архитектуры Салоник (церковь пророка Илии). Моравские памятники Покрышкин определяет как византийский стиль с четко выраженными чертами национальной самобытности и сильно расширяет круг аналогий среди памятников поздневизантийской архитектуры (Эпир, Трапезунд, Тырново, Скопье)²². В настоящее время предположение П.П. Покрышкина о том, что церковь Пророка Илии могла послужить образцом для моравских триконхов, не принимается исследователями, поскольку при ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться в существенных различиях между этими памятниками, а вопросы хронологии до сих пор остаются дискуссионными. Однако представлено о доминирующей роли византийской традиции в позднесредневековой архитектуре Сербии получило дальнейшее развитие в науке конца XX в.

Однако в первой половине XX в. восторжествовала другая концепция истории сербской архитектуры, созданная в начале столетия знаменитым французским византинистом Г. Милле и на многие десятилетия определившая развитие исследований в этой области. В Сербии Г. Милле известен прежде всего как автор официально принятой

---

²¹ *Стевановић А.*, 1903.

²² *Покрышкин*, 1906. С. 6, 59–73.

периодизации сербского средневекового зодчества²³. Обобщив и интерпретировав исследования предшественников в соответствии с передовыми на тот момент методами западноевропейского научного позитивизма, Г. Милле формирует два основополагающих теоретических положения: во-первых, возможность и необходимость строгой классификации и систематизации памятников, во-вторых, понимание процессов развития в архитектуре как эволюцию от простого к сложному. Согласно этим положениям, Г. Милле предложил рассматривать сербское средневековое зодчество как последовательный ряд хронологически и территориально обособленных «школ»: «школа Рашки», «школа византийской Сербии» и «школа Моравы». Обращает на себя внимание, что под термином «школа» в данном случае понимается группа памятников со сходными стилистическими и типологическими признаками; «стиль» и «школа» у Г. Милле оказываются понятиями равнозначными. При этом первый, рашский стиль, согласно Г. Милле, сформировался при определяющей роли западноевропейского влияния, тогда как последний, моравский, напротив, рассматривается им как результат слияния элементов византийской архитектуры греческих областей и собственных сербских традиций. Однако тогда не совсем ясно, в чем отличие промежуточного звена, названного «школой византийской Сербии», которая была выделена, как кажется, по «остаточному принципу», поскольку типологическое, стилистическое и региональное разнообразие архитектуры этого периода совсем не позволяет выявить здесь какое-либо стилевое единство.

Памятники «моравской школы» Г. Милле выделяет на основании типологической и стилистической однородности, а также территориальной обособленности. Их главная типологическая особенность — план в виде триконха, существующий в двух основных вариантах: однонефного храма и четырехстолпного крестовокупольного с отдельно стоящими опорами.

---

²³ *Millet*, 1916. P. 152–158; *Id.*, 1919. См. Также: *Мальцева*, 2012/2.

Выделяя эти две разновидности, Милле справедливо связывает одну из них с традициями «рашской школы», другую — с архитектурой сербско-византийского периода. При этом, по мнению ученого, главная особенность моравских церквей — боковые конхи — была заимствована сербами на Афоне. Это мнение, не аргументированное никакими доказательствами, тем не менее, для следующих поколений исследователей приобретет характер аксиомы. В отношении происхождения другой отличительной черты моравских храмов — плоскорельефного каменного декора — в позиции Милле меньше определенности. В качестве первоисточников называется Афон, искусство христианского и мусульманского Востока, Русь, Кавказ, отчасти — Западная Европа; в качестве промежуточных звеньев в цепочке предполагаемых влияний — иллюстрированные рукописи и текстиль²⁴. Отдавая дань характерному для первой половины XX в. увлечению теориями о распространении всевозможных влияний, Милле все же выявляет и описывает собственно сербские традиции как в типологии, так и в стиле моравских построек. Он не игнорирует существование связей между тремя выделенными им этапами развития сербской архитектуры, однако предложенная им классификация, все же, в большой степени искусственна и механистична.

Обращаясь к вопросам хронологии, «моравскую школу» Г. Милле рассматривает как явление, принадлежащее ко времени князя Лазаря (1371–1389) и деспота Стефана Лазаревича (1389–1427). При отсутствии достоверных письменных источников для датирования большинства построек, французский исследователь опирается на изучение динамики архитектурного развития. В этом процессе важное место принадлежит и анализу каменного пластического декора. Г. Милле предлагает схему эволюции от простой резьбы на раннем этапе к роскошным резным украшениям в более поздних постройках, что, как ему видится,

---

²⁴ *Millet*, 1919. P. 150–153, 158–159, 181–191, 198.

свидетельствует в пользу постепенного совершенствования моравских мастеров. Следовательно, хронология становится одновременно и критерием художественной ценности памятников. В результате, последовательность возведения храмов Г. Милле определяет на основании выстроенной им линии стилевого развития моравского зодчества: от Старой церкви на кладбище в Смедерево к Раванице и Лазарице, которая, в свою очередь, рассматривалась как модель для Велучи и Наупары и т.д.²⁵ В данном случае очевидно, что эволюционная гипотеза Милле не работает, так как совсем поздние в действительности постройки оказались первыми, и наоборот. Подобные ошибки весьма показательны, и проигнорировать их было бы неверно.

В классификации Г. Милле имеются и другие серьезные недостатки. Так, целый ряд моравских триконхов выпадает из общей схемы и выделяется в «группу исключений», поскольку в них отсутствует второй определяющий, согласно Милле, признак школы — специфический декор фасадов. Между тем, в группе исключений оказываются такие особо значимые в историческом, сакральном и художественном плане постройки как Ресава, Сысоевац, Врачевшница, Павловац, а также многие другие²⁶.

Классификация Г. Милле, несмотря на ее несовершенство, стала решающим событием в области изучения сербских средневековых памятников и в значительной степени повлияла на судьбу сербской науки XX в.²⁷ Собранные материалы и примененные французским исследователем научные методы активно использовались сербскими специалистами для дальнейших исследований во второй и третьей четверти XX в.

---

²⁵ Ibid. P. 152–191.

²⁶ Ibid. P. 191–198.

²⁷ *Бошковић*, 1935. С. 475–477; *Ђурковић, Михальчић*, 1997. С. 496.

В отношении проблемы моравской школы серьезную альтернативу взглядам Милле в это время представляют Ж. Татиш и М. Васич. Первый из них снова ставит вопрос о более ранней хронологии и истоках моравской архитектуры²⁸. М. Васич в своей книге «Жича и Лазарица»²⁹ попробовал осуществить попытку целостного рассмотрения сербского средневекового зодчества, но на других основаниях, нежели это было предложено Г. Милле³⁰. Васич рассматривает два наиболее ярких памятника начального и заключительного этапа истории сербского средневекового государства в связи с культурно-историческими процессами, которые, с его точки зрения, должны помочь раскрытию содержания процессов архитектурного развития. Он отрицает всякую возможность применения какой-либо схемы и периодизации в принципе и рассматривает искусство как бесконечный ряд явлений, облик которых в каждом случае зависит от множества культурно-политических факторов, предопределяющих неоднородный характер развития и бесконечное многообразие вариантов. Важнейшими факторами, предопределившими специфику сербской архитектуры, были названы государство и Церковь. Следуя этой логике, Васич объясняет своеобразие моравских построек церковно-политической ситуацией эпохи правления князя Лазаря, когда Сербская церковь вновь возвращает себе доминирующее положение, а внутри нее господствует исихастская идеология, и ведущую роль играют монастыри. Критикуя Милле, в том числе, за необоснованность предположения об афонском происхождении боковых конх в моравских церквях, Васич предлагает оригинальную альтернативную гипотезу. По его мнению, боковые конхи впервые появились в Лазарице — небольшой церкви, построенной внутри обнесенного крепостными стенами городища, где зодчим пришлось их добавить для размещения певчих. Раньше

---

²⁸ *Татиш*, 1929.

²⁹ *Васиш*, 1928.

³⁰ *Срејвовиш*, 1984.

боковые конхи не были нужны, поскольку в четырехстолпном храме хор можно было размещать в рукавах креста. Таким образом, Лазарица ставится в начало хронологического ряда моравских построек.

Итак, в первой трети XX в. обозначились два принципиально разных подхода к возможности периодизации сербского средневекового искусства. Подход, предложенный Милле, был, безусловно, методологически более разработанным и научно обоснованным, однако грешил механистичностью и эволюционизмом, не учитывавшим региональной специфики. В противовес методу «чистой истории искусства», принимающему в расчет исключительно архитектурные аспекты — типологические и стилистические характеристики — появилось стремление выявить именно сербскую культурно-историческую специфику, однако в то время это стремление не привело к научно обоснованным результатам.

В 1930–1970-е гг. продолжается выявление и раскрытие памятников сербского средневекового зодчества. В эти десятилетия в научный оборот вводятся многие неизвестные ранее памятники (в том числе и небольшие провинциальные), уточняются известные ранее сведения. Возрастающее количество новых данных все больше и больше выявляет противоречия в схеме Милле, однако она остается общепринятой. По-прежнему остается много неточностей и натяжек, однако в общих обзорных работах по сербской средневековой архитектуре, опубликованных в этот период, в концепции ничего не поменялось. Такие авторы как В. Петкович³¹, С.М. Ненадович³², А. Дероко³³ продолжают оперировать некоторыми избранными памятниками, которые тасуются в разных комбинациях. Дж. Бошкович, занимавшийся натурным обследованием и реставрацией

---

³¹ *Петковић В.*, 1950.

³² *Ненадовић*, 1980. С. 157–189.

³³ *Дероко*, 1985. С. 175–239.

десятков средневековых храмов, сыграл большую роль в распространении и утверждении концепции Милле, которую он положил в основу написанной им книги и соответствующего раздела в изданной в СССР «Всеобщей истории архитектуры»³⁴. На примере нескольких моравских храмов он показывает разнообразие стилистики, типологии, техники, конструкции и декора, большое количество датировок дает под знаком вопроса, однако в целом в концепции Милле ничего не меняет. Та же периодизация сербского зодчества и то же определение «моравской школы» без критического рассмотрения и на примере лишь нескольких наиболее ярких образцов входят в обзорные работы по византийской архитектуре, написанные в 1960–1970-е гг. Р. Краутхаймером³⁵ и С. Манго³⁶.

После Второй мировой войны появляются первые попытки принципиально скорректировать хронологию моравских храмов, объяснить их стилистическое и типологическое разнообразие и найти истоки главной объединяющей их особенности — трехконховой плановой схемы. Дж. Стричевич пытается не только связать моравские памятники с общим историко-культурным контекстом, но и выявить их связи с конкретными фактами общественно-политической и церковной жизни, с особенностями богослужения. Именно такими факторами он объясняет наличие двух типов планов в рамках моравской школы: однонефные храмы, по его мнению, были придворными задужбинами — «придворицами», а четырехстолпные — монастырскими³⁷. Однако в 1950-е гг. не было возможности подтвердить эту в целом небезосновательную гипотезу, и она не получила признания. Условия заказа и первоначальное назначение многих построек до сих пор представляют собой не менее

---

³⁴ Бошкович, 1966; см. также: Бошковић, 1968/1.

³⁵ Krautheimer, 1986. P. 433–440.

³⁶ Mango, 1976. P. 308–323.

³⁷ Стричевић, 1955/1.

важную проблему, чем их хронология. Боковые конхи моравских храмов Стричевич традиционно связывал с Афоном. Не довольствуясь голословным утверждением, он стремился выявить причины и механизмы заимствования этой схемы, которые опять-таки искал в фактах церковно-политической истории. В качестве возможного посредника в перенесении трехконхового плана с Афона на сербские территории Стричевич называет старца Исаяю, а первые моравские постройки он связывает с македонскими триконхами — церковью Свв. Архангелов в Кучевиште и храмом в Рджавце, что дает возможность более ранней датировки первых моравских памятников серединой и третьей четвертью XIV в. Таким образом, Стричевич первым ставит такие важнейшие проблемы как хронология моравских построек, а также территориальная связанность и последовательность процессов, протекавших на македонских и моравских территориях.

Мнение Стричевича о сложении моравского типа храма и возможности ранних датировок не было принято Б. Вуловичем, автором другого важного исследования 1950–1960-х гг. В своей монографии «Раваница»³⁸, которая была написана после масштабных реставрационных работ, он впервые предлагает именно эту постройку князя Лазаря поставить в начало хронологии моравских памятников. По мнению Вуловича, главным условием формирования оригинальных решений моравских церквей становится благоприятность политических, идеологических, экономических факторов в эпоху правления князя Лазаря. Наличие давних и тесных связей Сербии и Афона и, особенно примирение Сербской патриархии с Константинопольской, произошедшее в 1370-е гг. при Лазаре, автор считает достаточными аргументами для подтверждения версии об афонском происхождении боковых конх. Он предполагает, что сербы ориентировались, прежде всего, на кафоликон своего монастыря

---

³⁸ Вулович Б., 1966.

Хиландара, возведенный кралем Милутиным в первой четверти XIV в., формы которого были творчески соединены с лучшими образцами крестово-купольных пятиглавых построек той же эпохи (Богородица Левишка, Старо-Нагоричино, Грачаница)³⁹. Это дало в результате новый тип храма, лучшим образцом которого стала Раваница.

Б. Вулович внес большой вклад и в исследование другой важнейшей особенности моравских храмов — декора. Эта особенность была выделена еще исследователями конца XIX – начала XX в. В то время рельефный и полихромный декор фасадов моравских храмов, как правило, считали результатом внешних влияний, причем предлагались самые разные источники: хорватское и Зетское Приморье, Западная Европа, Византия, Афон, Армения, Грузия, христианский и мусульманский Восток, даже Древняя Русь. Б. Вулович отмечает, что такие выводы в большинстве случаев делались без подробного изучения как особенностей самой каменной пластики, так и процессов внутри сербской художественной среды. Он предлагает рассматривать декоративные программы фасадов моравских храмов в связи с особенностями объемно-пространственных и конструктивных решений в сербской архитектуре того времени⁴⁰. С его точки зрения, декор моравских храмов — не результат эклектичного заимствования разнородных элементов, а своеобразный вариант воплощения общих для поздневизантийского искусства тенденций. Позднее Йованка Максимович⁴¹ и Надежда Катанич⁴² обобщили мнения предшественников и показали всю сложность изучения данного вопроса, по которому так и не было выработано единого мнения.

Как и Дж. Стричевич, Б. Вулович видел проблематичность существующей общей периодизации сербского средневекового зодчества, которая стала особенно очевидной после реставрационного раскрытия

---

³⁹ Вуловић Б., 1972.

⁴⁰ Там же. С. 92, 95; Вуловић Б., 1997. С. 25–26.

⁴¹ Максимовић Ј., 1971. С. 117–152; Она же, 1972.

⁴² Катанић, 1988.

памятников, выявления многочисленных новых построек, уточнения обстоятельств их возведения. Очень многие факты уже никак не вписывались в старые схемы. Вместо территориального и хронологического принципов, положенных в основу периодизации Милле, Вулович предлагает рассматривать крупные взаимосвязанные историко-культурные периоды и говорит о влиянии экономических и политических факторов на искусство этих периодов. Термин «моравская школа» он заменяет описательными наименованиями, такими как «моравская группа памятников» или «архитектура времени князя Лазаря и его наследников». Однако в трудах Вуловича отход от западноевропейской «универсальной» стилевой классификации в сторону изучения специфики региональных направлений был только намечен.

Важнейший вклад в изучение моравских храмов внес выдающийся исследователь сербской и византийской архитектуры Войслав Корач⁴³. С его точки зрения, «моравская школа» — понятие очень условное, поскольку свое идеальное воплощение оно нашло всего в нескольких постройках князя Лазаря, и в каждом случае — в разных вариантах. В целом, безусловно, это яркое и оригинальное направление в архитектуре, которое отличают конкретные параметры: план, объемно-пространственные композиции, конструкция, техника возведения, пластический и полихромный декор. Главное отличие моравских храмов — характерный трехконховый план в сжатом или развитом (с четырьмя опорами) варианте, соединенный с византийским типом купольного храма. Все остальные черты, включая и плоскорельефный декор (которого, как подчеркивает Корач, в большинстве моравских построек все же нет), имеют византийское происхождение. Эти черты сочетаются в разных комбинациях, так что между памятниками много существенных различий. Это многообразие вариантов не вписывается в идеальную схему Милле.

---

⁴³ Korac, 1972. С. 157–168; Korac, 1987/6; Он же, 2006.

Корач приходит к выводу, что архитектура эпохи князя Лазаря и его наследников отличается от зодчества прошлых десятилетий, с которыми она неразрывно связана, распространением некоторых новейших тенденций, характерных для поздневизантийской эпохи вообще. От собственно византийской архитектуры позднепалеологовского периода моравскую школу отличает лишь большая свобода творчества местных сербских мастеров, особенно ярко проявившаяся в декоре храмов и в способах вертикальной организации их композиции, к которой были добавлены заимствованные на Афоне боковые конхи. Последнее утверждение вводится Корачем без развернутой аргументации, просто на основании устойчивости применения боковых конх на Афоне и в Моравской Сербии. Сербскую архитектуру конца XIV – первой половины XV в. Корач считает одним из региональных вариантов позднепалеологовской традиции и рассматривает ее наравне с архитектурой Мистры, Несебра и др.

К 1990-м гг. в изучении моравских церквей наступает кризис⁴⁴. Использование введенного Г. Милле термина «моравская школа» как относящегося к некой стилистически единой и обособленной группе памятников, хронологически и территориально ограниченной, входит в противоречие с результатами многолетних исследований. Внимательное изучение археологических и исторических аспектов дало уверенное обоснование увеличению числа памятников, принадлежащих к последнему периоду развития сербской архитектуры, что обнаружилось уже ранее в исследованиях В. Петковича⁴⁵, Дж. Бошковича⁴⁶, С. Ненадовича⁴⁷,

---

⁴⁴ *Кораћ*, 2006. С. 209–210.

⁴⁵ *Петковић В.*, 1950.

⁴⁶ *Бошковић*, 1947. С. 211–214.

⁴⁷ *Ненадовић*, 1980. С. 157–189.

А. Дероко⁴⁸. Выявленные и описанные В. Корачем и другими учеными многообразные варианты воплощения идеальной моравской схемы, или, точнее, отступления от нее (вплоть до храмов без боковых конх⁴⁹) сделали совершенно очевидным отсутствие стилового единства. Ответа на вопрос об истоках этого регионального направления тоже так и не было дано, хотя его связь с предшествующими традициями теперь уже не вызывает сомнений. Это, в свою очередь, ведет к размыванию хронологических границ и требует пересмотра датировок многих памятников.

Решить накопившиеся в изучении моравской архитектуры проблемы попытался Владислав Ристич, автор первой и пока единственной монографии по этой теме⁵⁰. Он соглашается с Вуловичем и Корачем в том, что наиболее полно моравский стиль проявляет себя в Лазарице и Раванице. Однако если Вулович и Корач ставили эти памятники в начало ряда моравских построек, то по мнению Ристича, им должен был предшествовать некий путь развития. Ристич подвергает сомнению возможность влияния на моравское зодчество современной ему архитектуры Византии, Приморья и Запада. Не всегда приводя достаточные доказательства, он пытается узаконить ранние датировки некоторых моравских построек, предложенные предшественниками, особенно Стричевичем. По мнению Ристича, в течение длительного времени на архитектуру косовско-метохийских и македонских областей влияли афонские традиции, что привело к появлению там триконхов уже в 1320–1340-е гг. (церковь Рильского монастыря, церковь Богородицы в Лешке, церковь Св. Николая Мрачского, церковь Св. Николая монастыря Архангелов под Призреном, церковь в Рджавце (Убожац), церковь Свв.

---

⁴⁸ *Дероко*, 1985. С. 177–179. Число Моравских памятников у А. Дероко увеличилось после добавления скадарских памятников и Добруна. Это изменило и территориальные границы Моравской школы.

⁴⁹ *Радуловић*, 1989.

⁵⁰ *Ристић*, 1996.

Архангелов в Кучевиште)⁵¹. Их он обозначает как «протоморавские» и считает прототипами вариантов позднейших моравских храмов (четырёхстолпный, однонефный и упрощенный). С точки зрения Ристича, нужно отказаться от термина «моравская школа» и заменить его на три других, соответствующих предлагаемой им новой периодизации. Триконхи 1320–1340-х гг., находящиеся не на моравских территориях, он предлагает называть «предморавскими». Затем выделяется группа «ранних моравских триконхов», находящихся на моравских территориях и относимых Ристичем к периоду между 1350 и 1389 гг. Наконец, архитектуру 1389–1459 гг. он предлагает называть «позднеморавской» и рассматривать каждую область по отдельности. Т.о. Ристич пересматривает терминологию, хронологию и саму структуру старой периодизации и классификации, разводя понятия «моравский период» и «моравские территории».

Однако, к сожалению, не все гипотезы и логические построения Ристича аргументированы и удовлетворительны. Следующим шагом и, на самом деле, главной задачей его работы становится попытка выстраивания хронологического ряда памятников — попытка утопическая, ввиду отсутствия объективной возможности уточнить датировки многих из них. Подобно Милле, Ристич видит архитектурное развитие как эволюцию стилевых признаков. В качестве основного критерия для выстраивания своей эволюционно-хронологической линии он выбирает коэффициент соотношения длины и ширины наоса храма (т.е. вытянутость по оси восток-запад), который, по мнению исследователя, постепенно возрастает от более ранних к более поздним постройкам. Возможность существования такой закономерности ничем не подтверждается.

Несмотря на необоснованность новой эволюционной теории, опору на непроверенные факты и недостаточную аргументированность выдвигаемых гипотез, работа Ристича все же стала важным вкладом в

---

⁵¹ *Ристич*, 1996. С. 49–50.

изучение моравской архитектуры. Он собрал и обобщил весь опыт предшественников, составил последний и самый полный каталог моравских храмов (их насчитывается 88) с исчерпывающей библиографией⁵² и предложил пересмотреть многие вопросы, без решения которых исследование моравской архитектуры не может двигаться дальше. Такие позиции Ристича как отказ от понятия «школа» и необходимость расширения хронологических границ моравской архитектуры могут быть приняты. Если он и не дал удовлетворительных ответов на все поставленные вопросы, это должно быть сделано в будущем. Прежде всего, интересная гипотеза Ристича о сложении типа триконха еще в имперский период на македонских и косовско-метохийских территориях требует подтверждения через углубленное исследование архитектурного и историко-культурного контекстов.

Однако комплексных исследований, могущих представить альтернативу работе Ристича, до сих пор не появилось. Вышло несколько монографий и статей о моравском зодчестве, среди которых следует выделить работы Ивана Стевовича: монографию о Калениче и статью «Архитектура Моравской Сербии: локальная архитектурная школа или эпилог основных течений поздневизантийского зодчества»⁵³. В них подвергаются критике и явно устаревшая искусственная периодизация Милле, и новейшая эволюционная схема Ристича, основанная на непроверенных данных. И. Стевович считает, что понятие «школы» неприменимо к сербскому зодчеству, и вообще выступает против всяких жестких схем. Своей главной задачей он считает показать византийское происхождение всей сербской архитектуры от начала XIV в. и до конца моравского периода. Стевович предлагает вернуться к концепции Корача, дающей такое удобное определение моравской архитектуре, которое освобождает от границ стилевой условности и позволяет объяснить

---

⁵² Ристич, 1996. С. 209–234.

⁵³ Стевович, 2006/1; Он же, 2006/2.

отдельные элементы моравских построек многообразием поздневизантийского арсенала архитектурных форм и средств, а общие процессы — широкими рамками эклектичной логики, где им всегда отыщется место наравне с другими региональными вариантами, такими как архитектура Эпира, Салоник, Мистры, Несебра и даже увядающего Константинополя.

Слободан. Чурчич, занимавшийся не только сербской архитектурой, но и византийской, в своей последней обобщающей работе 2010 г. об архитектуре Балкан⁵⁴ совершенно справедливо отмечает, что введенный Г. Милле и ставший привычным термин «моравская школа» на самом деле — ширма, за которой скрывается целый ряд серьезных нерешенных проблем. Во-первых, это вопрос о стилистическом единстве памятников, созданных в последней четверти XIV – первой половине XV в. на сильно сократившейся территории Сербского государства; во-вторых, появление богатой каменной резьбы в декоре этих храмов; в-третьих, единство плановой схемы, будто бы отражающее влияние афонской архитектуры на сербскую. Как отмечает Чурчич, предлагавшиеся до сих пор решения были слишком узкими и слишком жесткими. С его точки зрения, те же проблемы, касающиеся как планировочных схем, так и стилистики, затрагивают гораздо больший круг памятников на более обширных территориях. Будто бы спонтанное возникновение моравской школы по инициативе одного заказчика — князя Лазаря — Чурчич называет еще одним мифом⁵⁵. Отдавая должное значимости его роли, исследователь считает, что возведение некоторых построек было приписано ему безосновательно. Исследователь констатирует наличие и других проблем в исследовании моравской архитектуры. О сходстве пышного декора моравских храмов и с поздневизантийскими, и позднеготическими

---

⁵⁴ Ćurčić, 2010. P. 671–682.

⁵⁵ Ibid. P. 671.

постройками написано много, но все же и этот вопрос не получил систематической проработки. Мало внимания уделялось возможности перемещения с места на место различных мастеров и артелей, что могло бы помочь прояснить эти и другие вопросы. До сих пор не получил объяснения тот факт, что в последней четверти XIV – первой половине XV в. с новым стилем соединяются многие консервативные элементы, например, некоторые конструкции. Однако Чурчич дистанцируется от тех своих предшественников, которые рассматривали моравскую школу как национальное явление, и расценивает ее как последний расцвет византийской архитектуры, имевший место на территории Сербии и под покровительством ее правителей.

С. Чурчич попытался ответить только на некоторые из обозначенных им вопросов, в частности, осветить роль архитектуры предшествующего периода в генезисе «моравской школы». Он выделил ряд построек второй и третьей четверти XIV в. в окрестностях Скопье, в которых, с одной стороны, есть черты столичной византийской архитектуры, а с другой стороны, несомненно влияние традиций зодчества сербского Приморья⁵⁶. По мнению С. Чурчича, это направление доминировало в сербской архитектуре середины – третьей четверти XIV в., а к 1370-м гг. породило новый стиль «моравской школы»⁵⁷. Однако подробного разбора конкретных проявлений и путей этого процесса С. Чурчич не дает.

Его последовательница Елена Богданович⁵⁸ недавно провела тщательное исследование памятников в районе Скопье, которые она тоже считает предшествующим этапом для развития архитектуры моравского периода. Ею был проведен более подробный анализ композиционных, стилистических и технических особенностей этих построек, однако связь с

---

⁵⁶ Čurčić, 1978; Čurčić, 1989. P. 60–62, 67–68; *Id.*, 2010. P. 636–644; 682.

⁵⁷ Čurčić, 1989. P. 60–62, 67–68, nt. 89.

⁵⁸ Bogdanović, 2011.

моравскими храмами тоже была лишь намечена на уровне сходства отдельных параметров.

Ученица С. Чурчича, Е. Тркуля, в своей диссертации развила еще одно направление, проанализировав фасадный декор поздневизантийских храмов⁵⁹. Рассматривая сербскую архитектуру второй половины XIV – первой половины XV в. после архитектуры Эпира, Салоник, Малой Азии, Константинополя и Болгарии, исследовательница подчеркивает общность тенденций в развитии фасадного декора и считает, что в «моравской школе» поздневизантийские тенденции нашли свое наиболее полное воплощение. Исследование остальных проблем, связанных с изучением моравской архитектуры, не входило в задачи этой работы.

Недавно был анонсирован проект под руководством С. Чурчича с названием «Корпус церковной архитектуры Сербии позднего средневековья. 1355–1459»⁶⁰. Хотя в рамках этого проекта пока вышла только совместная монография С. Чурчича и С. Попович о Наупаре, для нас важно ясно обозначенное изменение в принятой периодизации архитектуры моравской Сербии. Вслед за Ристичем, С. Чурчич и С. Попович теперь включают в нее период распада империи Душана (1355–1371), который они рассматривают как непосредственное введение в моравский период. Появление такого нового направления исследований можно только приветствовать.

На данный момент стало ясно, что в качестве определения последнего периода развития сербского зодчества термин «моравская школа» едва ли однозначен и применим, поскольку среди памятников этой эпохи нет четкого стилового единства, а об условиях их возведения и мастерах практически ничего не известно. Датировки памятников моравской архитектуры, ее периодизация, истоки основных архитектурных

---

⁵⁹ *Trkulja*, 2004.

⁶⁰ *Поповић, Чурчић*, 2000. С. 7.

особенностей, характер связей с архитектурой предшествующих периодов — все эти проблемы получили различные интерпретации гипотетического характера. Особого внимания требует проблема появления типологии триконха и назначения боковых конх в моравских храмах. Все эти вопросы остаются непроясненными до сих пор и требуют разностороннего комплексного исследования.

Глава 2

Византийская традиция и национальная специфика в сербской архитектуре второй половины XIV – первой половины XV в.

На данный момент абсолютно очевидна искусственность и недостаточность концепции развития сербской архитектуры, предложенной Г. Милле. Ее главный недостаток в том, что на примере слишком малого числа памятников была создана слишком условная схема. Памятники были представлены как три изолированные стилевые группы. Как показывает историографический обзор, рассмотрение сербской архитектуры с точки зрения эволюции стиля не дало возможности показать связи между этими группами (периодами) и достаточно объяснить логику региональной специфики, которую Милле обозначил, но не развил. В дальнейшем попытки объяснить специфику стиля каждого из трех периодов истории сербского зодчества влияниями извне (прежде всего, из Византии и Западной Европы) также не дали удовлетворительных результатов. Вопрос о связи между тремя периодами истории сербского зодчества так и остался нерешенным, как и вопрос о характере взаимодействия византийской основы и региональной сербской специфики.

Полагаем, что именно эти вопросы являются ключевыми для понимания логики развития сербской средневековой архитектуры вообще и моравского зодчества в частности. С нашей точки зрения, именно региональная специфика является связующим в процессе трехвекового архитектурного развития и определяет его характер на каждом отдельном этапе. Эта специфика заключается в средневековой сербской церковно-государственной идеологии и типе восприятия художественной формы, отличном от классического византийского идеала. Если учесть эти

определяющие факторы, то история сербской архитектуры окажется гораздо более цельным явлением, а периодизация — более логичной и нюансированной. Для того, чтобы понять логику моравской архитектуры, нам необходимо дать краткий обзор истории сербского зодчества с этой точки зрения.

2.1. Истоки и суть сербской архитектурной специфики

Славяне заселяют Балканский полуостров в VII в. и продвигаются вплоть до адриатического побережья, где продолжали существовать римские города с их развитой культурой⁶¹. Пришельцы постепенно оседают на новых землях, часть из них принимает крещение, смешивается с местным населением. Узкая полоска адриатического побережья продолжала во многом жить позднеантичными традициями⁶², тогда как отделенные от нее высокими горами внутренние территории в культурном отношении развивались очень медленно и слабо. Находясь в буквальном смысле слова между Востоком и Западом, эти области были ареной борьбы за политическое и культурное влияние между Византийской империей, папским Римом и Империей Карла Великого и его преемников. Однако и для тех, и для других эти земли были периферией, буферной зоной, которая оказалась на обочине развития и византийской, и западноевропейской средневековой культуры.

В архитектуре далматинских городов доживают до X–XI вв. многие позднеантичные и раннехристианские типы зданий и стилистические приемы, постепенно упрощаясь и вырождаясь⁶³. В это время здесь возникает особый архитектурный тип, получивший в этих землях широкое распространение: однефная базилика, иногда имевшая небольшой купол над центральной частью. Храмы строятся из камня с характерными именно

---

⁶¹ *Новаковић Р.*, 1981. С. 415.

⁶² *Јанковић*, 2007. С. 139–141.

⁶³ *Суботић*, 1963. С. 19–20.

для этой техники типами декора⁶⁴. Как в архитектуре, так и в живописи приморских городов раннехристианские традиции смешивались с влияниями, шедшими из Византии и Италии.

Что касается внутренних территорий, то до IX в. большая их часть формально входила в состав Византийской империи⁶⁵, но затем была завоевана болгарами. Во второй половине IX в. культурная жизнь всего региона оживляется в связи со Вторым крещением славян, миссионерской деятельностью свв. Кирилла и Мефодия и их учеников и начатым ими монастырским движением⁶⁶. Однако каменное строительство в IX–X в. более активно ведется в районе Плиски, Преслава, Охрида и на других македонских территориях, тогда как в Рашке и других землях будущего Сербского государства оно остается эпизодическим явлением. С уничтожением Первого болгарского царства и возвращением большей части его территорий под власть Византии в 1014–1018 гг., возникают предпосылки для нового усиления византийского присутствия и влияния на культурную жизнь этой части Балкан⁶⁷.

С другой стороны, в середине XI в. на Адриатическом побережье формируется протогосударство с центром в Стоне, которое объединяет несколько областей и получает название Дукля (позднее — Зета). В середине XII в. именно представители зетской династии начинают расширять свое влияние и перемещают политический центр из Приморья в Рашку — т.е. во внутренние области Балканского полуострова⁶⁸. В это время к власти приходит младший представитель зетской династии Стефан Неманя⁶⁹, который побеждает в борьбе за власть и объединяет все сербские земли, как внутренние, так и приморские, сделав центром своего

---

⁶⁴ *Кораћ*, 1965. С. 74; *Он же*. 1987/1. С. 17.

⁶⁵ *Живковић*, 2002. С. 382–434

⁶⁶ *Тахиаос*, 2005.

⁶⁷ *Максимовић Љ.*, 2008. С. 61–91.

⁶⁸ *Калић*, 2006/1. С. 77–110.

⁶⁹ Литература о св. Стефане Немане весьма обширна. См. его биографии (*Немањић*, 1975; *Стевановић М.*, 2002), а также материалы научной конференции: Стефан Немања, 2000.

государства Рашку⁷⁰. Стремясь освободиться от власти Византии и в то же время признавая ее авторитет, Стефан Неманя то пользуется поддержкой византийских императоров, то ведет с ними войны. В конце концов, ему удается утвердить свою власть над сербскими территориями и даже породниться с императором Алексеем III Ангелом, женив своего сына Стефана на его дочери⁷¹.

С самого начала существования сербского государства храмовое строительство оказывается одной из важнейших составляющих церковно-политической идеологии его правителей⁷². Возведение так называемых задужбин (храмов, строящихся на помин души) в эпоху Стефана Немани и его наследников оказывается прерогативой самого правителя и его ближайших родственников, причем каждый храм отмечает то или иное важное событие⁷³. Так, возведение одной и поновление другой старой постройки в центре небольшой области в Куршумлии (Топлице) отметило победу Стефана Немани в борьбе за верховную власть в Рашке при поддержке византийского императора Мануила Комнина, приславшего мастеров для строительства этих храмов⁷⁴. Церковь Св. Николая и церковь Богородицы в Куршумлии (между 1166 и 1168 г.) стали первыми крупными каменными постройками, возведенными на сербских землях за очень длительный период. В 1171 г. Неманя строит церковь Св. Георгия в Расе в честь своего освобождения из плена⁷⁵. Наконец, ок. 1186 г. после ряда крупных военных побед и присоединения Зеты Стефан Неманя строит церковь Успения Богородицы монастыря Студеница, свою будущую усыпальницу⁷⁶. Три задужбины Стефана Немани, с которых

---

⁷⁰ Ђирковић, 2004. С. 34.

⁷¹ Ласкарис, 1926. С. 7–38; Ферјанчић, 1964; Максимовић Љ., 2008. С. 115–116.

⁷² Рокаи, 2000. С. 95–98.

⁷³ Ферјанчић, 2000. С. 32–35. О задужбине как особом явлении сербской средневековой культуры см.: Троицки, 1935. С. 120–121; Поповић Д., 1992. С. 9.

⁷⁴ Ђурић В. Преокрет у уметности Немањиног доба // Историја, 1981–1982. Књ. 1. С. 275; Шупут, 2000; Кораћ, 1977; Вуловић Б., 1957/1; Stevović, 2010.

⁷⁵ Нешковић, 1975; Он же, 1984. Седов, 2009.

⁷⁶ Чанак-Медић, 1986. С. 167; Поповић Д., 1986; Поповић М, 2015.

начинается история сербской архитектуры, сильно различаются между собой по своему внешнему облику. И все же, при более внимательном рассмотрении, мы сможем выявить в них вполне определенное объединяющее начало: это выбор типологии однефного купольного храма, пришедшей из Византии и по-своему интерпретированной в местных условиях⁷⁷.

Церковь Св. Николая в Куршумлии была построена константинопольскими мастерами⁷⁸, избравшими известный для столичного зодчества того времени тип компактного крестово-купольного храма и работавшими в привычной для них технике⁷⁹. Собственно в константинопольской архитектуре возвращение к этому типу, по всей видимости, было связано с общей для того времени тенденцией к расширению подкупольного пространства, обозначившейся еще в XI в. Из числа хорошо сохранившихся памятников константинопольского круга в качестве близких аналогий церкви Св. Николая можно назвать церковь Св. Аверкия в Куршунлу и кафоликон монастыря Хора⁸⁰.

Подчеркнутая зальность центрального пространства, перекрытого куполом, — важнейшая особенность византийских образцов, которая впоследствии была перенята сербскими зодчими, тогда как другие особенности (например, техника кирпичной кладки с утопленным рядом) не получают продолжения на сербской почве. Непосредственно от константинопольской строительной традиции усваивается прежде всего сама идея, но не нюансы ее воплощения: тип однефного купольного храма с выделенным внутри и снаружи подкупольным ядром.

После строительства храмов в Куршумлии византийские мастера уехали, и следующие постройки Стефана Немани возводятся уже другими строителями, происходившими из Приморья. Они воплощают

---

⁷⁷ *Кораћ*, 1987/3. С. 85.

⁷⁸ *Седов*, 2009. С. 40.

⁷⁹ *Вуловић Б.*, 1957/1; *Љубинковић*, 1968.

⁸⁰ *Седов*, 1999. С. 134–142; 587; *Оустерхаут*, 2005. С. 110–111.

византийскую идею другими средствами, привычными для них, что совершенно очевидно в церкви Св. Георгия (Джурджеви Ступови) в Расе⁸¹. Этот храм построен в другой технике и стилистике. У него гораздо более вытянутые по вертикали пропорции. Здание построено полностью из камня, что влечет за собой иную систему декора. Но ключевой момент, который роднит эту постройку с византийской традицией и церковью Св. Николая в Куршумлии, — интерьер⁸². Зальное пространство, полностью подчиненное одному большому куполу, и есть главное ядро всего архитектурного образа. Остальные части здания — несколько уплощенная трехчастная алтарная часть, ононефный наос, притворы с запада и по бокам — также воспроизводят композицию церкви Св. Николая в Куршумлии⁸³. Стилистические изменения очень значительны, но типология здания и его главная идея сохранены.

В 1180-е гг., когда строится главная задужбина Стефана Немани — церковь Богородицы в Студенице⁸⁴, — Сербия уже фактически ощущает себя независимой. Несомненно, в данном историческом контексте Студеницкий храм приобретает характер декларации, свидетельствующей о мощи быстро растущего государства⁸⁵. Это объясняет большой масштаб и великолепие постройки, ориентированной на лучшие традиции европейской архитектуры того времени, прежде всего византийской, но не только⁸⁶. Притом, что Студеницкий храм в целом воспринимается как произведение византийского круга, в нем, вероятно, впервые обозначаются черты национального своеобразия, которые получают дальнейшее развитие.

---

⁸¹ *Нешкович*, 1975; *Он же*, 1984. С. 25–95.

⁸² *Шупут*, 2000. С. 171–178; *Korać*, 1977. С. 10–14; *Вулович Б.*, 1957/1.

⁸³ За исключением одной особенности, которая не повторяется: в церкви Св. Николая в Куршумлии есть только один южный притвор с устроенной там погребальной камерой.

⁸⁴ *Кашанин и др.*, 1986. С. 45–73; *Бабић*, *Кораћ*, *Ђирковић*, 1986. С. 24–49.

⁸⁵ *Калић*, 1988. С. 33. Ср.: *Кашанин и др.*, 1986. С.15, 29–30; *Благојевић*, 1988.

⁸⁶ *Бошковић*, 1988. С. 131.

После примирения с Византией возникают условия для активизации культурных связей. Посвящение Студеницкого монастыря и его устав связаны с константинопольским монастырем Богородицы Евергетиды⁸⁷. В этом, как и в общем характере постройки, явно прослеживается ориентация на византийскую столицу⁸⁸.

Как и церковь Св. Николая в Куршумлии, это однефный купольный храм, однако гораздо более крупный, сложный и роскошный. Выделяется кубический объем наоса, увенчанный большим куполом. С востока примыкает пониженный трехчастный алтарь, а с запада — удлиненный компартимент, включающий в себя два нартекса. Центральную часть фланкируют сильно пониженные вестибюли. Постройка несколько вытянута по оси восток — запад.

Византийская основа бесспорно читается в плане Студеницкого храма. И тем не менее, сразу обращает на себя внимание одна важная особенность. Студеница изначально строилась как усыпальница великого князя, и оформление его погребения здесь отличается от византийской традиции⁸⁹. Первоначально погребение Стефана Немани, вероятно, планировалось в церкви Св. Николая в Куршумлии, для чего византийскими строителями был возведен специальный купольный парекклесион, примыкавший к подкупольному квадрату⁹⁰. Другой распространенный в византийской практике того времени вариант предусматривал устройство погребений ближе к наосу⁹¹. В Студенице и впоследствии почти во всех постройках рашского периода захоронение находится в западной травее — т.н. внутреннем нартексе, отделенном от подкупольного квадрата небольшим выносом лопаток.

---

⁸⁷ Христу, 1986. С. 69–73; Радојичић, 1936; Петровић М., 1986/1. С. 11–15; Петровић М., 1986/2.

⁸⁸ Шупут, 1988; Максимовић Љ., 2008. С.117.

⁸⁹ Поповић Д., 1986; Остерхаут, 2005. С. 138–139; Мальцева, 2010. С. 286.

⁹⁰ Поповић Д., 1992.

⁹¹ Остерхаут, 2005. С. 138–139.

Истоки этой традиции, как кажется, прослеживаются в архитектуре Далмации. Как уже было сказано выше, здесь в XI–XII вв. получил широкое распространение тип однефного храма, иногда имевшего купол⁹². Одной из важных отличительных особенностей этих храмов было функционально обусловленное деление пространства храма на три зоны: алтарь, наос и нартекс⁹³. Связь нартекса с ктиторскими погребениями, например, засвидетельствована в церкви Архангела Михаила в Стоне (сер. XI в.) — усыпальнице зетского князя Михаила, который изображен в западном компартименте с моделью храма в руках⁹⁴. Деление пространства на три части обычно обозначалось лопатками, усиливавшими стены и иногда служившими опорами для купола. Трехчастное деление пространства храма с помощью лопаток есть и в церкви Св. Николая в Куршумлии, и в церкви Св. Георгия в Расе, хотя в этих двух храмах, как уже говорилось, погребений в западной травее не выявлено⁹⁵.

Итак, одна из важных особенностей, отличающих Студеницкий храм от византийских образцов и связанных с местной традицией, восходящей к архитектуре сербского Приморья, — функционально обусловленное трехчастное деление интерьера и размещение ктиторского захоронения в западной травее (внутреннем нартексе)⁹⁶. Полагаем, что именно привычка сербских заказчиков XII в. к однефным храмам с трехчастным делением интерьера во многом предопределила выбор соответствующей византийской типологии, ее устойчивость и дальнейшую переработку. Прежде всего, эта переработка состояла в отсутствии жесткого конструктивно выраженного деления между наосом и внутренним нартексом, которые, тем не менее, были разделены функционально.

---

⁹² *Кораћ*, 1987/2; *Марасовић*, 1988. С. 462; *Дероко*, 1985. С. 54. Подробно о проблеме см.: *Кораћ*, 1987/2; *Стевовић*, 1990.

⁹³ *Ненадовић*, 1980. С. 15–19; *Дероко*, 1985. С. 33–45.

⁹⁴ *Стевовић*, 1996.

⁹⁵ *Љубинковић*, 1968.

⁹⁶ *Мальцева*, 2010.

Не только в плановой структуре, но и в объемно-пространственной композиции Студеницкого храма далеко не все можно свести к современной памятнику византийской архитектуре. С одной стороны, четкое выделение центрального ядра, увенчанного большим зонтичным куполом, — несомненно, характерная византийская черта⁹⁷. Снаружи купол воспринимается как лежащий на широком кубическом основании, напоминая храм Св. Софии Константинопольской. Такие аллюзии, возможно, предусматривались и самими создателями храма, возводившими главный храм Сербии.

С другой стороны, в интерьере, при всей его зальности и центричности, благодаря нюансам пропорциональных соотношений и слегка стрельчатым очертаниям подпружных арок заметна тенденция к вертикальному развитию пространственной композиции. Это особенно заметно по сравнению с церковью Св. Николая в Куршумлии. Намеченная здесь идея получит продолжение в следующих после Студеницы постройках уже с развитой башнеобразной структурой.

Существуют и другие особенности, которые невозможно объяснить византийскими истоками. Наиболее ярко это проявилось в композиции трехчастной алтарной зоны. Специфика данного решения заключается в совмещении трех апсид с однонефным храмовым пространством. Также не типичным для византийской практики представляется и полуциркулярная конфигурация апсид, и композиционное решение с двумя плотно прижатыми пониженными боковыми апсидами.

Другой яркой особенностью Студеницкого храма является его каменная резьба. Очевидно, что здесь имело место слияние романских и византийских элементов иконографии и стилистики. Однако в результате возникло весьма своеобразное явление, не имеющее точных аналогий ни в западном, ни в восточном искусстве. Для нашей темы важно, что в дальнейшем в средневековой Сербии мотивы студеницкой резьбы часто

---

⁹⁷ *Шупут*, 1998; *Максимовић Љ.*, 2008. С. 117.

будут воспроизводиться при строительстве задужбин-усыпальниц для того, чтобы подчеркнуть их связь именно со Студеницей как чтимым образцом⁹⁸. Таким образом, эта черта тоже станет одним из узнаваемых элементов национальной специфики в сербской архитектуре.

Очевидно, что основные элементы рождающейся региональной традиции и логика ее дальнейшего развития проявились в архитектуре Студеницкого храма уже на первом этапе его существования. Своеобразие этой архитектурной программы коренится в возможности выбора из всего накопленного византийской и европейской архитектурой арсенала; однако воплощение находит прежде всего то, что в большей мере отвечает условиям местной специфики. Важнейшими устойчивыми чертами этой региональной традиции уже в конце XII в. становится закрепление типа однонефного купольного храма с четким функциональным делением на три пространственных зоны; стилистическое разнообразие построек, связанное с разным происхождением мастеров; ориентация на сакрально значимые образцы, важнейшим из которых становится Студеница⁹⁹.

Студеницкий храм получил особое значение в истории сербской архитектуры по нескольким причинам. Во-первых, он был задужбиной-усыпальницей основателя правящей династии¹⁰⁰. Во-вторых, он стал первым сербским монастырем, заложившим основания для традиции устройства монастырских задужбин Неманичей. В-третьих, совершенно особый статус ему придали события последних лет жизни основателя.

В 1196 г. Стефан Неманя отказывается от великокняжеского престола в пользу среднего сына Стефана и принимает монашеский

---

⁹⁸ Например, в храмах XIV в., таких как церковь Св. Стефана в Баньской и храм Пантократора в Дечанах. См.: *Тодић, Чанак-Медић*, 2005. С. 221.

⁹⁹ *Калић*, 1988. С. 33; О задужбине как особом явлении сербской средневековой культуры см.: *Троицки*, 1935. С. 120–121; *Максимовић Љ.*, 2008. С. 305–312.

¹⁰⁰ *Чанак-Медић*, 1986. С. 167; *Поповић Д.*, 1986.

постриг в Студенице с именем Симеон¹⁰¹. После этого он отправляется на Афон, где уже несколько лет подвизался его младший сын Растко, в монашестве Савва. Вместе они строят на месте бывшего метоха Ватопеда Хиландарский монастырь, который впоследствии станет важнейшим центром духовной жизни Сербии¹⁰². Ок. 1199 г. Симеон скончался в Хиландаре и был там погребен. Уже через несколько лет его гробница начинает мироточить, и бывший сербский правитель становится первым сербским святым. Составляются службы памяти св. Симеона Мироточивого, его культ начинает оформляться и распространяться усилиями его сыновей, Стефана Первовенчанного и св. Саввы Сербского¹⁰³.

После канонизации св. Симеона Мироточивого и перенесения его мощей из Хиландара в Студеницу в 1207 г.¹⁰⁴ его культ становится основой церковно-политической идеологии Сербии, а Студеница — главным центром почитания первого сербского святого, основателя и покровителя Сербского государства¹⁰⁵. Культ св. Симеона Мироточивого становится специфической сербской темой, с которой оказываются связаны и весьма своеобразные черты в храмовом зодчестве. С этого времени в рашских храмах обязательными становятся парекклесии¹⁰⁶, как правило, посвященные св. Николаю Мирликийскому — небесному покровителю Стефана Немани, св. архидиакону Стефану — покровителю сербского самодержавия, и самому св. Симеону Мироточивому — первому сербскому святому и основателю святородной династии.

Дальнейшее переосмысление византийской традиции продолжается в сербской архитектуре XIII в. Чем дальше, тем больше выявляется региональная специфика. Она обуславливается, во-первых,

---

¹⁰¹ Живојиновић, 1980; Кашанин и др., 1986. С.15, 29–30; Калић, 2006. С. 239–240.

¹⁰² Ненадовић, 1997; Богдановић Д., Бурић, Медаковић, 1978.

¹⁰³ Поповић Д., 1996.

¹⁰⁴ Максимовић Љ., 2008. С. 305–312.

¹⁰⁵ Калић, 2006. С. 242–243.

¹⁰⁶ Babić, 1969; Koraћ, 1987/7. С. 150.

необходимостью выделять пространства для особых культовых функций, что влечет за собой изменения в композиции построек. Во-вторых, Студеница остается значимым образцом, и при всем разнообразии стилистики, постоянно повторяется ее типология однефного купольного храма и функциональное распределение различных пространственных зон. В-третьих, все больше выявляется неклассическое переосмысление византийских форм, выражающееся, прежде всего, в усилении вертикального развития композиции. Это приводит к серьезной трансформации внешнего облика построек и их интерьеров, а также к появлению новых конструктивных приемов.

Многие из этих тенденций мы видим в храме в Жиче¹⁰⁷. Он был начат еще в первом десятилетии XIII в. как задужбина Стефана Первовенчанного, но затем первоначальный замысел был изменен¹⁰⁸. В 1217 г. Стефан получает королевскую корону¹⁰⁹. В 1219 г. сербская Церковь становится автокефальной, а св. Савва — ее первым архиепископом¹¹⁰. Утверждение нового политического и церковного статуса Сербии, реализация ее великих устремлений требовала адекватного воплощения, которое и было осуществлено в Жиче, ставшей первым главным храмом Сербской автокефальной Церкви. Необходимо было найти архитектурное решение, позволяющее совместить функции архиепископского монастырского храма и задужбины-усыпальницы¹¹¹ первого легитимного правителя¹¹². Кроме того, нужно было определить

---

¹⁰⁷ Суботић, 1978; Чанак-Медић, Тодић, 1999; Манастир Жича, 2000; Чанак-Медић, Поповић Д, Војводић, 2014.

¹⁰⁸ Кашанин, Бошковић, Мијовић, 1969. С. 89.

¹⁰⁹ Ђирковић, 2004. С. 40–43.

¹¹⁰ Там же. С. 43–48; Гардашевић, 1977.

¹¹¹ Троицки, 1935. С. 120–121; Чанак-Медић, 1998.

¹¹² Интересно отметить, что изначально в Жиче был задуман трехчастный алтарь, но в связи с получением архиепископского статуса была возведена одна апсида для синтрона, т.е. первоначальный замысел был изменен. Таким образом, в архитектурной программе храма отражается получение автокефалии Сербской Церковью. См. Кашанин, Бошковић, Мијовић, 1969. С. 66.

место для размещения реликвий, собранных св. Саввой после падения византийской столицы в 1204 г., а также для культов святых покровителей сербского государства и Церкви¹¹³.

Все это способствовало расширению периферийной зоны храма, особенно в его западной части. По сторонам от подкупольного квадрата появляются прямоугольные пониженные компартименты, называемые в сербской практике певницами. Исследователи справедливо связывают их с афонской традицией и указывают, исходя из названия, на их основное назначение как места для размещения хора¹¹⁴. Кроме того, именно в них могли находиться реликвии, а также места церковных иерархов. Для ктиторских погребений была предназначена западная травея (внутренний нартекс). Несомненно, именно по замыслу св. Саввы в западной части храма по сторонам от обширного экзонартекса появляются приделы, посвященные его святому покровителю — св. Савве Иерусалимскому (северный) и святому покровителю его отца и брата — св. Стефану архидиакону (южный)¹¹⁵.

Храм в Жиче открывает традицию решающего влияния воли ктитора на облик архитектурных сооружений. На наш взгляд это ключевая особенность сербской архитектуры, позволяющая проследить тесные связи между памятниками, стилистически весьма различными и построенными разными мастерами. Полагаем, что В. Корач совершенно прав, называя св. Савву автором программы рашского храма¹¹⁶. Эта программа, окончательно сложившаяся в Жиче и получившая развитие в дальнейшей сербской традиции, имеет следующие важнейшие особенности.

Сохраняется византийское ядро: это однефный одноглавый храм компактного крестово-купольного типа. При этом обязательным

---

¹¹³ *Роровић*, 2003. С. 164–165.

¹¹⁴ *Кашанин, Бошковић, Мијовић*, 1969. С. 67; *Чанак-Медић*, 1995. С. 80.

¹¹⁵ *Живојиновић*, 1979.

¹¹⁶ *Кораћ*, 1987/7. С. 150. См. также: *Чанак-Медић*, 1998.

становится функциональное деление храма на три пространственных зоны: алтарь (обычно, трехчастный), наос и развитая западная часть. Во внутреннем нартексе размещаются ктиторские захоронения, по сторонам от экзонартекса — приделы, предназначенные для специальных служб сербским святым и их святым покровителям. Поскольку заказчиками рашских храмов были почти исключительно представители династии Неманичей, ктиторская тема оказывается очень тесно связана с национальной церковно-политической идеологией. Необходимость пространственного выделения особой зоны для этих специфически сербских культовых нужд ведет к тому, что исходная византийская типология сильно изменяется: храмы превращаются в обширные комплексы с развитой западной частью, протяженные по оси запад-восток.

Кроме планировочной структуры, обусловленной функциональными потребностями, региональная специфика рашской школы затрагивает и художественные аспекты. В архитектурном образе рашского храма неизменно акцентируется вертикальное развитие композиции с резким выделением центрального купольного ядра по сравнению с пониженными восточными, западными и боковыми компартиментом. В исходном византийском крестово-купольном типе максимально выявляются и акцентируются все те черты, которые могут придать наиболее яркую и острую выразительность внешнему облику храма. Это становится более важно, чем тонкая гармония и уравновешенность объемов во внутреннем пространстве, определяющая характер византийского архитектурного образа. Сохраняется принципиальная для византийской архитектуры центричность композиции и иерархичность в ее построении и осмыслении, однако меняются пропорции, максимально усиливается динамичность. Для обеспечения вертикального развития композиции разрабатываются новые, нетипичные для Византии конструктивные приемы, такие как система ступенчато повышающихся сводов.

В качестве наиболее характерных примеров можно привести церкви Вознесения в Милешево¹¹⁷ (ок. 1228–1236 гг.), Св. Троицы в Сопочанах (1263–1268)¹¹⁸ или Св. Ахиллия в Арилье (1296)¹¹⁹. Во всех этих храмах купол поднят на очень большую высоту, что придает их облику столпообразный характер как снаружи, так и внутри. При этом из-за наличия развитых западных частей сохраняется значительная протяженность по оси запад-восток. Интересно отметить, что в этих храмах работали артели разного происхождения, в результате чего постройки значительно различаются и по конструктивным решениям (в Милешево и Арилье использованы ступенчато повышающиеся своды, в Сопочанах — нет), и по стилю и технике (Милешево и Арилье построены в смешанной технике, Сопочаны — из камня). Эти рашские храмы уже выходят за рамки византийской традиции, которая оказалась измененной практически до неузнаваемости. При этом во всех трех случаях определяющее значение сохраняет архитектурная формула функционального распределения пространственных зон и ориентация на сакрально значимый художественный образ Студеницы.

В истории рашской школы есть один эпизод, блестяще иллюстрирующий определяющую роль ктиторской программы. Церковь Благовещения в Градаце (до 1276 г.) возводила артель мастеров из Прованса, очевидно, приглашенных супругой Уроша I Еленой Анжуйской¹²⁰. Строители не имели понятия о византийской архитектуре и использовали в этой постройке привычные им конструктивные, стилистические и технические приемы европейской готики. Однако все эти приемы оказались полностью подчинены идее копирования сакрально значимого образца — Студеницкого храма, композицию которого мастера воспроизвели довольно близко к оригиналу.

---

¹¹⁷ Радојчић, 1963; Борђевић, 1987.

¹¹⁸ Бурић, 1963/1; Мандић, 1965; Марковић, 1969. С. 97–98.

¹¹⁹ Чанак-Медић, 2002.

¹²⁰ Кандић, 2005. С. 29.

Итак, в период становления сербской архитектурной традиции в конце XII в. берутся за основу византийские образцы. Однако уже следующий период — время расцвета рашской школы в XIII в. — демонстрирует ярко выраженное региональное своеобразие, имеющее вполне определенную логику.

Возвращаясь к концепции Г. Милле, мы хотим предложить некоторые дополнения. Нам кажется необходимым выделять не один, а два начальных этапа в развитии сербской архитектурной традиции. В эпоху Стефана Немани формируются предпосылки, которые в дальнейшем определяют специфику рашской школы, но программа рашского храма еще не сложилась. Это происходит при конкретных исторических обстоятельствах, имевших место в начале XIII в. Милле абсолютно справедливо увидел в рашской школе мощную региональную традицию и рассмотрел ее как синтез некоторых западноевропейских элементов, пришедших в Сербию через Приморье, с византийской основой, игравшей определяющую роль и получившей дальнейшую интерпретацию. Нам представляется особенно важным выявить причины, определявшие облик рашского типа храма и стоявшие за его сложением. Мы полагаем, что те же принципы будут и в дальнейшем определять трансформацию сербской архитектурной традиции на последующих этапах ее существования.

Почти каноничное, хорошо продуманное в соответствии с местными культурно-историческими условиями, архитектурное решение рашского храмового комплекса станет обязательным на протяжении всего XIII в., а в некоторых случаях будет воспроизводиться и позднее. Однако варианты его воплощения окажутся бесконечно разнообразными. Определяющее значение имеет ктиторская программа, а не традиционность методов и конструктивных приемов, не роль мастеров и артелей. На наш взгляд, именно это составляет суть сербской архитектурной специфики и определяет ее развитие в последующие периоды.

2.2. Архитектура «сербско-византийского периода» и ее роль в формировании моравской архитектуры

В соответствии с концепцией Г. Милле, при крале Милутине (1282–1321) на смену ярко выраженному региональному своеобразию приходит ориентация на византийские традиции¹²¹. В историографии за всем периодом с конца XIII до середины XIV в. утвердилось название «сербско-византийский». Основные тенденции этого периода Милле иллюстрирует несколькими важнейшими памятниками: церковь Пресвятой Богородицы Левишки в Призрене, церковь Св. Георгия в Старо-Нагоричине, церковь Св. Никиты в Чучере, церковь Успения Богородицы в Грачанице, церкви Св. Димитрия и Богородицы Одигитрии в Пече, церковь Пантократора (Вознесения) в Дечанах, церковь Св. Димитрия Маркова монастыря, церковь Архангела Михаила в Лесново, церковь Богородицы в Матеиче, церкви Архангела Михаила и Св. Николая в монастыре Архангелов под Призреном и др. Однако уже даже одно перечисление столь различных по всем параметрам памятников делает очевидным проблематичность их объединения и выявляет слабые стороны концепции Милле. Напомним, что этот период был выделен по остаточному принципу как некий промежуток между более яркими и цельными рашским и моравским периодами.

Полагаем, что для того, чтобы понять специфику архитектуры моравского периода, необходимо тщательно разобраться со всем сложным комплексом проблем предшествующей эпохи, в которой действительно соединились многие разнонаправленные тенденции¹²². На наш взгляд, и в это время связь между идеологией и архитектурой остается очень сильной.

---

¹²¹ *Millet*, 1919. P. 89–151.

¹²² Важнейшим источником многих особенностей моравской архитектуры этот период считал Б. Вулович о чем пойдет речь ниже. См. с. 132–133, прим. 232–233.

Но идеология меняется, и в зависимости от ее колебаний меняется и архитектура.

При крале Милутине в сербской истории и искусстве начинается новый этап¹²³. В это время Сербия завоевывает большую часть македонских земель у Византии и берет курс на новое сближение с ней. Главной задачей Милутина становится создание жизнеспособного многонационального государства, выстраивание отношений между Охридской архиепископией и Сербской автокефальной Церковью¹²⁴. Постепенно подготавливается новая концепция государства на основе византийской имперской идеологии, которая разовьется в полной мере при Душане¹²⁵.

Вся масштабная строительная деятельность Милутина сосредотачивается на недавно завоеванных македонских землях¹²⁶. Разворачивается обширная программа обновления и перестройки уже существующих византийских храмов и возведения новых. Главной тенденцией в развитии архитектуры становится новый синтез сербских и византийских традиций. В большинстве храмов эпохи Милутина не акцентируются специфически сербские черты, выявление национального своеобразия на какое-то время становится не нужным, хотя при необходимости к нему легко возвращаются¹²⁷.

Изменяется характер заказа, типология, строительная техника и стилистика зданий. Главным заказчиком и инициатором храмового строительства по-прежнему выступает сербский король. Однако исчезает столь характерная для рашских храмов многофункциональность. Новой и существенной для этого периода чертой является разделение храмов на

---

¹²³ Максимовић Љ., 2008. С. 132–149.

¹²⁴ Максимовић Љ., 1981; Ђирковић, 1981.

¹²⁵ Кордић, 2002; Максимовић Љ., 2008. С. 191–206.

¹²⁶ Обзор памятников этого периода см.: Ћурчић, 2010. Р. 644–648, 652–668.

¹²⁷ Захарова, Мальцева, 2013.

приходские, монастырские и монастырские задужбины-усыпальницы. Меняется типология храмов: большинство построек теперь не привычные для рашской традиции однефные, а с четырьмя отдельно стоящими опорами (иногда с шестью. Нередкими становятся не встречавшиеся ранее пятикупольные храмы. Существенные изменения происходят в композиции храмов: отпадают развитые западные части. Те важные функции, которые были за ними закреплены в рашских храмах (захоронения и приделы, связанные с культурами сербских святых), переносятся в другие места. Возведение новых и перестройка старых греческих храмов чаще всего осуществляется с использованием стандартного набора конструкций византийского типа. Начинает повсеместно использоваться смешанная, типично византийская кладка, с большим количеством плинфы и розовым цемяночным раствором. Как и в византийской архитектуре этого времени, усиливается декоративность в оформлении фасадов, широкое распространение получает использование лекального кирпича, керамических вставок, полихромии¹²⁸.

Очень важно, что архитекторы Милутина не просто обращаются к византийскому наследию в каких-то его провинциальных вариантах, а используют новейшие тенденции, развивающиеся в Константинополе и особенно в Салониках, где в это время наблюдается расцвет церковного строительства. Это стало одной из причин того, что некоторые исследователи (прежде всего, С. Чурчич)¹²⁹ рассматривают архитектуру Сербии конца XIII – первой половины XIV в. как периферию византийской традиции и не отмечают в ней каких-либо значимых проявлений регионального своеобразия, обращая внимание только на усвоение и воспроизведение византийских образцов на новом этапе. В результате

---

¹²⁸ *Ненадовић*, 1956; *Он же*, 1963; *Он же*, 2003; *Шунут*, 1976; *Ćurčić*, 1978/1; *Кораћ*, 2003; *Trkulja*, 2004. P. 169–161; *Ćirić*, 2015/1.

¹²⁹ *Ђурчић*, 1988.

возникает разрыв между рашским и следующим периодом, который нам кажется искусственным.

С нашей точки зрения, при всей очевидности нового сближения с Византией, сербские черты в архитектуре первой половины XIV в. сохраняются и по-прежнему тесно связаны с церковно-государственной идеологией и склонностью к своеобразной интерпретации византийских эстетических принципов. Рашские программы выживают, встраиваются в новые архитектурные условия и значительно трансформируют базовый греческий вариант.

Одним из примеров продолжения жизни рашского типа в период краля Милутина является его задужбина-усыпальница церковь Св. Стефана в Баньске (1316)¹³⁰. Эта церковь полностью соответствует рашской типологии, в ней сохраняется традиционное функциональное членение на три пространственные зоны. Притом, что храм построен в типичной для милутинского периода технике кладки из кирпича с применением конструкций только византийского типа, его декоративное оформление нарочито воспроизводит все характерные особенности Студеницкого храма. Использована круглая скульптура над западным порталом, обильная белокаменная резьба, облицовка мрамором.

В самом Студеницком монастыре Милутин строит церковь Свв. Иоакима и Анны — так называемую Кральеву церковь (1314)¹³¹. Она также выполнена из кирпича и имеет граненую апсиду, что характерно для византийской традиции. При этом церковь однефная, с сербской системой ступенчато повышающихся сводов.

В связи с нашей темой особое значение имеет одна постройка Милутина: новый кафоликон Хиландарского монастыря на Афоне¹³², построенный либо между 1300 и 1303 гг., либо между 1306 и 1311 гг.

---

¹³⁰ Шупут, 1970; Она же, 1989; Поповић Д., 1992. С. 95–97; Манастир Бањска, 2007.

¹³¹ Бабић, 1987.

¹³² Bogdanović, Djurić, Medaković, 1978; Subotić, 1988; Петковић С., 1989; Ненадовић, 1997; Μέσσης, 2010. Т. А'. Σ. 123–126. Т. Β'. Σ. 60–66; Ћурčić, 2010. Р. 654–656.

Милутин, строя вместо старого кафоликона новый большой и роскошный храм, обращается к традиционному для Афона типу четырехстолпного крестово-купольного триконха, который утвердился на Афоне еще на рубеже X–XI вв.¹³³ Это достаточно крупный храм (13 × 28 м без пристроенного позднее экзонартекса) с выступающими боковыми апсидами того же размера, что и восточная. Наос продолжается к востоку и завершается трехчастным алтарем. Центральный купол и своды несут четыре изящные мраморные колонны. С запада имеется просторный нартекс с парой колонн и двумя куполами. Форма купола, трактовка барабана, техника кладки и неоторые другие особенности позволяют исследователям сближать хиландарский кафоликон с константинопольской архитектурой, причем не палеологовского, а комниновского периода¹³⁴. Во всяком случае, это произведение византийской архитектуры столичного круга, построенное на Афоне по заказу сербского кралея. Позднее к кафоликону был добавлен открытый купольный экзонартекс с редкой каменной резьбой и декоративной росписью на фасадах. С. Чурчич относит его строительство к эпохе Душана¹³⁵, В. Корач и большинство других исследователей — к эпохе князя Лазаря¹³⁶.

Из других крупных построек Милутина как наиболее близкие византийским образцам обычно называют три пятиглавых храма: церкви Богородицы Левишки в Призрене¹³⁷ (1307), Св. Георгия в Старо-Нагоричино¹³⁸ (до 1318 г.) и Успения Богородицы в Грачанице¹³⁹ (до 1321 г.). Первые две церкви были возведены на основаниях старых византийских базилик, в которые было встроено крестово-купольное ядро.

---

¹³³ Подробнее об этом см. с. 166–176.

¹³⁴ *Ćurčić*, 1978/2. P. 14–15; *Id*, 2010. P. 655; *Μέσσης*, 2010. Σ. 125–126.

¹³⁵ *Ćurčić*, 1971; *Id*, 2010. P. 655, nt. 609.

¹³⁶ *Бошковић*, 1979; *Кораћ*, 1987/5; *Μέσσης*, 2010. Σ. 125.

¹³⁷ *Ненадовић*, 1963; *Панић*, *Бабић*, 1975.

¹³⁸ *Кораћ*, 2003. С. 38–44.

¹³⁹ *Ђурчић*, 1988.

Третья церковь — масштабная и значимая постройка, была полностью возведена архитекторами Милутина. Как справедливо отмечают исследователи, сама идея пятиглавия в этих трех храмах имеет византийское происхождение¹⁴⁰. С. Чурчич указывает на конкретные образцы: церковь Св. Екатерины конца XIII в. и церковь Апостолов в Салониках 1310-х гг.¹⁴¹ С одной стороны, сходство с салоникискими храмами не вызывает сомнений, с другой стороны — есть и заметные отличия от них. Нам кажется важным подчеркнуть, что и в этом случае заимствованная из Византии идея оказывается реализована на сербской почве по-новому. Салоникиские пятиглавые храмы имеют уравновешенную центрическую композицию. Во всех них есть центральное ядро, которое окружено сильно пониженными галереями. Над их углами возведены пониженные боковые главы, которые довольно далеко отстоят от центральной главы и зрительно ей подчинены. Со всех сторон горизонтальная протяженность фасадов и их высота соразмерны друг другу. В Сербии же даже в перестроенных базиликах пятиглавие выглядит иначе: из него создается башнеобразная композиция. Только с севера и юга видна горизонтальная протяженность фасадов, тогда как с запада и востока пять глав выглядят как единый компактный объем, устремленный вверх. Акцентирование вертикали по-прежнему важно, и для этого используются другие дополнительные приемы: центральная глава ставится на постамент, используются килевидные арки (ц. Богородицы в Левишке), в Грачанице к этому добавляются ступенчато повышающиеся своды.

Грачаницу С. Чурчич считает наиболее византийской из всех сербских построек¹⁴². На наш взгляд, это, скорее, замечательный пример того, как современный византийский образец снова интерпретируется по-своему. Помимо типично сербской тенденции к вертикальному построению

---

¹⁴⁰ Хацитрифонос, 1991.

¹⁴¹ Ćurčić, 2003; *Id.*, 2010. P. 663–666.

¹⁴² Ћурчић, 1988. С. 87–120.

композиции, здесь в менее явной форме все же сохраняется функциональное распределение сакральных зон внутри храма, соответствующее программе рашского типа. В качестве ядра четырехстолпного крестово-купольного храма по-прежнему выделяется подкупольный квадрат. Боковые нефы с пониженными угловыми компартиментами воспринимаются как менее значимая периферийная зона, в которой впоследствии разместились захоронения. Столпообразное построение пространства с высоко поднятой главой и с яркими акцентами освещения, выделяющими подкупольную часть, напоминает интерьеры рашских храмов (Сопочаны, Арилье и др.).

После смерти краля Милутина вектор развития сербской культуры существенно меняется. Уже в правление Стефана Дечанского (1321–1331) мы не видим столь настойчивого следования византийским образцам, и это несмотря на то, что Стефан долгое время жил в Константинополе и был тесно связан со двором Андроника II Палеолога¹⁴³. Две важнейшие его постройки — церковь св. Николая Дабарского на реке Лим (ок. 1331)¹⁴⁴ и Дечанский монастырь — свидетельствуют о стремлении вернуться к собственно сербским традициям¹⁴⁵. И лишь такая важная часть замысла Дечанского храма как купол позволяет видеть в этой постройке по крайней мере генетическую связь с византийской традицией. Дечанский храм был начат при Стефане, но достраивался уже его наследником Душаном.

В правление Душана Сильного (1331–1355) Сербия максимально расширяет свои территории и претендует на роль многонациональной Империи, призванной сменить Византию на Балканах¹⁴⁶. В 1346 г. Душан коронуется «императором сербов и греков», а архиепископ Иоанникий становится первым сербским патриархом, что добавило к давнишнему

---

¹⁴³ Ђирковић, 2004. С. 62.

¹⁴⁴ Пејић, 2009.

¹⁴⁵ Костић, 1969; Джурич, 2000. С. 161; Ћурчић, 2010. Р. 657–659.

¹⁴⁶ Кордић, 2002; Максимовић Љ., 2008. С. 191–206.

политическому противостоянию с Византией и церковный раскол. Имперские амбиции Душана не могли не отразиться в искусстве этого периода. В архитектуре и живописи разрабатывается множество новых схем и программ, которые должны были возродить и подчеркнуть роль сербских традиций и соединить их на новом уровне с византийскими. Именно в эпоху Душана появляется стремление вновь вернуть храмам типично сербский облик. Нередко это проявляется весьма конкретно — через копирование и интерпретацию древних рашских образцов, что можно видеть в двух императорских задужбинах: в монастыре Дечаны¹⁴⁷ и монастыре Архангелов в Призрене¹⁴⁸. При этом обширное храмовое строительство эпохи Душана и его преемников не представляло собой единой школы или единого направления ни по характеру заказа, ни по типологическим и стилистическим параметрам и было весьма разнообразно. Этот период очень важен для нашего исследования. Как нам представляется, именно в нем лежат истоки процессов, определивших появление и развитие Моравской школы во второй половине XIV столетия. Поэтому мы уделим значительное внимание архитектуре этого периода и начнем с ключевого для него памятника — Дечан.

Как уже было сказано, строительство храма монастыря Пантократора в Дечанах начал Стефан Дечанский ок. 1328 г., а завершил Душан (ок. 1335 г., пристройка нартекса ок. 1350 г., роспись 1339–1347 гг.)¹⁴⁹. Если в посвящении и особом статусе монастыря прослеживается связь с константинопольским монастырем Пантократора, то ничего подобного нельзя сказать о его облике: его прототипом снова стала церковь Богородицы в Студенице, бывшая образцом для всех рашских задужбин.

---

¹⁴⁷ Петковић В., 1941; Кораћ, 1989; Тодић, Чанак-Медић, 2005.

¹⁴⁸ Ненадовић, 1967; Кораћ, 1998.

¹⁴⁹ Тодић, Чанак-Медић, 2005. С. 13–53.

При этом чтимый образец был воспроизведен в романо-готических формах, поскольку архитектором был фра Вите из Котора.

Ориентация на традиции рашской школы подчеркнута и во внешнем облике храма, и в особом распределении пространственных зон в его интерьере, и в программе росписи. Дечанский храм вытянут по оси запад–восток, имеет башнеобразную композицию, облицован мрамором и украшен рельефами, во многом буквально повторяющими иконографию студеницких. Однако архитектурная типология и конструкция храма существенно отличается от построек рашской школы¹⁵⁰. Это не однонефный храм, а пятинефная структура со свободно стоящими опорами и крестовыми нервюрными сводами вокруг встроенной в ее центр купольной ячейки. Тем не менее, внутри воспроизводится характерная для рашской школы структура деления пространства на функционально определенные зоны. Ядром храмового ансамбля является центральное подкупольное пространство. Подчеркнем, что купол в Дечанах полностью соответствует сербским традициям и по своей композиционной роли, и по конструкции с высокими ступенчато повышающимися подпружными арками. В храмах рашского типа подкупольное пространство фланкируют певницы. В Дечанском храме, имеющем зальное пространство с шестью высокими опорами, эти «певницы» буквально выгорожены низкими парапетными плитами с южной и северной стороны¹⁵¹. К этому центральному ядру наоса с востока примыкает пониженная трехчастная алтарная часть. Саркофаги ктитора и его супруги поставлены к западу от южной «певницы» — в месте, соответствующем западной травее или внутреннему нартексу рашских храмов, где обычно и размещались погребения¹⁵². Такая функция пространства, примыкающего с запада к подкупольному квадрату, в Дечанах обозначена не только размещением

---

¹⁵⁰ *Кораћ*, 1989; *Мальцева*, 2016. С. 199–203.

¹⁵¹ Детальное описание архитектуры Дечан см.: *Тодић*, *Чанак-Медић*, 2005. С. 184–189.

¹⁵² *Поповић Д.*, 1989.

саркофагов, но и соответствующей тематикой росписей, представляющих Страшный суд и ктиторские композиции. Как видим, Дечанский храм по типологии, конструктивным параметрам и стилистике принадлежит к романо-готической традиции, при этом в нем по-новому реализуется рашская программа.

Задужбина самого Душана — монастырь Архангелов под Призреном (ок. 1343–1347)¹⁵³, к сожалению, был разрушен еще в эпоху Средневековья. Тем не менее, облик обоих храмов монастыря, главного храма Архангела Михаила и меньшего по размеру храма Св. Николая, в основных чертах реконструируется по сохранившимся руинам. Здесь мы видим еще один вариант синтеза сербских традиций с византийскими. Посвящение главного храма архангелу Михаилу необычно и заставляет исследователей предполагать стремление Душана подражать византийским императорам¹⁵⁴. Ориентация на византийские образцы сказывается и в типологии здания: это крестово-купольный храм с четырьмя отдельно стоящими опорами, без западной части, вместо нее — легкий купольный ажурный экзонартекс. Ктиторское захоронение было устроено по византийской традиции — без саркофага-кенотафа, под закрытой плитой в юго-западной части наоса. Храм был украшен драгоценными мозаиками, заказанными, вероятно, в Константинополе. Однако, насколько можно судить по остаткам здания и фрагментам резьбы, обнаруженным в процессе раскопок, в наружном облике здания преобладали не византийские черты. Храм был построен из тесаного камня, облицован мрамором и щедро украшен рельефами, в которых снова очевидна ориентация на Студеницу, возможно, — с элементами западных влияний, пришедших из Приморья¹⁵⁵.

---

¹⁵³ Бошкович, 1967; Ненадовић, 1967; Кораћ, 1998; Ћурчић. Р. 661–662.

¹⁵⁴ Ненадовић, 1967. С. 4–10; Ћурчић, 1989. Р. 56.

¹⁵⁵ Ненадовић, 1980.

Кроме храмов, строившихся по инициативе представителей верховной светской и церковной власти, со второй четверти XIV в. получает распространение новое для сербской традиции явление — аристократическая задужбина (или придворица)¹⁵⁶. Душан значительно расширяет круг придворной аристократии и назначает ее представителей на управление бывшими греческими землями¹⁵⁷. Строительство и оформление задужбины было одним из способов демонстрации и закрепления в сакрально значимых визуальных формах права на власть на новых землях, которое давалось императором и подтверждалось собственными традициями рода и личными заслугами ктиторов. Отсюда и новые иконографические решения, соединяющие имперские и сербские национальные темы; и архитектурные решения, апеллирующие к рашской традиции, освящающей и возвеличивающей род ктитора; и посвящения храмов и приделов, показывающие стремление ктиторов выделить культ именно своего святого покровителя¹⁵⁸.

Многочисленные и очень разнообразные по своей архитектуре небольшие церкви, построенные или перестроенные по инициативе вельмож, в количественном отношении преобладают во второй и третьей четверти XIV в. Эти памятники, безусловно, провинциальные по своим формам, тем не менее, интересны для нашего исследования, поскольку в них так или иначе проявляются специфические моменты, позволяющие выявить ту общую логику, обусловленную идейной, культурно-политической сербской спецификой, которая и ранее, и в этот период направляла развитие архитектуры.

Приведем несколько примеров таких задужбин душановых вельмож. Церковь Архангелов в Штипе была возведена воеводой Хрелем ок. 1332

---

¹⁵⁶ Стричевич, 1955/1; Ђорович, 2005. С. 219–253.

¹⁵⁷ Ђирковић, 2004. С. 66–74.

¹⁵⁸ Захарова, Мальцева, 2013.

г.¹⁵⁹ Это небольшая и скромная одноглавая постройка с очень компактным, практически квадратным планом. У нее одна аспида, жертвенник и диаконник представляют собой ниши в толще восточной стены. Церковь отличается стройными пропорциями за счет вытянутого барабана. Первоначальная композиция предполагала два симметрично расположенных придела с восточной стороны храма. Характерной особенностью является декор с аркатурой на длинных полуколонках, наложенной на центральную алтарную часть. Еще один ряд уплощенной ступенчато-профилированной аркатуры наложен на всю ширину восточной стороны фасада в верхней части.

Церковь Архангелов в Лесново¹⁶⁰ (ок. 1341 г.) — постройка гораздо более высокого уровня, очевидно, возведенная греческими мастерами. Ее заказчиком был один из наиболее влиятельных вельмож Душана, деспот Йован Оливер, который изображен в росписи храма. Церковь представляет собой яркий образец гармоничного, тонко продуманного архитектурного решения. Храм сильно вытянут по оси восток-запад, прямоугольные в сечении опорные столпы сильно раздвинуты, так что боковые нефы сделаны совсем узкими. Характерной особенностью является купольный нартекс, добавленный на втором этапе строительства (1347–1349). Постройка разнообразно и изящно декорирована выкладками из кирпича и керамических деталей, каменными резными вставками. В смешанной кладке доминирует кирпич, на стенах имеется большое количество ниш с тонкими перспективными профилировками, рельефные полуколонки украшают главу и алтарную апсиду.

Помимо этих двух аристократических задужбин можно было привести десятки других примеров. Недавно С. Чурчич и Е. Богданович предприняли попытку выделить среди македонских памятников

---

¹⁵⁹ *Millet*, 1919. P. 114–116, ill. 121; *Kopaň*, 2003. С. 81–108; *Ćurčić*, 2010. P. 668.

¹⁶⁰ *Габелић*, 1998; *Kopaň*, 2003. С. 153–180; *Ćurčić*, 2010. P. 669.

небольшую группу церквей, расположенных в районе Скопье¹⁶¹. Повторяемость определенных элементов стилистики, а также территориальная и хронологическая ограниченность позволяет авторам говорить о «скопской строительной школе» (Е. Богданович) или о «скопской парадигме» (С. Чурчич)¹⁶². В рассматриваемую ими группу входят церкви Спаса в Кучевиште, Св. Николая в Люботене, Св. Николая Шишевского, Успения Богородицы в Матке, Успения Богородицы в Матеиче, Марков монастырь в Сушице, Св. Андрея на Треске. Оба автора считают эти постройки предшественниками моравских церквей, а Е. Богданович даже пишет, что некоторые из мастеров, работавших в районе Скопье, впоследствии могли отправиться на север во владения князя Лазаря и участвовать в строительстве храмов «моравской школы»¹⁶³.

В качестве отличительных особенностей церквей «скопской школы» Е. Богданович называет следующие: 1) модульный принцип построения композиции с группировкой объемов вокруг центра и характерный мотив в оформлении фасадов, напоминающий триумфальную арку (среднее прясло выделяется архивольтом, боковые пониже и с прямыми антаблементами-карнизами); 2) смешанная техника; 3) геометрическая артикуляция фасадов пилястрами, каменными карнизами и нишами; 4) декор с использованием кирпичных орнаментов, каменной резьбы, наружной росписи оштукатуренных стен, имитирующей кладку¹⁶⁴.

С нашей точки зрения, при сходстве указанных элементов композиции храма и декора, в этих постройках более существенны различия, что проявляется и в характере заказа, и в масштабе, и в особенностях объемно-пространственной композиции, и в нюансах оформления.

---

¹⁶¹ Čurčić, 1989. P. 62–63, 67–68; Čurčić, 2010. P. 636–644; Bogdanović, 2011.

¹⁶² Čurčić, 2010. P. 639; Bogdanović, 2011. P. 222, 257, 259.

¹⁶³ Bogdanović, 2011. P. 226–227, 253–255, 263–264.

¹⁶⁴ Ibid. P. 225–226.

Относящиеся к 1330-м гг. церкви Св. Николая Шишевского и Успения Богородицы в Матке¹⁶⁵ — крошечные и очень скромные однонефные одноглавые постройки, причем первая представляет собой купольный нартекс перед небольшой однонефной базиликой. Наиболее поздняя церковь Св. Андрея на Треске (1389) — маленький однонефный триконх, боковые конхи которого снаружи имеют прямоугольные очертания¹⁶⁶. Остальные постройки представляют собой различные вариации четырехстолпного крестово-купольного храма.

Церковь Св. Николая в Люботене (1337)¹⁶⁷ — небольшая одноглавая постройка с очень компактным, несколько вытянутым планом. Примечательно значительное сужение боковых нефов при вытянутых прямоугольных в сечении опорных столпах. Храм имеет одну апсиду и две ниши в толще восточной стены. В северо-западном углу есть дополнительная выгородка архитектурно оформленного придела. Силуэт храма отличает выраженная ступенчатость композиции и большая вытянутость по вертикали (за счет кубического постамента под барабаном и его удлинённых пропорций). В декоре используется мотив аркады на восточном фасаде, однако она решена достаточно обобщенно. Полуколонки на барабане и на фасадах храма отсутствуют. Кладку стен украшают панно из лекального кирпича различных конфигураций.

Церковь Спаса в Кучевиште (ок. 1330 г.)¹⁶⁸ — еще более вытянутая по оси восток-запад постройка с двухэтажным приделом в южном пастофории и с усложненным нартексом, пристроенным в 1330-е гг. В нем вместе с захоронением с юга и с севера устроены два придела. В композиции фасадов еще больше подчеркнута устремленность вверх за счет ступенчатого построения объемов, пропорции уже очень заметно

---

¹⁶⁵ Ćurčić, 2010. P. 639–640; Bogdanović, 2011. P. 223, 233, 238, 239.

¹⁶⁶ Prolović, 1997; Ćurčić, 2010. P. 643–644; Bogdanović, 2011. P. 223, 255–257.

¹⁶⁷ Расолкоска-Николовска, 1986; Ćurčić, 2010. P. 637; Bogdanović, 2011. P. 222–224, 227–228.

¹⁶⁸ Борђевић, 1981; Кораћ, 2003. С. 129–152; Ćurčić, 2010. P. 636–637; Bogdanović, 2011. P. 222–223, 227–228.

отличаются от византийских образцов. Декор здесь практически отсутствует, фасады оживляет лишь сама смешанная кладка из камня и кирпича.

Возведение церкви Успения Богородицы в Матеиче связано с женой Душана Еленой и относится ко времени до 1352 г.¹⁶⁹ Это очень крупный пятиглавый храм, бесспорно, в гораздо большей степени ориентированный на византийскую традицию. Впрочем, и здесь она оказывается в значительной мере переработана. Постройка немного вытянута по оси восток-запад, однако это почти не читается в общем композиционном решении за счет выделения большого кубического центрального объема, увенчанного главой на мощном барабане. Боковые компартименты оказываются значительно пониженными относительно рукавов креста, как с востока, так и с запада, вместе с нартексом. Боковые главы широко расставлены, причем с востока они находятся над угловыми компартиментами наоса, а с запада — над нартексом. Композиция оказывается тяжелой, устойчивой, горизонтально ориентированной. Большой диаметр всех глав с широкими и низкими барабанами способствует ощущению горизонтального развития композиции. В интерьере храма еще больше подчеркнута крестообразность, где центральный подкупольный квадрат и примыкающие к нему широкие своды рукавов креста повышены относительно затененных и пониженных угловых компартиментов. В восточной части к большой центральной апсиде примыкают два архитектурно обособленных придела, размещенных в пастофориях. В западной части нартекс отделен от наоса двумя квадратными в сечении столпами (т.е. храм можно даже назвать шестистолпным), между которыми поставлены еще две колонки, создающие импозантную композицию триумфальной арки. В декоре Матеича есть круглые розетки с западной стороны в тимпане над западным порталом. Храм построен в типичной византийской смешанной

---

¹⁶⁹ *Димитрова*, 2002; *Ćurčić*, 2010. P. 641–643; *Bogdanović*, 2011. P. 230–240.

технике, без регулярного чередования камня и кирпича (видимо, под штукатурку). Как видим, плановая схема, принципы композиционного построения, пропорции, декор, — все это сильно отличается от остальных памятников так называемой «скопской школы».

Еще более специфическое решение представляет церковь Св. Димитрия Маркова монастыря, начатая при Вукашине после 1341 г. и оконченная после его смерти в 1371 г. королем Марко¹⁷⁰. Это достаточно крупная задужбина, хотя не такая большая, как Матеич. Снаружи храм имеет весьма стройные пропорции, а в интерьере это впечатление еще более усиливается благодаря таким своеобразным элементам как многогранные каменные опоры-столпы с капителями и базами, явно напоминающими опоры в Дечанском храме. О том же прототипе напоминает решение нартекса — узкого, завершенного крестовым сводом характерной конфигурации. Доминирование камня в строительной технике, наличие на фасадах прямоугольных плоских лопаток в один уступ, каменный горизонтальный карниз, опоясывающий фасады со всех сторон, сдержанность декоративных элементов на фасадах — все это весьма своеобразно. Сохраняя несомненную связь с византийской традицией, Марков монастырь представляет один из вариантов ее синтеза с иными, важными именно для сербской архитектуры источниками.

Е. Богданович не считает все постройки «скопской школы» произведениями одной группы мастеров, что действительно вряд ли могло иметь место¹⁷¹. На наш взгляд, при всем сходстве отдельных параметров, отнесение их к единому стилевому направлению все же спорно. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть другие аспекты. Византийская основа в этих храмах несомненна, но она размыта и каждый раз принимает разные формы в зависимости от конкретных обстоятельств.

---

¹⁷⁰ *Мирковић, Татић*, 1925; *Бурић В.*, 1972; *Ношпал-Никольска*, 1971. С. 225–238; *Ćurčić*, 2010. Р. 640–641; *Bogdanović*, 2011. Р. 253–254.

¹⁷¹ *Bogdanović*, 2011. Р. 259–262.

Те изменения, которые она претерпевает, весьма примечательны: в большинстве построек появляется вертикальная ориентация со ступенчатым принципом организации композиции, расширяется центральное подкупольное пространство за счет сужения боковых нефов; в декоре византийские элементы соединяются с пришедшими из западной традиции через посредство приморских мастеров, работавших над возведением таких значимых для сербской культуры построек как Дечаны или монастырь Архангелов под Призреном.

Между смертью Душана в 1355 г. и вокняжением Лазаря Хребеляновича в начале 1370-х гг. происходит распад недолговечной Сербской империи и постепенный перенос политического центра тяжести с косовско-метохийских территорий в бассейн Моравы¹⁷². В истории сербской архитектуры этот период оказывается белым пятном, после которого уже на других территориях возникает моравская школа. Между тем, и в эти десятилетия как на старых македонских и косовских землях, так и на новых моравских возводились небольшие задужбины. Шла борьба за власть между феодалами, каждый из которых так или иначе стремился утвердиться. Они строили укрепления, которые, безусловно, не могли обойтись без церквей (тем более, что в предшествующий период именно церковное строительство было одним из главных средств утверждения родовых прав на землю и выражения сербского самосознания). Довольно много таких «придвориц» оказывается внутри укреплений, однако многие из них до сих пор недостаточно обследованы, либо имеют дискуссионные датировки¹⁷³. В основном, это небольшие купольные триконхи, весьма различные по строительной технике и стилистике.

Первыми примерами появления триконхов на территориях Сербского королевства считаются церкви в Кучевиште недалеко от Скопье

---

¹⁷² *Михальчић*, 1989/1.

¹⁷³ *Стричевић*, 1955/1; *Он же*, 1956; *Ристић*, 1996.

и в Рджавце близ Ново Брдо. Оба храма не имеют точных датировок, но большинством исследователей относятся ко времени около середины XIV в. Церковь Свв. Архангелов в Кучевиште¹⁷⁴ — четырехстолпный триконх с почти квадратным планом, без первоначального экзонартекса. Все три апсиды трехгранные, при этом боковые апсиды значительно более объемные, чем восточная, и несколько пониженные. Более уплощенная, чем боковые, восточная апсида поднимается высоко, почти до щипца, завершающего восточный рукав креста. Аналогичные завершения наподобие треугольных фронтонов имеют и другие рукава креста, при этом каждый щипец имеет заполнение в виде круглого окошка. Барабан поставлен на постамент. Все эти нюансы, вместе со стройными пропорциями, усиливают развитие по вертикали.

Храм построен в смешанной технике клуазонне, из рядов каменных блоков, обрамленных плинфой. В декоре используются многочисленные керамические вставки из горшочков с крестообразным горлышком. Обращают на себя внимание кирпичные орнаменты на фасадах, уступчатая профилировка достаточно высоких и широких оконниц с нишками над каждой из них. На каждую грань стройного барабана наложены очень тонко и изящно профилированные полуколонки. Аркатура в завершении барабана выложена поребриком. В пряслах над боковыми апсидами помещены декоративные арки с двойными окошками, также богато декорированными кирпичными выкладками и керамическими вставками.

По строительной технике и декору этот храм очень похож на церковь Спаса в той же деревне Кучевиште, что позволяет предположительно датировать его тем же временем: 1330–1340-ми гг. или серединой XIV в., о чем писали Милле, Татић, Стричевич, Ристич и другие исследователи¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ Millet, 1919. P. 32, 133–134; Tatić, 1926; Он же, 1929; Ристич, 1996. С. 31–32, 51–53; Серафимова, 2005. С. 31–35; 69; Тодић, 2013/1.

¹⁷⁵ Millet, 1919. P. 32, 133–134; Tatić, 1926; Он же, 1929; Стричевич, 1955/2; Ристич, 1996. С. 31–32, 51–53.

Недавно Б. Тодич предложил отнести церковь Архангелов к XVI в.¹⁷⁶ Он обратил внимание на ряд особенностей в декоре и строительной технике, которые позволяют предположить более позднюю датировку или перестройку. Однако, учитывая недостаточную археологическую изученность памятника, эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Триконх в Рджавце¹⁷⁷ ныне представляет собой руину. Датировка и обстоятельства возведения храма не ясны. Его обследовал В. Ристич, который относит этот храм к 1350-м гг. и видит в нем аристократическую задужбину эпохи Душана¹⁷⁸. Триконх в Рджавце имеет почти такой же план и размеры, как церковь Свв. Архангелов в Кучевиште, т.е. это был средних размеров храм с четырьмя свободно стоящими опорами. Его восточная апсида и южная конха сохранились почти на всю высоту, западный фасад тоже сохранился неплохо.

Церковь в Рджавце была выложена из камня и кирпича и облицована тесаным известняком (за исключением западного фасада). Окно южной апсиды сохранило каменную оконницу, украшенную орнаментальной резьбой, отдаленно напоминающей декор моравских храмов. Здесь же, внутри южной конхи, имеется прямоугольная ниша, устроенная в толще восточной стены. Северная конха сохранилась на небольшую высоту.

Композицию постройки непривычно компактной делает важная особенность — отсутствие внешнего нартекса. Эта черта говорит не в пользу монастырской принадлежности храма. Каменная облицовка, резьба оконницы, размер храма — всё свидетельствует скорее в пользу аристократического заказа.

Как и в случае с церковью Свв. Архангелов в Кучевиште, Б. Тодич поставил датировку памятника серединой XIV в. под сомнение¹⁷⁹. Основываясь на натурном осмотре памятника и изучении архивных

---

¹⁷⁶ Тодић, 2013/1.

¹⁷⁷ Пејућ, 1998. С. 419; Серафимова, 2005. С. 34–35; Тодић, 2013/2.

¹⁷⁸ Ристић, 1996. С. 51–52.

¹⁷⁹ Тодић, 2013/1.

материалов, но не имея подробных археологических данных, исследователь отметил наличие многих элементов, явно относящихся к XVI в. Письменные источники также четко свидетельствуют о том, что в XVI в. здесь велось активное монастырское строительство. Однако и в данном случае без дополнительных архитектурно-археологических исследований нельзя исключить давно утвердившуюся в историографии датировку памятника серединой XIV в.

Примерно в то же время, в 1350–1360-е гг., первые триконхи появляются уже на моравских территориях, о чем пойдет речь далее.

Подведем итоги нашего рассмотрения основных тенденций в развитии сербской архитектуры «сербско-византийского периода». Этот период не может восприниматься как единый и цельный. При Милутине ориентация на Византию преобладает, хотя сербская специфика проявляется и в это время. Церковное строительство во времена Стефана Дечанского, Душана и Уроша V при всем разнообразии масштабов, типов и стилистики построек, может быть приведено к какому-то общему знаменателю только на уровне ктиторских программ. Их суть была общей как для императора, так и для его вельмож, которые утверждали свое господство на новых землях, подчеркивали значимость своих традиций, стремились найти способы внести соответствующе архитектурные и живописные акценты в свои задужбины¹⁸⁰. Возвращение к сербским особенностям в архитектуре и иконографии росписей храмов, возведение нартексов и приделов для служб сербским святым и поминовения ктиторов — это специфические национальные аспекты, которые начинают выделяться на фоне доминирующей византийской традиции. Возрождение этой тенденции отличает архитектуру второй и третьей четверти XIV в. от времени Милутина.

Изучение аристократических задужбин третьей четверти XIV в. сопряжено с объективными трудностями в связи с отсутствием сведений о

---

¹⁸⁰ Подробнее об этом см. ниже, с. 186–191.

памятниках, их плохой сохранностью и слабой археологической изученностью. Попытка прояснить, насколько это возможно, связанные с ними вопросы, была предпринята В. Ристичем¹⁸¹. Но эта тенденция в современной историографии продолжения не получила. В контексте нашего исследования необходимо вернуться к этому вопросу. Как уже говорилось в первой главе, В. Ристич предполагал, что именно эти памятники, которые он выделил в особую группу «протоморавских» церквей, лежат у истоков формирования архитектурной традиции следующего поколения. В целом это предположение нам кажется верным, однако оно нуждается в подтверждении через более тщательное изучение этих памятников. Не имея возможности для новых архитектурно-археологических исследований, мы постараемся проанализировать имеющуюся информацию об этих постройках и тот историко-культурный контекст, к которому принадлежат.

2.3. Архитектура Моравского периода

Последний этап развития средневекового сербского зодчества начинается с вокняжением Лазаря Хребеляновича (1371–1389)¹⁸². Если правители македонских областей в эпоху распада империи Душана во второй половине XIV в. сохраняли византийскую ориентацию, то в старых сербских областях Раса, Косова, а затем и на новых моравских землях возобладало стремление к возрождению древней модели сербского национального государства. После гибели наследника Душана Уроша V и

---

¹⁸¹ Ристич, 1996. С. 37–78.

¹⁸² Об эпохе князя Лазаря см. Михальчић, 1975; Острогорски, 1975; Мошин, 1975 и другие материалы конференции: О кнезу Лазаре, 1975; Калић, 2012. С. 11–76.

разгрома сербского войска в битве при Марице в 1371 году династия Неманичей пресекается. Князь Лазарь побеждает прочих вельмож, претендовавших на лидерство, снова объединяет земли и окончательно переносит центр на моравские земли — в Крушевац. Несмотря на то, что с 1217 г. сербские правители носили титул короля, а в 1346 г. Душан провозгласил себя императором, Лазарь отказывается от претензий на империю и принимает титул великого князя, тем самым намеренно подчеркивая возврат к идеологии первых Неманичей¹⁸³. Сербский патриархат перестает претендовать на вселенский масштаб и возрождает традиции Святосавской церкви. Это позволяет преодолеть многолетний церковный раскол и примириться с Византией, возродить монастырскую жизнь, восстановить прерванные связи с Афоном¹⁸⁴.

Особую роль в этом процессе сыграл старец Исаия¹⁸⁵. В прошлом хиландарский монах, друг и советник Душана, он известен, прежде всего, как переводчик творений Дионисия Ареопагита и автор хроники, повествующей о поражении сербов в битве при Марице в 1371 г., положившей конец существованию империи Уроша V. В это время старец Исаия был игуменом Пантелеимонова монастыря на Афоне. По просьбе князя Лазаря он несколько раз ездил в Константинополь вести переговоры о примирении Сербской патриархии с Константинопольской, которые увенчались успехом в 1375 г.

Полагаем, что именно желание князя Лазаря и удельных феодалов вернуться к духовным, идеологическим и культурным традициям эпохи расцвета Сербии могло вызвать к жизни появление нового типа храма. В этот период на моравских землях снова строятся большие монастырские или приходские храмы, в основном — по заказу великого князя или виднейших вельмож. Это крестово-купольные храмы, обычно однефные

---

¹⁸³ *Nafner, 1975; Баришић, 1975; Калић-Мијушковић, 1975; Богдановић Д., 1982.*

¹⁸⁴ *Богдановић Д., 1975; Тахиаос, 1971.*

¹⁸⁵ *Мошин, 1940; Стричевић, 1955/2; Трифуновић, 1982.*

(как было в рашский период), хотя продолжают существовать и храмы с четырьмя отдельно стоящими опорами (их совсем немного: Дренча, Раваница, Новая Павлица, Любостыня и Ресава). По-прежнему характерны башнеобразные композиции, в однефных храмах часто используются ступенчато повышающиеся своды. Усиливается значение плоскорельефного каменного декора, который теперь представляет собой развитые декоративные программы и сочетается с полихромией. Закрепляется главный отличительный признак архитектуры моравского периода — план в виде триконха.

Собственно, на этом этапе, с 1370-х гг. появляются все те памятники, которые были выделены как образцы «моравской школы» Милле и другими исследователями: Лазарица, Раваница, Новая Павлица, Наупара, Велуча, Любостыня и др.¹⁸⁶

Обратимся теперь к рассмотрению важнейших памятников, относящихся к моравскому периоду сербского зодчества. При описании построек мы будем прежде всего иметь в виду следующие вопросы:

- что объединяет группу церквей второй половины XIV – первой половины XV в. в бассейне реки Моравы и можно ли считать их «школой»? Представляют ли они собой некий региональный или провинциальный вариант византийской архитектуры или национальную традицию?

- на какие этапы делится история архитектуры моравского периода и какие группы памятников целесообразно в них выделить?

- каковы истоки основных архитектурных особенностей этих памятников?

- каково соотношение моравской архитектуры с предшествующей сербской, а также с византийской традицией позднепалеологовского и предшествующих периодов?

---

¹⁸⁶ *Millet*, 1919. P. 153–178.

Нам представляется целесообразным рассмотреть отдельно постройки последней четверти XIV в. и первой половины XV в., т.е. эпохи князя Лазаря и первого десятилетия после его смерти; и эпохи деспота Стефана и его преемников. Вопрос о моравских постройках третьей четверти XIV в. мы разберем отдельно.

Памятники делятся на два основных типа: четырехстолпные и однонефные. Среди построек обоих типов можно выделить княжеские постройки и тяготеющие к ним; и разнообразные провинциальные варианты. Но самые крупные, репрезентативные, созданные непосредственно по княжескому заказу храмы известны, датированы и именно они определяют характер моравской школы. Поэтому вопрос о специфике моравской архитектуры, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать на примере этих главных построек.

2.3.1. Постройки князя Лазаря и их круг

Раваница

Церковь Вознесения в Раванице не имеет точной датировки, но считается, что она возведена в конце 1370-х гг.¹⁸⁷ Известно, что Раваница строилась как задужбина князя Лазаря. Предположительно, она была задумана именно как его будущая усыпальница, и в 1391 г. сюда действительно были перенесены мощи князя Лазаря, погибшего в Косовской битве и вскоре канонизированного. Предполагают также, что церковь изначально строилась как монастырская, т.е. продолжила историю больших монастырских кафоликонов, принадлежащих правящей династии, что было характерно для рашского периода, но в Моравский период встречается впервые.

---

¹⁸⁷ Петковић В., 1922; Вуловић Б., 1966; Мадас, 1974; Николић Р., 1983; Љубинковић, 1989; Богдановић Д., 1997; Богдановић Д., Ђурић В., Кашић Д., 1997; Медаковић, 1997; Беловић, 1999; Љубинковић, 2002.

Это самая крупная из всех моравских построек эпохи Князя Лазаря. Она представляет собой четырехстолпный крестово-купольный пятиглавый храм с боковыми конхами с севера и юга. Традиция возведения пятиглавых крестово-купольных храмов для Сербии не нова. Напомним, что впервые они появляются в первой четверти XIV в. при Милутине (Богородица Левишка в Призрене, Старо-Нагоричино, Грачаница). Такие храмы строились на подвластных Сербии территориях и позднее, однако доминирующей эта типология не стала, и появление пятиглавия в Раванице следует расценивать как намеренную, даже символическую отсылку к византийской традиции. Не только типология, но и строительная техника в этом здании византийская — с чередованием камня и кирпича и богатым декором фасадов, характерным для всей позднепалеологовской архитектуры. Византийское начало в облике этого храма, несомненно, подчеркнуто. Но если приглядеться повнимательнее, то мы увидим, что многие византийские черты получили иную интерпретацию.

Говоря о пятиглавых храмах эпохи Милутина, мы уже отмечали их существенное отличие от византийских прототипов — салоницких церквей рубежа XIII – XIV вв. Пятиглавым был храм Архангела Михаила под Призреном¹⁸⁸, построенный Душаном в 1348–1352 гг., но не сохранившийся, а также храм в Матеиче близ Скопье¹⁸⁹ (ок. 1352 г.), который намного ближе греческим образцам своими тяжеловатыми пропорциями и спокойной композицией. Из всех этих вариантов, пятиглавие в Раванице больше всего напоминает Грачаницу. Здесь тоже главы образуют динамичную, интересно выстроенную композицию верха.

---

¹⁸⁸ См. с. 55–56, прим. 152.

¹⁸⁹ См. с. 60–61, прим. 168.

При этом есть и отличия, одно из которых состоит во включении в эту композицию большого купольного нартекса¹⁹⁰.

С запада и с востока все главы в Раванице выглядят как единый компактный объем. Это ступенчато развивающаяся ярусная композиция с ярко выраженной вертикальной ориентацией, где близко поставленные боковые главы плотно обступают высокую центральную. Для усиления вертикальной составляющей главы поставлены на постаменты, имеющие кокошники. Это новый элемент, до сих пор не встречавшийся ни в сербской, ни в греческой традиции. Еще один новый декоративный элемент — горизонтальные карнизы¹⁹¹ — способствует созданию дополнительных членений по горизонтали и подчеркивает ступенчатую организацию объемов.

На боковых фасадах нет такой компактности, композиция более уравновешенная, но определенная динамичность все равно остается. Она обусловлена в первую очередь мощным развитием центрального ядра. Его подготавливает большая экседра боковой конхи, которая подчеркнута аркатурой на длинных тонких колонках. Далее вертикальную устремленность акцентирует высокий барабан. Стройные пропорции барабана подчеркиваются детальной профилировкой окон и полуколонками с изящными капителями. Центральное ядро воспринимается как столпообразное, его обступают такие же «столбики» боковых глав с их постаментами, акцентированными кокошниками. По своим основным принципам композиция Раваницы более всего напоминает Грачаницу — другой своеобразный вариант сербской интерпретации греческой темы.

---

¹⁹⁰ Неизвестно, был ли нартекс задуман изначально, или возведен несколько позднее, чем остальной храм. Фундаменты у них разные, но на ктиторской композиции 1389 г. храм изображен с нартексом. См. *Вуловић Б.*, 1966. С. 67–89; *Мандић*, 1997.

¹⁹¹ Возможно, такие карнизы были в церкви Свв. Архангелов под Призреном. См. *Кораћ*, 1987/6. С. 141–142.

В плане Раваница представляет собой достаточно компактный, слегка вытянутый по оси запад-восток прямоугольник. В отличие от Грачаницы, здесь нет никакой периферийной зоны, которая окружала бы столпообразное подкупольное пространство и контрастировала бы с ним своей меньшей высотой и освещенностью. Пространство в Раванице имеет скорее зальный характер. В интерьере полностью доминирует центральное ядро, образованное подкупольным квадратом с достаточно высоко поднятой главой на высоком барабане, прорезанном окнами. Ощущение зальности подчеркнуто добавлением двух мощных полукружий боковых апсид триконха, полностью открытых в подкупольный квадрат. Боковые конхи дают развитие оси север-юг, в чем можно видеть продолжение тенденции, наметившейся еще в Дечанах. Пространство центральной части еще больше расширено за счет сильного сужения боковых нефов. При этом своды над угловыми компартиментами этих узких боковых нефов оказываются немного понижены по сравнению с центральным крестом. Алтарная апсида, северная и южная конхи поднимаются вровень друг с другом и примыкают несколько ниже сводов рукавов креста, создавая ступенчатую композицию. При этом жертвенник и диаконник, фланкирующие центральную апсиду, очень маленькие. Вся алтарная часть отделялась алтарной преградой, но при этом оставались видны своды восточного рукава креста.

В Раванице впервые встречается особая конфигурация несущих столпов, имеющих сложную профилировку. Каждый из них представляет собой круглую опору с как бы приставленными по четырем сторонам полуколонками, хотя в действительности столпы выложены из цельных фигурно вырезанных плит белого известняка. Скругление опор усиливает впечатление зальности, а дополнительные вертикальные тяги усиливают развитие по вертикали. Такие опоры не встречаются в византийских храмах, но напоминают европейскую готику.

Зальный тип пространства известен и в византийской, и в сербской архитектуре (как в рашский, так и в сербско-византийский период). Сильное уменьшение боковых нефов — редкая особенность, в Византии распространенная на Афоне, а на сербских территориях встречающаяся в эпоху Душана лишь в некоторых постройках (например, в Лесново, Люботене и др.). Интерьер Раваницы с его единым центрическим пространством и округлыми в сечении опорами ассоциируется, конечно, с византийскими, точнее даже константинопольскими образцами, которые в свое время повлияли на появление подобных решений в кафоликонах крупных афонских монастырей, начиная с Великой Лавры и заканчивая более близким по времени к Раванице Хиландаром.

Весьма примечателен купольный экзонартекс Раваницы. Как предполагают, он появился на втором этапе строительства, но почти сразу после возведения основного храмового ядра¹⁹². Больше всего он напоминает экзонартекс Хиландара, вероятно, тоже возведенный князем Лазарем¹⁹³. Он почти квадратный в плане, очень просторный, с четырьмя отдельно стоящими опорами и куполом посередине. С севера и юга открываются большие двойные проемы с колонками посередине. Снаружи экзонартекс украшен сложными перспективными профилировками и роскошной резьбой.

Большой экзонартекс — явление не новое ни для византийской, ни для сербской архитектуры¹⁹⁴. Следует вспомнить рашские монастырские комплексы, где большой экзонартекс-лити был обязательной частью и встречался в двух вариантах: с куполом и без купола. Исчезнув в начале XIV в., большой купольный нартекс с четырьмя колонами по центру, поддерживающими равные ячейки крестовых сводов, возрождается в Дечанах. Происходит это под влиянием все тех же рашских традиций. С

---

¹⁹² См. Вуловић Б., 1966. С. 67–89; Мандић, 1997.

¹⁹³ В отличие от остальных исследователей, С. Чурчич относит экзонартекс Хиландара ко времени Душана. См.: Ћурчић, 1971; *Id.*, 2012. Р. 655, nt. 609.

¹⁹⁴ Бошкович, 1934; Ћурчић, 1971; Мандић, 1997; Χατζητρούφωνος, 2004.

середины XIV в. в архитектуре косовско-македонских территорий разные варианты купольных нартексов встречаются достаточно часто. В византийской архитектуре XIV в. это явление тоже было широко распространенным, не только на Афоне.

Одним из важных признаков принадлежности к греческой традиции на протяжении всего XIV в. становится смешанная техника (камень и кирпич) в различных вариантах и обильный декор¹⁹⁵. Общая палеологовская тенденция к усилению декоративности в этом регионе впервые ярко проявляется в церкви Богородицы Перивлепты в Охриде (1295 г.)¹⁹⁶. Этот памятник на долгое время будет образцом максимального обилия декора. В постройках Милутина фасады выглядят значительно скромнее, в них практически не встречаются большие панно с дробным орнаментом из камня и кирпича, резные каменные вставки и полихромия¹⁹⁷. Декоративные программы имеют более лаконичный и монументальный характер. В эпоху Душана декор становится богаче и разнообразнее. При использовании смешанной техники кладки с традиционными греческими кирпичными орнаментами и вставками из лекального кирпича теперь нередко сочетаются каменные резные элементы, как, например, в Лесново¹⁹⁸. В скопском регионе во второй половине XIV в. дальнейшее развитие таких декоративных мотивов продолжается, хотя на гораздо более скромном уровне, чем это было в постройках Душана и его вельмож. Появляются не встречавшиеся здесь ранее, но хорошо известные в других византийских регионах приемы: добавление керамических вставок (в т.ч. кувшинчики с резными горлышками) и росписи фасадов (орнаментальные или имитирующие кладку)¹⁹⁹. Все это усиливает полихромия и нарядность.

---

¹⁹⁵ Об оформлении фасадов палеологовских храмов см.: *Trkulja*, 2004.

¹⁹⁶ *Ćirić*, 2015/3.

¹⁹⁷ *Шупут*, 1976; *Ćirić*, 2015/1.

¹⁹⁸ *Габелић*, 1998.

¹⁹⁹ *Бошковић*, 1968/2; *Vogdanović*, 2011.

Однако декоративная разработка фасадов Раваницы представляет собой явление уже совершенно иного уровня²⁰⁰. Она поражает сложностью детально разработанной программы, которая включает в себя и кресты, выложенные из керамических горшочков с крестообразными горлышками, и обильный каменный резной декор (резные оконницы, профилированные горизонтальные тяги, полуколонки, в т.ч. витые), бесконечно разнообразные наборные орнаменты из кирпича и камня разных сортов, полуколон и вертикальные тяги из лекального кирпича. Даже сама полосатая кладка сделана необыкновенно нарядной. В Раванице появляются большие каменные резные розетки, которые станут визитной карточкой моравских церквей. Круглые окошки уже встречались в архитектуре косовско-македонских земель в середине — второй половины XIV в. Розетки, меньшие по диаметру и более скромные по орнаментации, были в Дечанах и церкви Архангелов в Призрене (обломки найдены в раскопках). Исследователи справедливо связывали их с приморской традицией²⁰¹. Однако такие большие и сложные по рисунку розетки появляются в Раванице впервые, и хотя их истоки можно проследить в памятниках предшествующего периода, здесь мы видим явно творческую переработку известного мотива в соответствии с византийской стилистикой, причем в самой Византии подобные декоративные элементы не известны. Хотя декор Раваницы выполнен в русле общей для всех византийских территорий тенденции, но конкретных прототипов ни для отдельных элементов, ни для всей декоративной программы нет.

В целом художественные особенности Раваницы создают впечатление, что эта новая программа собрана из разных источников в единую систему, которая возникла именно здесь. Свести это явление к византийской традиции не получается, как и вывести его из нескольких конкретных более ранних прототипов.

---

²⁰⁰ Вуловић Б., 1967.

²⁰¹ Ненадовић, 1967. С. 50–51; Максимовић Ј., 1971. С. 110–114; Кораћ, 1998.

Новая Павлица

Монастырь Новая Павлица²⁰² находится на старых рашских землях. Он стоит на правом берегу реки Ибр, недалеко от древнего укрепленного городища Брвеник, который был центром одноименной области. В 1363 г. вместе со всей областью он перешел во владение челника Мусы, одного из ближайших сподвижников князя Лазаря, женатого на его сестре Драгане²⁰³. Храм Введения Богородицы был возведен сыновьями челника Мусы между 1383–1386 гг., и ок. 1387 г. расписан²⁰⁴. Вероятно, тогда же он стал женским монастырем. Он строился как родовая задужбина-усыпальница на землях, пожалованных Мусе князем Лазарем с правом передачи по наследству. Таким образом, речь идет о приближенной к князю аристократии.

Новая Павлица — довольно крупный храм (длина продольных фасадов более 10 м). Он представляет собой четырехстолпную со свободно стоящими опорами одноглавую постройку без экзонартекса. Четверик незначительно вытянут по оси запад-восток. Алтарная часть образована вимой и одной многогранной апсидой, слегка пониженной относительно свода восточного рукава креста. Внутри центральную апсиду фланкируют две полукруглые ниши в толще восточной стены. В северной и южной боковых конхах также имеются ниши в восточных частях стен. С запада к подкупольному пространству примыкает небольшой внутренний нартекс, практически ничем не отделенный.

В интерьере храма — пространство зального типа, целостному восприятию которого не мешают широко расставленные тонкие мраморные колонны на прямоугольных базах. Купол поднят на значительную высоту. Боковые нефы сделаны узкими и еще больше

---

²⁰² Мано-Зиси, 1934. С. 193–195; Живковић, 1973; Он же, 1975; Михаиловић, 1975; Михаиловић, Ковачевић, 1989; Јуришић, 1991; Ристић, 1996. С. 223.

²⁰³ Милојевић, 1986. С. 17.

²⁰⁴ Живковић, 1973; Он же, 1975.

нивелируются за счет примыкания к центральному ядру боковых конх, полностью открывающихся в подкупольное пространство. Таким образом подкупольный квадрат зрительно расширяется. Протяженность храма по оси север-юг оказывается равна оси запад-восток, а близкие по размерам и очертаниям полукружия всех трех конх получают в интерьере практически равную удаленность от центра. Восточная конха чуть дальше удалена и имеет незначительно большую глубину.

Снаружи храм выглядит как достаточно компактный четверик, увенчанный высоко поднятой главой. Схожие по конфигурации апсиды создают гармоничную, уравновешенную центрическую композицию с плавным ступенчатым подъемом к куполу. Боковые экседры триконха примыкают к центральному ядру храма с некоторым понижением относительно сводов рукавов креста, прясла которых имеют одноступчатую профилировку и круглые окошки в центре. Восточная экседра имеет несколько больший подъём относительно боковых, выше примыкает к восточному рукаву креста, не оставляя место для помещения здесь люкарны. Храм увенчан высокой главой, поставленной на мощный квадратный постамент. Восьмигранный барабан декорирован уплощенной трёхступчатой профилировкой каждой из граней, завершённой аркатурой на круглых полуколонках с изящными капителями.

Церковь построена из тесаного камня и известняка под штукатурку. Каменной резьбы или следов росписи на фасадах нет. Сохранились мраморные обрамления первоначальных порталов с трех сторон.

Ктиторские захоронения в этом храме были устроены в соответствии со старыми рашскими традициями — в западной травее²⁰⁵, но без кенотафов, согласно практике XIV века. С северо-запада было устроено двойное погребение братьев Мусичей, павших на Косовом поле, с юго-запада на границе с боковой конхой — женское захоронение, предположительно, их матери Драганы. Экзонартекс достраивается в 1464

---

²⁰⁵ *Петровић Р.*, 1983; *Јуришић*, 1991. С. 27–31.

году ктиторм Михаилом Анджеловичем и рашским митрополитом Иоанникием. В XVI–XVII в. был пристроен еще один экзонартекс со звонницей и катехуменом.

Как видим, и в композиции, и в декоре здесь преобладают невизантийские черты. Сохраняются некоторые особенности, отмеченные нами в Раванице, такие как узкие боковые нефы, которым соответствуют ниши в толще алтарной стены (вместо полноценных пастофориев), зальный характер пространства, круглые в сечении опоры. При этом в Новой Павлице — одноглавая композиция, в которой ярусность и башнеобразность еще больше выявлена. Отсутствие разнообразного пестрого декора также сближает облик храма с рашскими образцами.

Любостыня

Церковь Успения Богородицы в Любостыне была построена ок. 1389 г. и через несколько лет расписана²⁰⁶. Заказчицей была княгиня Милица, вдова князя Лазаря и мать деспота Стефана Лазаревича. Постройку относят ко времени сразу после Косовской битвы, в которой погиб Лазарь. Храм строился на помин души всех погибших в этой битве как монастырь и будущая усыпальница для их вдов. Из надписи, выбитой в пороге между экзонартексом и храмом, известно имя строителя церкви: им был Раде Борович.

По плану и объемно-пространственной композиции церковь очень близка Новой Павлице. Это тоже одноглавый четырехстолпный храм с одной граненой апсидой с востока (жертвенник и диаконник превращены в ниши в толще восточных стен), с узкими боковыми нефами. С запада имеется обширный нартекс с уплощенным куполом, практически слитый с основным объемом. Слитность купольного нартекса и основного храма

---

²⁰⁶ Валтровић, 1907/2; Валтровић, 1908; Павловић, 1969; Бурић С., 1980; Он же, 1983; Он же, 1985; Цветковић, 1996; Ристић, 1996. С. 220–221; Тодић, 2007; Ćurčić, 2010. Р. 678–680. Было предпринято несколько попыток уточнить время постройки и росписи церкви.

приводит к усилению вытянутости по оси восток-запад. Создается довольно специфическое композиционное решение, которое напоминает моравские постройки другого типа — однефные триконхи, такие как Лазарица, Велуча, Наупара. Можно сказать, что в этой постройке сделан следующий шаг в сторону от византийской модели.

Еще больше это отличие проявляется в башнеобразности, точнее столпообразности композиции снаружи и внутри. Она усилена за счет высокого барабана, поставленного на постамент, а также кокошников, зрительно повышающих уровень фактического подъема сводов, вертикальных тяг аркатуры на тонких длинных колонках, наложенных на каждую экседру триконха.

Декор Любостыни во многом напоминает и продолжает линию архитектурно-декоративной программы Раваницы. Заметную роль здесь приобретают кокошники, а также каменный резной декор. В нем узнаются и позднеготические, и приморские черты (каменные цоколи, многочисленные розетки крупного диаметра с каменным резным заполнением, прорези оконниц с готическими очертаниями). Храм был построен целиком из камня, оштукатурен и украшен росписью, имитирующей кладку как в Раванице, т.е. с чередованием камня и кирпича²⁰⁷.

И в плане, и в объемно-пространственной композиции, и в декоре Любостыня сильно отличается от византийской традиции. Здесь используется все приемы и элементы, накопившиеся в более раннем опыте сербской архитектуры, которые гармонично соединены в целостный и весьма своеобразный художественный образ.

---

²⁰⁷ Наружная роспись, имитирующая кладку, — традиция, идущая из Византии и известная с 11 в. В Сербию эта практика пришла, вероятно, с Афона. Она известна с XIV в., когда Печская патриархия получила фасадные росписи (См.: *Бошкович*, 1968/2; *Кораћ*, 1990). В данном случае повторяется Раваница, что придает этой византийской традиции локальное своеобразие.

Из построек эпохи князя Лазаря, связанных с придворным заказом, только три описанные выше являются четырехстолпными триконхами, тогда как все остальные — однефные. Их несколько десятков, они появляются в то же время, что и четырехстолпные, и развиваются параллельно с ними в том же направлении. С нашей точки зрения, неверно рассматривать их специфику по отдельности, интуитивно привязывая четырехстолпные триконхи к византийской традиции. Для нас очень важно подчеркнуть, что логика архитектурного развития не различается в четырехстолпных и в однефных постройках. Это одни и те же процессы на базе разных типологических основ, которые идут с использованием одних и тех же принципов и приемов как в общем построении композиции, так и в отдельных нюансах. Это указывает на их независимость от византийских прототипов.

Лазарица

Исследователями высказывались предположения о том, что именно Лазарица стала первой постройкой Моравской школы, возведенной князем Лазарем на моравских землях в его новой столице Крушевец²⁰⁸. Однако, как и в случае с Раваницей, точное время строительства неизвестно. Условно возведение Лазарицы относят к середине 1370-х гг. Поскольку храм был посвящен св. Стефану, некоторые исследователи связывают его с рождением наследника — Стефана Лазаревича, хотя точная дата и этого события тоже неизвестна²⁰⁹. До этого посвящение св. Стефану, покровителю сербского самодержавия, часто встречалось в рашский период, но для XIV в. было исключительным явлением, связанным с какими-то особыми случаями. В Моравский период такое посвящение снова становится достаточно частым, о чем еще будет сказано ниже. Во

---

²⁰⁸ Васић, 1928; Вуловић Б., 1980; Ћурчић, 1989. Р. 67–68; Ристић, 1989; Ристић, 1996. С. 218–219; Ристић, Миладиновић, 2002; Ћурчић, 2010. Р. 673–674.

²⁰⁹ Динић, 1964.

всяком случае, стоит отметить, что уже в самом посвящении храма подчеркнута ориентация на национальные традиции. Совершенно очевидно, что возведение Лазарицы было очень важным моментом, поскольку на нее были ориентированы многие другие постройки (Руденица, Каленич и пр.).

В отличие от Раваницы, Лазарица не была монастырским храмом. Примечательной особенностью этой постройки является то, что она находится в центре укрепленного городища — крепости Крушевац. Таким образом, это городской храм, созданный по княжеском заказу, т.е. придворница. Относительно каких-то других особых функций этого храма ничего не известно.

Лазарица представляет собой однонефный триконх. Храм вытянут по оси запад-восток. В нем прослеживается четкое трехчастное деление на алтарь, зону наоса, фланкированную двумя боковыми конхами, и внутренний нартекс. Эта ось продолжается одновременно возведенным, изначально слитым воедино с основным объемом экзонартексом. Последний представляет собой двухъярусную башню с купольным завершением. Во втором ярусе здесь был устроен придел.

Обратим внимание на то, что сам однонефный тип этого храма, не столь частый в византийской традиции, очень похож на рашский вариант (если отбросить боковые конхи). Это впечатление усиливает вытянутость здания по оси восток-запад, наличие большого нартекса с запада, а также особенно стройные пропорции. Вертикальная ориентация башнеобразной композиции подчеркнута многогранной главой на высоком постаменте и повышенными подпружными арками на изящных консолях.

Представляется, что сходство Лазарицы с рашским типом храма не случайно. Ее строительство по времени совпадает с формированием церковно-политической идеологии князя Лазаря, в основе которой лежал намеренный и осмысленный возврат к традициям эпохи Неманичей. Если принять предположение о строительстве Лазарицы после рождения

наследника, то в данном случае это сходство приобретает еще более конкретный, программный характер: именно супруга князя Лазаря Милица происходила из рода Неманичей, связь с которым было так важно подчеркнуть для князя Лазаря. В дальнейшем строительстве эпохи князя Лазаря и особенно Стефана Лазаревича эта ориентация на рашские образцы будет становиться все более отчетливой.

Помимо такой общей ориентации, обращают на себя внимание некоторые нюансы планировочного решения. Притом, что храм однонефный, алтарь здесь трехчастный: центральную апсиду фланкируют две боковые ниши в толще восточной стены²¹⁰. Внутренний нартекс структурно выделен за счет выноса опорных лопаток. Хотя во внутреннем нартексе Лазарицы не выявлены захоронения, одновременные постройке, в дальнейшем они будут встречаться во внутренних нартексах других однонефных триконхов.

Центральное столпообразное ядро храма четко выделено и увенчано высокой главой на кубическом постаменте. Вертикальная ориентация усилена линиями тонких колонок наложенной аркатуры. Специфическим нюансом, также восходящим к рашским постройкам, являются щипцы в завершении восточного рукава креста. Ступенчатые композиции боковых конх завершаются закомарами рукавов креста и еще одной ступенью наложенных на постамент барабана кокошников. Вертикальная устремленность очертаний кокошников подхватывается полуколонками на гранях барабана и вытянутыми пропорциями самой главы. Вторая вертикаль — увенчанная куполом башня нартекса, примыкающая к основному объему несколько ниже уровня центральной главы. В основе ее композиции тоже используется принцип ступенчато повышающихся объемов нескольких ярусов, который акцентируется с помощью

---

²¹⁰ Такой вариант устройства жертвенника и диаконника, не характерный для рашских храмов, появляется в постройках скопской школы, а затем — в моравских триконхах, и Лазарица оказывается одним из первых в их ряду. В данном случае важно, что несмотря на стесненность алтарного пространства, жертвенник и диаконник все же сделаны.

наложенных уплощенных арок на фасадах. На фасадах нартекса появляется еще один интересный мотив, не встречавшийся ранее, — пучковые полуколонны, фланкирующие углы основного четверика в двух нижних регистрах. Декор становится важным средством художественной выразительности, причем не всегда имеется жесткая привязка к конструкции.

Если общая конфигурация храма напоминает рашский тип, то этого нельзя сказать о его декоративной программе. Она отличается невероятной нарядностью и разнообразием, что становится ключевым моментом в образе постройки. Несмотря на то, что здесь совсем иная типология, иная композиция, иные пропорции, все основные моменты декоративной программы очень близки Раванице. Так же, как и в Раванице, храм поднят на цоколь и имеет три ряда горизонтальных карнизов, опоясывающих его со всех сторон и как бы собирающих воедино. Так же, как это было в Раванице, три экседры триконха имеют наложенную аркатуру на тонких полуколонках. В верхних частях над закомарами рукавов креста есть дополнительные кокошники, богато украшенные резными архивольтами и небольшими розетками. Мотив розетки находит здесь еще большее распространение. Разного диаметра розетки украшают продольные и поперечные фасады в верхнем ярусе каждого из прясел. Их функция светового окна и заполнение сквозной каменной резьбой с богатыми, никогда не повторяющимися орнаментами в дальнейшем станут одной из самых узнаваемых и характерных особенностей моравских построек. Кроме обильного каменного резного декора использованы и керамические вставки. Динамичность образа усиливается полихромией, связанной с самой техникой кладки, где разная фактура известняка чередуется с горизонтальными рядами кирпича, создавая характерный полосатый узор, как в Раванице.

Как внешний облик, так и интерьер Лазарицы станут образцом для целого ряда построек. При всей компактности этого здания, в нем

прослеживается уже знакомая нам тенденция к зальной организации пространства и одновременно вертикальной его ориентации, в которой узнаются столпообразные наосы рашских церквей. Боковые конхи полностью открываются в небольшой подкупольный квадрат и существенно расширяют его пространство. Уровень примыкания боковых экседр к рукавам креста оказывается несколько пониженным, что в интерьере создает дополнительную ступенчатость, подготавливающую подъем верхних частей.

Свет равномерно проникает через многочисленные окна барабана, нижние широкие окна и большие розетки в среднем ярусе, создавая ощущение просторного, наполненного воздухом пространства. В целом окна в Лазарице заметно больше, чем в рашских памятниках. Если на фасадах вертикальная ориентация развивается в виде ритмичного ступенчатого подъема, то в интерьере она раскрывается значительно более плавно, спокойно, без сильной и тяжеловатой экспрессии, которая характерна для некоторых рашских храмов, таких как Милешево, Сопочаны и др.

Купол в Лазарице возведен на повышенных подпружных арках. Напомним, что повышенные подпружные арки — характерная особенность сербской архитектуры, разработанная еще в рашский период и использовавшаяся позднее (например, в Грачанице). В Лазарице эта конструкция обогащается новым изящным вариантом оформления: узкие паруса как бы окантовываются рельефно выступающей профилировкой подпружной арки, а нижний конец паруса оформляется консолью и небольшим тонко профилированным импостом, акцентирующим угол. Это дает изысканную легкость, мотив органичного роста, плавный подъем главы. Подпружные арки имеют едва заметную стрелу подъема, что тоже можно считать специфически сербской интерпретацией византийской основы, которая появилась еще в рашских храмах. Все художественные средства создают ощущение легкости, взлета, парения.

Отдельного разбора заслуживает внешний нартекс Лазарицы, не имеющий точных аналогов ни в рашской, ни в моравской традиции²¹¹. Он достаточно узкий, с большими двойными арочными проемами на колонках с севера и юга. Внизу они ограничены каменными парапетными плитами, украшенными рельефами с гербами Лазаря Хребеляновича. Какой-либо иной функции этого помещения, кроме вестибюля, подготавливающего вход в основное пространство храма, выявить не удастся. Однако верхний ярус, куда ведет внутрискладчатая лестница, представляет собой придел с алтарем, выраженным нишей в толще восточной стены и нишей протезиса с северной стороны. Придел со всех сторон имеет окна-бифоры и купольное завершение. Это ярко освещенное, практически открытое пространство — специфическая особенность именно Лазарицы, которая не встречается в других моравских храмах²¹².

Экзонартекс с двумя открытыми проемами с севера и юга немного напоминает церкви монастыря Архангелов в Призрене. Церковь Св. Николая этого монастыря действительно некоторыми своими чертами была похожа на Лазарицу. Это тоже небольшая однефная купольная постройка из белого камня с нартексом, как бы слитым с остальным телом храма, и имеющим сквозные проемы с трех сторон. Ажурный экзонартекс был пристроен к церкви в Лесново в 1347–1349 гг.²¹³ Не исключено, что этот ряд построек середины XIV в. действительно стал тем звеном, через которое данная византийская традиция пришла в моравскую архитектуру. В дальнейшем такие экзонартексы со сквозными проемами по сторонам станут важной особенностью нескольких построек эпохи князя Лазаря. Напомним, что в Раванице тоже имеется обширный купольный экзонартекс с двойными проемами с севера и юга, который на ктиторийской

---

²¹¹ Вуловић Б., 1966. С. 79–80; Он же, 1980; Кораћ, 1987/6. С. 143–144; Ристић, 1989. С. 34–51.

²¹² Нечто подобное могло быть в Велуче, однако достоверно реконструировать первоначальный облик верхней части нартекса этого храма все же не удастся. См.: Љубинковић, 1973/2.

²¹³ Кораћ, 2003. С. 154; Ћурчић, 2010. Р. 669.

композиции изображен с тремя куполами²¹⁴. Ничего подобного не могло быть в рашских храмах, поскольку в них экзонартексы использовались для литийных богослужений и часто фланкировались дополнительными приделами. Однако с возвращением рашских традиций в архитектуре рубежа XIV–XV вв. от таких открытых экзонартексов быстро отказываются. Так, в Раванице еще при жизни князя Лазаря роскошные проемы с северной и южной стороны экзонартекса оказываются заложенными²¹⁵. Отсутствие сквозных проемов в целом ряде экзонартексов других моравских церквей конца XIV – начала XV в. свидетельствует о том, что экзонартексам возвращается определенная литургическая функция.

Горняк

Лазарица становится образцом для целого ряда однефных триконхов. Но этим отнюдь не обеспечивается неременное стилистическое единство. Один из самых интересных примеров в этой связи — церковь Введения Богородицы монастыря Горняк²¹⁶. Храм был построен для Григория Синаита, основавшего в этом месте по просьбе князя Лазаря общежительный монастырь. Церковь строилась в очень близкое Раванице и Лазарице время (между 1376 и 1380 гг.), и скорее всего, над ее возведением работали присланные князем мастера. Однако ее художественный образ, в отличие от нарядной Лазарицы, впечатляет аскетической простотой, ибо декор практически отсутствует.

По своим размерам, типологии, композиции и пропорциям церковь монастыря Горняк очень близка Лазарице. Здесь та же общая плановая схема с присоединенным с запада нартексом и боковыми конхами. Однако все конхи имеют полуциркульные очертания, в отличие от Лазарицы,

---

²¹⁴ См. с. 73–74.

²¹⁵ Мандић, 1997.

²¹⁶ Николић М., 1973; Цуњак, 1987; Ристић, 1996. С. 214–215; Митошевић, 2006.

Раваницы и многих других моравских храмов, где конхи многогранные. Полукруглые очертания апсид редко встречаются в XIV в. в сербской архитектуре и появляются лишь там, где стремились к сходству с рашскими образцами, как это было в Дечанах (где, к тому же, работали приморские мастера). Появление трех полукруглых апсид в Горняке, очевидно, было связано с теми же причинами.

Никаких полуколонок и иных членений фасады Горняка не имеют. Храм построен в смешанной технике кладки с преобладанием известняка. Из всех вариантов декора здесь могла быть только роспись по штукатурке, но была ли она, мы не знаем, поскольку первоначальная штукатурка сохранилась фрагментарно. Простота и скромность постройки, несомненно, была связана с ее монастырским характером и лично Григорием Синаитом, который жил даже не в самом монастыре, а в пещере над ним. При этом по всем остальным параметрам Горняк вписывается в круг построек, связанных с придворным заказом.

Наупара

Церковь Рождества Богородицы в Наупаре²¹⁷ находится в 13 км южнее Крушевца, столицы государства Лазаря. По мнению В. Ристича, церковь могла быть основана еще в 60-е – начале 70-х гг. XIV в. как придворница; сведений о первоначальной монастырской принадлежности этой постройки нет²¹⁸. В средневековом источнике 1382 г. Наупара упоминается как уже существующая церковь, переданная во владение новооснованному монастырю Дренча, ктиторами которого были монах Дорофей и иеромонах Даниил²¹⁹. В связи с этим была предложена гипотеза, согласно которой, Наупара — это аристократическое родовое

---

²¹⁷ Станојловић, 1993. С. 104; Ристич, 1996. С. 223; Поповић, Ђурчић, 2000.

²¹⁸ Ристич, 1996. С. 223.

²¹⁹ Арх. Леонид, 1868. С. 264.

гнездо с городищем, основанное ранее этими же монахами²²⁰. В своей последней работе С. Чурчич и С. Попович относят церковь к концу 1370-х – началу 1380-х гг. Они считают, что она ориентирована на Лазарицу, и только на этом основании относят ее ко времени после 1377 года (предполагаемая дата возведения Лазарицы) и до 1382 года (упоминание в источнике).

Наупара в целом следует общей для моравских однефных триконхов схеме. Так же, как и в большинстве других моравских храмов, алтарная часть представлена одной многогранной апсидой, выступающей на фасаде, а жертвенник и диаконник устроены в толще восточной стены. Западная травея храма — внутренний нартекс, совсем узкий, что не позволяет предполагать здесь наличие захоронений и какой-либо другой определенной функции.

В интерьере доминирует расширенная центральная подкупольная часть, фланкированная двумя полностью открывающимися и поднятыми вровень с рукавами креста боковыми конхами. Т.о. основой пространственной организации интерьера этого храма становится вертикальный столп, завершающийся высоко поднятой главой на стройном барабане, прорезанном множеством окон. Несмотря на меньшие размеры, вертикальная ориентация храма выражена максимально ярко.

То же мы видим и на фасадах. Их композиция напоминает Грачаницу, поскольку на каждом фасаде есть ступенчато повышающиеся полукружия. На восточном фасаде с очень узким центральным пряслем (оно практически равно алтарному выступу) поднимается ступенями примыкающая к своду конха, затем закомара, усиленная аркой и большим кокошником постамента барабана. Динамика вертикального развития композиции в этом храме выражена наиболее ярко и по сравнению с Лазарицей, и с Раваницей.

---

²²⁰ Поповић, Чурчић, 2000. С. 15.

В Наупаре есть и другие отличия, не позволяющие предположить здесь работу той же артели мастеров, что в Лазарице. Так, церковь в Наупаре возведена из камня на высоком цоколе. Грубо обработанный песчаник доминирует, причем степень обработки камней, использованных на фасадах, разная. Очевидно, храм был изначально задуман под штукатурку с орнаментальными росписями. На ее сохранившихся фрагментах есть следы росписи, имитирующей полосатую каменную кладку в технике клуазонне, а также и орнаментика цветочного типа (в районе оконных проемов, порталов и т.д.)²²¹.

На западном фасаде нартекса, слитого с храмом в единое целое, имеются горизонтальные карнизы и большие розетки. В завершении нартекса — розетка, гигантский диаметр которой заполнен первоклассной резьбой с мотивами, происхождение которых явно связано с западноевропейской традицией через приморских мастеров²²². В декоре встречаются маски, напоминающие рашские и приморские постройки.

Над экзонартексом сейчас возведен глухой купол с надстроенной позднее четырехугольной башней в другой технике кладки из камня и кирпича, с небольшим прямоугольным помещением внутри. В отличие от Лазарицы, здесь не было ярусного решения. Предположительно, это был цельный объем с единым пространством. Именно такое решение (без деления на два этажа) — наиболее частое для экзонартексов моравских церквей. Экзонартекс имеет два входных портала с севера и запада. В южной его части находилась каменная цилиндрическая купель с водоотводом в полу притвора.

Велуча

---

²²¹ Поповић, Ђурчић, 2000. С. 33–35.

²²² Ристић, 1988. О резном декоре Наупары см.: Катанић, 1988. С. 93–105.

Церковь Введения Пресвятой Богородицы — аристократическая задужбина, не имеющая точной даты²²³. Росписи храма недавно были отнесены ко времени ок. 1373–1375 гг.²²⁴ Если это утверждение верно, то храм возведен ранее Лазарицы (опять же, если принять как дату её основания 1377 г.). Заказчиком Велучи, очевидно, был некто из окружения князя Лазаря. Портрет ктиторов изображен вместе с портретом княжеской четы в южной части западной стены наоса.

В плане постройка представляет собой типичный моравский однонефный купольный триконх с нартексом с глухим куполом над ним. Конструктивное решение — повышенные подпружные арки — также типичны. Размер постройки близок Наупаре, а смешанная техника кладки из камня и кирпича с каменным и керамическим декором, членения горизонтальными поясами, мотив пучковых полуколонок на углах, скорее, напоминает Лазарицу. Однако каменная резьба оконниц заметно скромнее, стеновая кладка отличается более грубым характером и предполагает штукатурку с фасадными росписями, профилировка карнизов и цоколя упрощена. Всё это не позволяет напрямую соотнести возведение Велучи с мастерами княжеской Лазарицы.

В плане и распределении храмовых зон в интерьере также есть некоторые особенности. Пропорции плана отличаются меньшей вытянутостью по оси запад-восток, а зона подкупольного квадрата выглядит нарочито расширенной за счет непривычного сокращения ширины западной трапезной наоса. Более детально проанализировать архитектурные особенности храма не позволяет его сохранность (первоначальная кладка доходит лишь до высоты сводов).

Оригинально сделано алтарное окно. Оно двухчастное, посередине — не колонка с базой и капителью, а вертикальная плита с уплощенной

---

²²³ *Петковић, Бошковић, 1953; Бошковић, 1955; Бабић, 1975. С. 70–73; Љубинковић, 1973/2; Тодић, 1989; Ристић, 1996. С. 212.*

²²⁴ *Стародубцев, 2013. С. 267.*

резьбой и тонировками. Форме двух проемов приданы антропоморфные очертания (как будто фигуры ангелов с нимбами вместо готической «замочной скважины»). Такая варваризация и византийских, и готических мотивов нам больше нигде не встречалась. Мы не можем сказать, одна ли артель строила и украшала храм, но упрощенное архитектурное решение и упрощенный декор говорят скорее в пользу того, что строители и резчики были одни и те же. Поскольку здесь явно работали не те мастера, что в Лазарице, уточнить хронологию памятников разного качества и уровня методом сравнительного анализа архитектурных приемов и деталей не представляется возможным.

Намасия

Намасия — ещё одна аристократическая задужбина с типичным для моравских однефных триконхом планом²²⁵. Как полагают, храм имел посвящение св. Николаю и возведен был на землях Црепа в округе большого и укрепленного городища Петруша, по соседству с владениями князя Лазаря. Значительный масштаб постройки позволяет предположить, что храм, обнесенный каменными стенами и башнями, был возведен в качестве задужбины кого-то из рода правителей Петруша, также как Сысоевац. О времени возведения храма определенных сведений нет, в историографию он вошел с датой начала эпохи правления князя Лазаря. Концом XIV в. датируют и фрагменты сохранившихся фресок (до 1389 г.)²²⁶. Церковь и монастырские укрепления дошли до наших дней в сильно руинированном виде, высота кладки поднимается до 0,6–1 м.

Тем не менее структура плана вполне различима. Это однефный триконх с трехгранной апсидой и почти квадратным в плане экзонартексом. Выложена постройка исключительно из камня (крупная

---

²²⁵ Прокић, 1986. С. 86–95, 135; Ристић, 1996. С. 223; Брмболић, б.г.

²²⁶ Прокич (Прокић, 1986. С. 86–95, 135) датирует церковь по стилю живописи до 1389 г., с чем согласен и Ристић (Ристић, 1996. С. 223).

речная галька), как и большинство построек Петруша и области. Несмотря на плохую сохранность храма, во время археологических исследований были найдены остатки восьмигранного барабана купола, оформленного полуколонками на гранях. В северо-западном углу наоса находится плита, на которой, вероятно, была каменная крестильная купель. По всем параметрам церковь Намасии вполне вписывается в основную линию моравских храмов. По технике кладки и пропорциям плана она ближе всего Наупаре.

Лепенац

Церковь Св. Стефана в Лепенаце принадлежала к числу самых крупных из однефных триконхов моравского периода²²⁷. По масштабу она близка Лазарице. Точной датировки храм не имеет, ктитория и обстоятельства его основания не известны. Исследователи предполагают две фазы строительства. Возможно, на первом этапе строительства (XIV в.) храм был возведен на небольшую высоту и остался не завершен. Строительство могло быть продолжено уже в начале XV в. Памятник дошел до нашего времени в археологическом состоянии, каменная кладка сохранилась на высоту до 2 м²²⁸. Следов каменного резного декора здесь нет. Конфигурация плана — обычная для моравских триконхов, с многогранными украшенными полуколонками апсидами (все они сделаны по-разному: восточная имеет семь граней, южная — пять, северная — всего четыре). Кубический в плане экзонартекс одновременен с основным объемом. Характерные пучковые каменные колонки сохранились на его северном углу. По всем этим признакам Лепенац подобен большинству компактных триконхов, ориентированных на постройки князя Лазаря и его окружения.

---

²²⁷ Дероко, Здравковић, 1950; Ковачевић, 1974; Ковачевић, 1975; Ристић, 1996. С. 219.

²²⁸ Ристић, 1996. С. 219.

Итак, все храмы эпохи князя Лазаря представляют собой триконхи, которые строятся в двух вариантах: четырехстолпные и однефные. Четырехстолпные храмы, бесспорно, генетически восходят к византийским образцам и по своей типологии, и в общих принципах развития композиции как в пятиглавом варианте, так и в одноглавом. И четырехстолпные, и однефные триконхи часто имеют с запада купольные экзонартексы, типология которых также восходит к византийским истокам. Общей для византийской и сербской архитектуры конца XIV в. является тенденция к усилению декоративности фасадов.

Однефные постройки эпохи князя Лазаря оказываются в целом очень близки друг другу не только по типологии и плану, но и по размерам, выверенным пропорциям, силуэту. Такой выверенности, однотипности и узнаваемости не было ни в рашский период, ни в XIV в. Это создает ощущение единства архитектурной традиции, возможно — работы одной придворной артели в целом ряде построек. Впрочем, безусловно, есть некоторые исключения, о которых мы скажем ниже. Такого единства уже не будет в следующий период.

2.3.2. Постройки деспота Стефана и их круг

После гибели князя Лазаря в Косовской битве в 1389 г. ему наследует малолетний сын Стефан (1389–1427)²²⁹. Утрачивают свою силу многие аристократические роды, чьи земли теперь переходят в княжескую казну²³⁰. В правление Стефана Лазаревича его владения увеличиваются, удается присоединить земли в Воеводине и на Дунае, в 1421 в состав Сербского государства снова входит Зета. Однако Стефану Лазаревичу приходится признать вассальную зависимость от Османской империи и

---

²²⁹ Живот деспота, 1870; *Јагић*, 1875; *Пурковић*, 1978; *Стевановић М.*, 2003; *Фајфрић*, 2006; *Калић*, 2006/2; *Калић*, 2012. С. 79–158. См. также материалы конференций: Моравска школа и њено доба, 1972; Ресавска школа, 1994; Деспот Стефан, 2008.

²³⁰ *Божић*, 1972.

участвовать во многих военных походах на стороне турок. Его полномочия в управлении сербскими землями становятся совсем иными. В 1402 г. он принимает титул деспота от Византии. Период первой половины XV века получил название «Сербская деспотовина»²³¹. Крушевац утрачивает свое столичное значение, политический центр переносится ближе к Дунаю и Саве, с 1403 г. формальной столицей становится Белград. Неподалеку от новой столицы Стефан Лазаревич строит свою задужбину и любимую резиденцию — монастырь Ресава (Манасия). Стефан Лазаревич стремится продолжать дело отца, сохранять и укреплять единство сербских земель. Он приглашает к своему двору многих выдающихся деятелей культуры. Ресавский монастырь становится крупным центром книжности, где процветает литература, ведется большая работа по переписыванию рукописей и унификации орфографии (т.н. ресавская реформа)²³². Тем не менее, в архитектуре наблюдается максимальное разнообразие, доминируют постройки небольшого масштаба, ориентированные на самые разные традиции, среди которых византийская стилистика уже отнюдь не оказывается определяющей.

Ресава

Церковь Св. Троицы монастыря Ресава (Манасия)²³³ — единственная задужбина Стефана Лазаревича, на возведение и украшение которой он потратил двадцать лет (1407–1427). В этом храме он был погребен (захоронение было обнаружено в 2000-е гг. в юго-западной части наоса).

Ресава — самая крупная, роскошная и, можно сказать, эталонная постройка для данного периода. Среди многочисленных построек первой половины XV в. это единственный четырехстолпный храм, что само по

---

²³¹ Калић, 2006/2; Калић, 2012. С. 79–158.

²³² Трифуновић, 1979; Дани, 1994; Корићанац, 2006.

²³³ Станојевић, Мирковић, Бошковић, 1928; Ненадовић, 1961; Он же, 1962; Бурић В., 1963/2; Николић, Живковић, 1966; Кашанин, 1969; Томић, 1971; Бошковић, 1972; Тодић, 1995; Ристић, 1996. С. 227; Симић, Тодоровић, Брмболић, Зарић, 2007; Ćurčić, 2010. Р. 680.

себе уже симптоматично. С одной стороны, выбор этой типологии был predetermined для Стефана Лазаревича ориентацией на задужбину его отца. Не только типология и масштаб, но и художественный образ в целом ориентированы на подражание Раванице²³⁴. С другой стороны, из жития Стефана Лазаревича известно, что строители ресавского монастыря были приглашены с островов, т.е. это были приморские мастера²³⁵. Они воспроизводят чтимый образец в совершенно иной технике и стилистике, в которой наряду с привычными для сербской традиции чертами оказывается немало элементов, характерных для архитектуры поздней готики и раннего Возрождения. Впрочем, в этой ситуации нет ничего удивительного, подобные случаи не раз имели место в сербской истории начиная с рашского периода.

Плановая схема и объемно-пространственная композиция Ресавы очень близки Раванице. Это большой пятикупольный храм с доминирующей центральной главой и четырьмя значительно уступающими в диаметре главками, широко расставленными по углам. В отличие от Раваницы и большинства моравских храмов, здесь нет динамичного ярусного построения композиции, но преобладает симметрия и уравновешенность. Основной объем храма представляет собой четверик, стены которого поднимаются на значительную высоту и определяют развитие по вертикальной оси. Ширина южного и северного фасадов незначительно превышает высоту, что соответствует некоторой вытянутости в плане с запада на восток. Храм приобретает очертание, близкое к кубическому.

Выложенные из камня массивы стен зрительно облегчены членением фасадов. Гладкая облицовка шлифованным белым камнем в свою очередь дезавуирует массу. Северный и южный фасады здания симметричны, имеют трехчастное вертикальное членение. В центре выступают

---

²³⁴ *Тодић*, 1995. С. 38, 45.

²³⁵ *Николић Р.*, 1969. С. 187.

полукружия боковых апсид, высота которых доходит до уровня сводов. Снаружи они имеют граненые очертания, эффектно подчеркнутые четырьмя полуколонками на всю высоту. Колонки увенчаны изящными капителями и соединены между собой аркатурным фризом, который опоясывает здание с трех сторон. Исключение составляет западный фасад, где центральное прясло разрывает пояс глухих арок (возможно, это связано с переделкой фасада).

Все фасады храма достаточно точно отражают внутреннюю конструкцию, что не типично для архитектурной традиции того времени. Симметрия в расположении арок на боковых пряслах, деление фасадов на три равные части, соответствие полукружий боковых апсид расстановке столпов находят подтверждение в плане. Боковые прясла фасадов храма расчленены глухими килевидными арками, которые выполняют декоративную функцию и тоже отвечают структуре храма.

Однако существуют и незначительные расхождения. Килевидность арок не соответствует полуциркульным очертаниям сводов. Окна северного и южного фасадов располагаются по их осям, симметрично в два ряда. Каждая боковая апсида имеет отдельный входной портал. Окна — двучастные с каменной колонкой посередине, поддерживающей арочки оригинальной конфигурации, вписанные в полукруглый килевидный тимпан. Это типичный позднеготический мотив.

Аркатурно-колончатый фриз украшает все три апсиды алтарной части. Ряды тонких колонок еще усиливают вертикальную направленность апсид. Нарочито узкие, боковые апсиды, плотно прижатые к основной, подчеркивают устремленность в высоту.

Боковые полукружия не доходят до углов храма, так что образуется дополнительный уступ. Отсюда возникает ощущение «стесненности массы», устремившейся кверху. Алтарь становится единой, слитной формой.

Высокий профилированный цоколь в основании очерчивает мягкую плавную линию перетекания форм по всему периметру здания. Поднятая на такой пьедестал, материальная оболочка храма кажется гибкой и струящейся.

В завершении основного объема над аркатурным фризом проходит сложно профилированный ступенчатый карниз. Аркатурная лента с карнизом не ограничивает вертикальное развитие фасадов, но обозначает границу, где начинается противопоставление верхней части основному объему.

Центричность и доминирующая вертикаль завершения полностью отвечают принципам развития фасадов основного объема. Динамичные формы верха — ступени постаментов меньших глав, ведущие к высоко вознесенному центральному куполу, арки декоративных кокошников у их оснований, позакомарное покрытие рукавов креста, отражающее форму сводов раскрывают суть архитектурно художественного замысла. Рельефные грани барабанов, акцентированные полуколонками, соединенными профилированными арками, идеально согласуются со стилистикой карниза и аркатуры четверика. Ярким моментом связи основного объема храма с его завершением является энергично выделенное центральное звено каждого из фасадов — торец ветвей креста. По сути это конструктивно обоснованная закомара, хотя и незначительно усиленная дополнительным узким кокошником, который служит ее обрамлением, согласует с формами остальных кокошников и увеличивает высоту. Кокошники на постаментах малых глав представляют собой двухступчатые арки на профилированных консолях и служат обрамлением с четырех сторон.

В интерьере церкви Св. Троицы тенденция к свободному зальному пространству, характерная для большинства построек моравской Сербии, достигает своего максимума. Скругленные опоры центральной части широко расставлены, все пространство храма залито светом. Если в

интерьере Раваницы световые эффекты строятся на контрасте между затененными боковыми компартиментами и ярко освещенным центральным пространством, то в Ресаве освещение гораздо более обильное и равномерное. Большие дополнительные окна расположены в два ряда со всех сторон. Окна в барабане довольно широкие, так что свет из них в достаточном количестве проникает не только в центральную часть, но и в боковые компартименты. В целом зальный характер интерьера с высокими пропорциями, овсещенность, каменный резной декор с готическими элементами — все это создает сильные акценты с перевесом в сторону сербской традиции, отходящей от византийской.

Техника кладки из белого камня с гладкой облицовкой и вся специфическая система декора, связанная с этой техникой, уже совершенно не ассоциируется с византийскими традициями. Уходит узорочье, полихромия, возвращается аркатура с профилированными консольками, опоясывающая храм со всех сторон. В декоре довольно много отдельных узнаваемых западных мотивов (готические завершения окон, геометрические мотивы капителей и баз, ступенчатая профилировка цоколя, подчеркнута уплощенные аркады с килевидным завершением на боковых пряслах продольных фасадов, розетки²³⁶ и др.).

Также как в Раванице, в Ресаве несколько позднее основного храма был достроен нартекс, который неплохо сохранился. Предположение о позднем происхождении западной пристройки основано на ктиторской композиции, находящейся на западной стене церкви²³⁷. На фреске представлен заказчик деспот Стефан Лазаревич с моделью храма в левой руке. Сохранность изображения не полная, однако отчетливо видно, что храм не имеет дополнительной пристройки с запада. Нартекс увенчивал либо купол на световом барабане, либо уплощенный глухой купол (к такому варианту реконструкции исследователи склоняются в последнее

---

²³⁶ Мандић, 1980; Он же, 1986.

²³⁷ Зарић, 1992.

время)²³⁸. В данный момент над нартексом — более поздний купол, который появился там не ранее XVIII в. Стилистика оформления фасадов нартекса согласована с декором основного объемом храма. Западный притвор, не предусмотренный первоначальным замыслом, в значительной степени изменил архитектурный облик главного храма, усложнил композицию, усиливая вытянутость по оси восток — запад.

Можно сказать, что в некотором смысле последний крупный памятник сербской архитектуры возвращает нас к ее началу, когда византийская формула оказалась воспроизведена мастерами, принадлежащими к совсем иной традиции²³⁹. Результат, безусловно, получился весьма своеобразным.

Церковь Св. Троицы в Ресаве стала образцом для ряда других храмов первой половины XV в. Особенно широкое распространение получает аналогичная стилистика декоративного оформления, связанная с каменной облицовкой фасадов: аркатурные фризy, каменная резьба и пр.²⁴⁰

Однонефные храмы в эпоху деспота Стефана становятся абсолютно доминирующим типом, причем совсем не все из них уже триконхи. Следует еще раз подчеркнуть, что сам Стефан Лазаревич построил для себя только одну задужбину — Ресаву. При этом на ктиторских композициях этого времени неизменно в качестве главного ктитора фигурирует деспот Стефан с моделью храма в руках, и только затем — реальный заказчик храма и его семья²⁴¹. Означает ли это, что над

---

²³⁸ Мандић, 1980; Симић, Тодоровић, Брмболић, Зарић, 2007. С. 31–37.

²³⁹ Мальцева, 2016. С. 204.

²⁴⁰ См. ниже, с. 106–107. Б. Тодич предложил даже выделить целое направление, развивавшееся под влиянием Ресавы (см.: Тодић, 1995. С. 48-49). Однако, с нашей точки зрения, объемно-пространственные характеристики и особенности образного строя памятников этого времени позволяют говорить лишь о некоторых таких случаях (например, Павловац). Предположение Б. Тодича о более поздней датировке храма Сысоевца и его возможной ориентации на Ресаву нуждается в дополнительном обосновании.

²⁴¹ Ч. Маринкович объясняет это тем, что подобные изображения акцентировали высокое общественное положение заказчиков (См.: Маринковић, 2007).

возведением аристократических задужбин работала княжеская артель, как это могло быть в эпоху князя Лазаря? Нам это кажется маловероятным или, во всяком случае недоказуемым, поскольку в этот период разница в типологии, масштабе и стилистике построек становится очень велика.

Рассмотрим несколько однефных храмов, представляющих магистральную линию развития архитектуры этого периода.

Каленич

К числу наиболее ярких в художественном и идейном плане построек эпохи деспота Стефана относится церковь Введения Богородицы в Калениче, датируемая первой четвертью XV в.²⁴²

Достоверных исторических сведений о церкви Введения Богородицы в Калениче крайне мало. Нет письменных источников, современных возникновению монастыря. Высочайший уровень мастерства работавших здесь архитекторов и живописцев, бесспорно, указывает на крупный аристократический заказ. Это подтверждает иконография ктиторовской композиции, расположенной на северной стене наружного нартекса²⁴³. Первоначальные надписи, сопровождающие изображенных персонажей позволяют отождествить двух из них: один — деспот Стефан (с венцом на голове), второй — Петр, брат Богдана, по поздней надписи отождествляется еще один из ктиторов — известный по другим источникам вельможа, протовестиар Богдан. В качестве гипотезы, можно предположить, что участие деспота Стефана в строительстве храма выражалось в предоставлении придворной артели.

Как справедливо отмечают В. Корач, И. Стевович и другие исследователи, Каленич всеми своими формами уподоблен Лазарице: и типология (однефный триконх), и план, и размер, и общие принципы

---

²⁴² Петковић, Татић, 1926; Бошковић, 1930; Стевовић, 2006/1; Стевовић, Цветковић, 2007; Ćurčić, 2010. P. 677–678; Мальцева, 2012/4.

²⁴³ Бабић, 1972. С. 146–147; Ђирковић, 1995; Симић-Лазар, 2000. С. 81–88; Джурич, 2000. С. 300; Стевовић, 2006/1. С. 141–157; Стевовић, Цветковић, 2007. С. 7–8.

декоративности — все подтверждает если не буквальное копирование образца, то развитие тех же идей и дальнейшую их интерпретацию. Каленич заметно отличается от Лазарицы пропорциями. Вытянутость по вертикали здесь сильно преувеличена как в объеме четверика, так и в подъеме главы на очень высоком барабане с постаментом.

Это однонефный одноглавый триконх с большим внешним нартексом, одновременным основному объему. Объемно-пространственная композиция Каленича строится из этих двух разновеликих объемов с купольным завершением. Отсюда во внешнем облике постройки присутствует характерная вытянутость в плане по оси восток-запад. Композиционная согласованность основного объема и экзонартекса, повторяемость основных элементов в конструкциях и декоре, отсутствие видимых швов на фасадах, — все это создает ощущение органичной собранности всех частей воедино. Архитектурный образ храма определяют центричность композиции и ярко выраженная вертикальная ориентация. Ступенчатое нарастание объемов выделенного центрального ядра достигает своей кульминации в высоко вознесенной главе храма, поднятой на сильно вытянутом многогранном барабане и высоком кубическом постаменте. Ритм членения фасадов, задаваемый вертикалями узких лопаток и стройными полуколонками, а также полукружия рядами поднимающихся кокошников усиливают мощную устремленность ввысь.

Во внутренней структуре храма хорошо прочитывается разграничение наоса и обособленного экзонартекса, соединенных порталом. В наосе присутствует традиционное для сербской средневековой архитектуры трехчастное деление пространства на алтарную часть, подкупольный квадрат и внутренний нартекс. В Калениче, в отличие от рассмотренных нами ранее Велучи и Наупары, внутренний нартекс достаточно развит и содержит ктиторское захоронение, что возвращает нас к рашским традициям. Алтарная часть состоит из восточной трапезной

(вимы), перекрытой цилиндрическим сводом восточного рукава креста, и одной высокой апсиды, по сторонам от которой в толще восточной стены размещены не выявленные снаружи ниши жертвенника и диаконника. Алтарь отделен высоким деревянным иконостасом, поставленным в 1829 г. на месте первоначального. Традиционно для сербских церквей данного типа центральная часть храмового пространства, совпадающая с подкупольным квадратом, выделена выносом четырех опорных лопаток. Фланкирующие наос боковые конхи-певницы поднимаются до высоты сводов и полностью открываются в подкупольный квадрат, значительно расширяя пространство центральной зоны и подчеркивая его сакральную значимость.

В подкупольном квадрате концентрируется динамика вертикального развития пространства (высота подъема купола от уровня пола — 19,8 м, тогда как высота подъема сводов западного и восточного рукавов креста — ок. 10,2 м)²⁴⁴. В отличие от предшествующих построек посл. четв. XIV в. (Лазарица, Наупара и др.), в Калениче не используются повышенные подпружные арки на консолях, но применена более традиционная система конструкции сводов. Нижняя часть сильно вытянутого барабана, поддерживаемого четырьмя опирающимися на пристенные лопатки подпружными арками, оказывается глухой и утопленной в постамент, имеющий кубические очертания снаружи. В верхней зоне барабана размещены восемь узких вытянутых оконниц. Таким образом, на общем фоне сильно затененного интерьера, световые акценты также сконцентрированы в подкупольной зоне. Кроме верхних окон барабана и двух больших окон по центральной оси боковых певниц, в храме имеется еще пять окон: по одному в средних регистрах северной и южной сторон внутреннего нартекса и алтарной части, еще одно — по центру апсиды. Окна оформлены как бифоры, со стороны фасадов они обрамлены каменными резными оконницами. В верхних регистрах каждого из

---

²⁴⁴ *Стевовић*, 2006. С. 86.

компартиментов расположены разные, но небольшие по размерам, круглые окна, закрытые на фасадах каменными резными розетками.

Контрастно, по сравнению со слабо и неравномерно освещенным пространством основного храма, выглядит залитый светом экзонартекс. Главным источником света здесь является большой высокий проем, устроенный в южной стене. Аналогично оконницам, он также разделен колонкой, украшен каменным резным архивольтом и рельефом с образом Богородицы в тимпане. В верхних зонах южной, северной и западной стен экзонартекса размещены три самых больших окна-розетки.

В храме имеется несколько порталов: главный входной портал на западном фасаде; портал, ведущий из внешнего нартекса во внутренний; небольшой портал северной певницы, вероятно, более поздний. Хорошо сохранился лишь внутренний портал, ведущий из экзонартекса в храм. Он роскошно украшен полихромной каменной резьбой в плоском рельефе, с орнаментальной плетенкой.

Декоративная программа фасадов храма Каленича подчинена общему архитектурному решению и ярко выявляет основные композиционные и конструктивные принципы. Использовано множество материалов различной фактуры и цвета: разнообразные варианты лекального кирпича, каменные резные украшения, фигурные керамические вставки и др. Все это, вместе с применением насыщенных тонировок, создает яркую полихромную фасадов. Репертуар наиболее часто используемых мотивов орнаментики весьма разнообразен: флоральные мотивы гирлянд и розеток, витиеватая геометрическая плетенка, шахматный орнамент, различные фигуративные рельефы капителей, венцов оконниц и тимпанов проемов (часто с фантастическими зооморфными сюжетами²⁴⁵). Особо выделяется большой рельеф с образом Богородицы в рост на тимпане двухчастного проема южной стены экзонартекса.

---

²⁴⁵ *Velmans*, 1969.

Архитектурные особенности храма Каленича хорошо согласуются с общими тенденциями византийского зодчества позднепалеологовского периода, но не могут быть полностью ими объяснены. Многие в типологическом, конструктивном, художественном решении храма восходит к местным традициям, накопленным в течение развития сербской архитектуры в XII–XIV вв.

Руденица

Церковь Св. Илии в Руденице построена в самом конце XIV в., расписана в начале XV в.²⁴⁶ Это тоже аристократическая задужбина: ктитория — господин Вукашин с супругой Вукосавой — изображены на ктиторийской композиции вместе с наследниками князя Лазаря, Стефаном и Вуком Лазаревичами. Модель Руденицы держит в руках правитель — деспот Стефан.

План Руденицы типичен для однефного моравского триконха средних размеров. Почти кубический экзонартекс имеет традиционное для моравского периода завершение низким глухим куполом. Все три конхи храма выведены вровень со сводами, решены однотипно и имеют многогранную конфигурацию снаружи с наложением аркатуры на длинных и тонких колонках. Порталы на боковых апсидах отсутствуют. Глава храма на мощном восьмигранном барабане имеет уступчато профилированные оконницы с приставленными полуколонками. Она поднята на постамент, украшенный накладными кокошниками. Ступенчатость композиции объемов акцентирована декором на фасадах.

Храм выложен из камня под штукатурку с росписями, имитирующими кладку клуазонне. В декоративной программе храма много традиционного для моравской эпохи, но всё несколько упрощено. Каменным горизонтальным карнизом, опоясывающим фасады со всех

---

²⁴⁶ *Мирковић*, 1931; *Бабий*, 1972. С. 148; *Ристић*, 1996. С. 228; *Джурич*, 2000. С. 284–285, 431–432, прим. 129; *Стародубцев*, 2006/2; *Ћурčić*, 2010. Р. 677.

сторон, храм поделен на верхние и нижние зоны, декор которых решён по-разному. В верхнем регистре продольных и поперечных фасадов располагаются крупные розетки, заполненные каменной сквозной резьбой. Все каменные детали имели тонировки, что усиливало их декоративность. В нижних частях фасадов размещены окна-бифоры. Прорези оконниц интерпретируют мотив готического стрельчатого окна.

В интерьере храм хорошо освещён. Конструкция завершения решена без использования ступенчатой системы сводов, без повышения подпружных арок. Зальное пространство интерьера выглядит гармонично, без чрезмерной экспрессии в вертикальной ориентации форм центрального ядра.

В целом эта постройка следует в русле княжеских аристократических задужбин конца XIV – начала XV в.

Милентье

Церковь Св. Стефана в Милентье возведена в конце XIV – начале XV в. в качестве монастырской задужбины²⁴⁷. Сохранились основания и стены до 2–2,5 м в высоту. Это однефный триконх, состоящий из трех разновеликих ячеек внутри и одновременно построенного притвора, в котором изначально был южный вход. Восточная ячейка плана в два раза короче западной, что далеко не часто встречается. Над центром — купол на сильно выступающих лопатках. Жертвенник и диаконник традиционно разещены в симметрично расположенных полукруглых нишах в толще восточной стены.

Церковь была построена из местного камня двух пород. Хорошо отесанные каменные блоки были использованы на угловых частях постройки. Кирпич использовался в небольшом количестве. Обращает на себя внимание хорошая профилировка каменного цоколя.

---

²⁴⁷Дероко, Здравкович, 1950. С. 223–225; Томић Г., 1960; Он же, 1962; Он же, 1979; Станић, 1975; Ристић, 1996. С. 221.

Пятигранная апсида снаружи украшена полуколонками. Фасады точно были украшены арками и рядом прислоненными к ним колонками. Большое количество археологически выявленной и сохранной каменной пластики показывает исключительно богатый репертуар геометрических, растительных, зооморфных и антропоморфных изображений. Также на этих элементах резьбы хорошо видны следы красной и синей тонировки.

Эта постройка в целом может быть включена в число ориентированных на магистральную линию княжеских и аристократических задужбин.

Павловац

Церковь Св. Николая в Павловце построена в начале XV в., поскольку известно, что 21 ноября 1424 г. деспот Стефан отправил оттуда письмо в Дубровник²⁴⁸. В общем и целом постройка соответствует всем стилевым особенностям моравских однонефных триконхов.

В распределении пространственных зон заметно увеличение роли внутреннего нартекса, который больше и шире других зон (почти такой же, как подкупольное пространство по размеру). Есть также первоначальный экзонартекс²⁴⁹.

Интерьер оказывается затемненным, поскольку свет проникает только через низко опущенные круглые окна, а в барабане окна очень узкие, как щели. По-прежнему значительную роль в организации интерьера играют полукружия конх, вровень слитые со сводами рукавов креста, которые визуально расширяют пространство центрального подкупольного квадрата.

Многие характеристики постройки связывают этот храм с Ресавой: техника кладки только из камня, без примеси кирпича, на тонком

---

²⁴⁸ *Татић*, 1925; *Мадас*, 1969; *Поповић М.*, 1980; *Ристић*, 1996. С. 224; *Ђурић*, 2010 (с полной библиографией).

²⁴⁹ *Вуловић М.*, 2002.

известковом растворе; облицовка мрамором; характер профилировки с тонкими уступами в обрамлении окон барабана; изящные капители и полуколонки на гранях барабана; очень специфические круглые окна в центральной части храма; отсутствие горизонтальных карнизов. Все эти характерные особенности позволяют предположить, что здесь работала та же артель мастеров, что и в Ресаве.

Копорин

Церковь Св. Стефана в Копорине (Смедеревска Паланка) была расписана ок. 1402 г.²⁵⁰ Строительство храма, скорее всего, относится к этому же времени. Копорин возводился как монашеская задужбина. На ктиторской фреске на западной стене храма есть портрет Стефана Лазаревича, рядом изображен второй ктитор.

Это однефный одноглавый храм, который изначально строился без боковых конх и без нартекса. Нартекс появляется в средневековый период на втором этапе строительства. Нетрадиционно для моравского храма решение восточной части с одной достаточно объемной полукруглой апсидой, резко пониженной относительно основного объема. Восточное прясло завершается щипцом.

Вместе с техникой кладки из бутового камня под штукатурку в Копорине встречаются керамические вставки из горшочков с крестообразными горлышками, характерные для моравских церквей. Здесь они использованы в качестве украшения архивольтов плоских ниш, условно членящих боковые фасады на три прясла. Эти членения лишь очень условно передают структуру трехчастного деления внутреннего пространства. Также узнаваемым, хотя и в очень упрощенном варианте, оказывается декор восьмигранного барабана. Грани украшены

---

²⁵⁰ *Мано-Зиси*, 1934. С. 210–213; *Ристић*, 1996. С. 218; *Джурич*, 2000. С. 287–288, 433, прим. 132; *Радујко*, 2006 (с полной библиографией).

полуколонками с профилированными капителями и аркадами, обрамляющими окна. Украшением аркад оказываются ряды кирпичного поребрика, что привносит некоторую полихромную. Также характерна форма оконниц барабана, где круглое окошко, обрамленное кирпичными выкладками, продолжается узким щелевидным проемом с меньшими круглыми оконницами. К узнаваемым моравским элементам декора нужно также отнести окна-розетки, круглое окошко на северном фасаде и две небольшие арки, украшенные кирпичными выкладками.

Общий облик постройки и столпообразный интерьер с характерным трехчастным членением безусловно напоминает и старые рашские образцы, и отвечает принципам моравских построек.

Пристройка внешнего нартекса еще больше сблизил образ этого храма с рашскими образцами. Треугольный щипец на западной фасаде усиливает это впечатление. Но элементы декора заставляют вспомнить о моравской традиции в упрощенном ее варианте.

Йошаница

Церковь Св. Николая изначально строилась как монастырь на берегу речки Йошаницы близ Ягодины²⁵¹. Письменных источников или надписей о начальном этапе истории храма нет, но можно точно сказать, что церковь построена не позднее 1430-х гг. как аристократическая задужбина. На южной стене юго-западной части экзонартекса есть ктиторийский портрет, на котором изображены семьи Якшича и Велмужевича, управлявшие Ягодинской областью. Однако достоверно неизвестно, были ли они первыми ктиторами монастыря.

Церковь в Йошанице — однефная постройка без боковых конх, имеющая характерную вытянутость в плане. С востока алтарная часть

---

²⁵¹ Прокић, 1970; Гашић, 1970; Пајкић, 1970; Кнежевић, 1976; Цветковић, Стародубцев, 1996; Ристић, 1996. С. 216; Цветковић, Стевовић, Ердельан, 2008 (с полной библиографией).

имеет одну полукруглую апсиду, сильно пониженную относительно основного объема. Рукава креста выражены закомарами на фасадах. Имеется купольный нартекс, одновременный храму и слитый с ним в единое целое.

Церковь построена в смешанной технике кладки из камня и кирпича. Восьмигранный барабан, поставленный на кубический постамент, украшен полуколонками на углах, двухступчатым обрамлением оконниц, с поребриком в завершении. Оформление фасадов минимально, резного каменного декора нет. Видимо, храм изначально планировался под штукатурку, о чем свидетельствуют фрагменты древних слоев фасадной штукатурки с имитацией орнаментов типа розеток и нарисованными рядами полосатой кладки. Северный и южный фасады храма и нартекса объединены мотивом трех достаточно глубоких арок, абсолютно не соответствующих структуре интерьера.

Церковь Успения Богородицы на кладбище в Смедерево.

Церковь Успения Богородицы на кладбище в Смедерево была построена между 1430-ми и 1459 г.²⁵² Это однефный триконх, значительно вытянутый по оси восток-запад, его алтарная часть и нартекс увеличены.

В этой постройке отсутствует характерная ступенчатость в организации объемно-пространственной композиции. Глава не поднята на постамент, боковые апсиды и восточная стыкуются вровень со сводами рукавов креста. Центральная часть выглядит как куб с барабаном и куполом посередине.

Стремление к декоративности сохраняется, вместе с традиционной техникой кладки из камня и кирпича. Мы также встречаем здесь членение

---

²⁵² *Татић*, 1930; *Мано-Зиси*, 1951; *Дероко*, 1951; *Дероко*, *Ненадовић*, 1956; *Ненадовић*, 1979; *Цуњак*, 1984; *Цуњак*, *Ђоровић-Љубинковић*, 1985; *Ристић*, 1996. С. 231; *Цуњак*, *Цветковић*, 1997.

фасадов горизонтальными каменными карнизами. Аркатуры на тонких колонках наложены на грани апсид триконха. Полосатость фасадов, созданная чередованием кладки камня и кирпича напоминает образцы эпохи князя Лазаря. Есть также выкладки из керамических вставок в виде крестов. Частично сохранились оконницы: те, которые имеют двухчастное деление со столпом посередине, оформлены каменной резьбой с плоским, заметно упрощенным орнаментом. На северной и южной конхе в нижних частях сделаны круглые окна, похожие на церковь в Павловце. Все в целом носит значительно упрощенный характер — как построение композиции, так и декор.

Отмечая определенную упрощенность в декоре этого памятника, Г. Милле поставил Смедерево в начало пути развития Моравской школы²⁵³. Сейчас очевидно, что это поздняя постройка, созданная в последние десятилетия существования сербского государства в его последнем форпосте.

Итак, основные постройки эпохи Стефана Лазаревича — Ресава, Каленич и Руденица, несмотря на типологические различия и различия в декоре, объединены одной важной тенденцией, которая заметно отличает их от образцов эпохи князя Лазаря. Во всех них динамика вертикального развития композиции усилена. Пропорции меняются в сторону большей вытянутости как в соотношении частей построек, так и их общей высоты. Это касается барабанов, постаментов, пропорций объемов центрального четверика.

2.3.3. Провинциальные постройки

Мы рассмотрели наиболее представительные и яркие храмы, связанные с придворным заказом эпохи князя Лазаря и эпохи деспота

---

²⁵³ *Millet*, 1919. P. 153–159.

Стефана, а также ориентированные на них постройки аристократии. Однако кроме этих крупных построек, представляющих магистральную линию развития моравской архитектуры, есть немало мелких, провинциальных, перестроенных и руинированных, недатированных и малоизученных. Как уже было сказано в первой главе, единственная попытка систематически исследовать этот материал была предпринята В. Ристичем. Нам представляется необходимым рассмотреть, по крайней мере, некоторые из них, чтобы обрисовать тот контекст, в котором возникает и развивается архитектура Моравской Сербии.

Начнем с тех построек, которые могут быть, хотя бы предположительно, отнесены к третьей четверти XIV в. или первым годам правления князя Лазаря, и затем перейдем к более поздним. Среди первых преобладают однонефные триконхи разных конфигураций, но есть даже два четырехстолпных храма. Среди более поздних построек триконхи уже не преобладают.

Церковь Введения Богородицы в Дренче²⁵⁴ плохо сохранилась и не имеет точной даты, но есть упоминания в документе 1382 г., где сказано, что церковь была перестроена Дорофеем и его сыном Даниилом, а до этого она была метохом Хиландара и известна как церковь Св. Стефана. Остается непонятно, была ли церковь сразу построена как триконх, или она получила эту форму в результате перестройки. Во всяком случае, и по своему географическому местоположению, и по трехконховому плану, и по специфическому декору с использованием каменной резьбы она должна относиться к ряду моравских построек.

Это небольшая и очень провинциальная постройка. Ее план грешит многими неправильностями. В целом он близок к квадрату, но восточная часть имеет трапециевидное расширение. Четыре квадратные в сечении

---

²⁵⁴ *Петковић В.*, 1951; *Здравковић*, 1951; *Вуловић Б.*, 1957/2; *Он же*, 1978; *Ристић*, 1996. С. 215.; *Гаврић, Ковачевић*, 2015

опоры поддерживают купол, без повышенных подпружных арок. К подкупольной зоне с севера и юга на всю высоту примыкают две экседры, открывающиеся в подкупольную зону. Все три апсиды триконха примыкают вровень со сводами рукавов креста. При этом между тремя конхами с востока вставлены два пастофория неправильной формы, напоминающие апсидиоли. Нартекса здесь не было, что выяснено археологически.

Церковь в Дренче построена в смешанной технике, скорее всего — под штукатурку. При этом все сохранившиеся оконницы богато украшены каменной резьбой с растительными и фигуративными мотивами, выполненными довольно грубо. Есть даже маски, напоминающие рашские храмы.

Хотя В. Ристич относит церковь в Дренче к середине XV в.²⁵⁵, вполне возможна более ранняя датировка 1382 г. или даже ранее (если трехконховый план появился до перестройки 1382 г.). Это возвращает нас к проблеме истоков Моравской школы и вопросу о ее нижней хронологической границе. Церковь в Дренче не похожа на основную линию моравских построек, связанных с придворным заказом и здесь нет оснований предполагать работу тех же мастеров. Значит ли это, что данную постройку следует связывать с находящимися не так далеко македонскими триконхами середины – третьей четверти XIV в.?

Еще один столь же проблематичный памятник — **Митрополия**²⁵⁶, находящаяся в долине Млавы, недалеко от церкви Благовещения и монастыря Горняк. Первоначальное посвящение и ктитор этой постройки неизвестны. В. Ристич широко датирует ее второй половиной XIV в. Митрополия входила в комплекс монастырских построек, бывших местопребыванием Браничевского митрополита. Церковь представляет

---

²⁵⁵ Ристич, 1996. С. 215.

²⁵⁶ Цуњак, 1982/1; Он же, 1982/2; Мадас, Гајић, 1983; Ристич, 1996. С. 222.

собой руину, сохранившуюся на высоту до 2,5 м на южной стороне; алтарная часть полностью уничтожена.

Митрополия — довольно крупный триконх, по размеру сопоставимый с Любостыней. Она очень сильно вытянута по оси восток-запад. Над средней частью наоса реконструируется купол. От опор остались лишь две нижние части с южной стороны, которые выглядят очень странно. Они находятся так близко друг к другу, что вместо подкупольного квадрата получается прямоугольник. Возникает впечатление, что здесь имели место какие-то позднейшие перестройки, или что исследователи приняли за нижние части двух южных опор какие-то другие элементы постройки. Обращает на себя внимание то, что эти предполагаемые части опор выложены из кирпича, тогда как вся церковь была построена из камня и оштукатурена. Во всяком случае, вопрос о наличии опор в этом храме требует прояснения. По плану и пропорциям это вполне мог быть обычный однефный триконх. Боковые конхи имеют полукруглые очертания снаружи и внутри. Чуть позднее был достроен экзонартекс с трехгранной западной стенкой.

Церковь **Богородицы в Лешье** упоминается ок. 1355 г. как задужбина некоего аристократа Вукослава, переданная ему Душаном²⁵⁷. Об основателе ничего не известно. Ок. 1360 г. церковь стала метохом Хиландара, как и многие другие аристократические задужбины этого времени. До начала 2000-х гг. памятник существовал в виде руины, которая не была археологически изучена. В последние годы на месте руины был построен новый храм, поэтому многие аспекты его строительной истории сейчас уже выяснить невозможно.

Постройка имеет характерный план. Это однефный триконх очень компактного вида, с разной конфигурацией алтарной и боковых конх. Алтарная конха представляет собой многогранную апсиду, боковые имеют

---

²⁵⁷ Ристић, 1996. С. 219.

полукруглые очертания. В плане этого храма есть одна интересная отличительная черта: жертвенник и диаконник устроены в толще восточной стены храма, при этом они открыты в пространство боковых конх. Странное расположение этих ниш заставляет задуматься об их назначении: они похожи на приделы. Было ли это первоначально так, или это результат перестройки? Восточная часть храма оказывается шире, чем западная. В результате есть восточная пара столпов, а с запада купол поддерживают выступы лопаток. При совсем крохотных размерах храма, ясно, что это — трансформация однонефного типа. С запада к подкупольному квадрату примыкает очень маленький внутренний нартекс, также выделенный лопатками. Были ли там захоронения — неизвестно. Внешнего нартекса у этого храма не было.

Есть и другие такие же маленькие, компактные триконхи, например — церкви **Св. Николы Извор и Лачислед**²⁵⁸. Обе имеют три полукруглые конхи. Такие же полукруглые конхи — в храмах Лепенац (возможно, 1360-е гг.), Липовац (возможно, 1360-е гг.), Св. Петка Извор (1370-е гг.)²⁵⁹. Полукруглые, а не многогранные конхи в таких провинциальных памятниках встречаются гораздо чаще, чем в княжеских и аристократических постройках.

В контексте нашего исследования очень интересен небольшой храм в **Липовце**. Существующая постройка, вероятно, относится 1360-м гг.; во всяком случае, она возведена не позднее последней четверти XIV в.²⁶⁰ Около 1399 г., на втором этапе строительных работ, к церкви был пристроен нартекс. В это время она стала монастырской и была

---

²⁵⁸ Ристић, 1996. С. 219, 229.

²⁵⁹ Ристић, 1996. С. 219, 220, 230.

²⁶⁰ Љубинковић, 1973/1; Ристић, 1996. С. 220; Цветковић, 1999; Поповић М., 2002; Ракоција, 2013. С. 12–14.

переосвящена в честь Преображения Господня. Первоначально храм был посвящен Св. Стефану.

Липовац тоже представляет собой маленький триконх с тремя круглыми конхами. Три конхи подступают к храму несимметрично. Восточная несколько понижена, боковые — вровень с подпружными арками в интерьере. Это важно, т.к. подчеркивается роль боковых конх для организации пространства в интерьере. Совсем небольшие размеры храма демонстрируют вытянутость пропорций центрального ядра, где высокий барабан купола поставлен на мощный постамент, без повышенных подпружных арок не встречаются в маленьких провинциальных постройках.

Липовац построен целиком из камня, практически без декора (возможно, была роспись по штукатурке). Единственный декоративный мотив — аркатура, наложенная на верх барабана. Барабан не имеет ступенчатой профилировки оконниц, которые представляют собой узкие, ничем не декорированные щели с четырех сторон, что дает лишь минимальные возможности для освещения храма. Есть еще одно совсем небольшое алтарное окошко без резьбы и два окошка на боковых апсидах, тоже ничем не оформленные.

Храм находится в небольшом укрепленном городище. Исследователи предполагали, что первоначально это была придворица кого-то из аристократов²⁶¹. Недавно проведенные археологические исследования внутри храма позволили выявить захоронения второй половины XIV в.: два детских и два взрослых, одно из них богато украшено. Т.о. ясно, что здесь были погребены светские лица из аристократической семьи. Примечательно место захоронения: оно находится в центральном подкупольном квадрате, на границе с южной и северной боковыми конхами²⁶². Интересно, что боковые конхи в толще

---

²⁶¹ Поповић М., 2002.

²⁶² Цветковић, 1999.

восточной стены имеют специфические ниши. Их глубина и высота не вызывают сомнения в их литургическом назначении.

Еще один небольшой однефный триконх — **Св. Петка Извор**, построенный в конце 1370-х гг.²⁶³ Храм имеет первоначальный внешний нартекс, слитый в единую композицию с наосом. В результате вытянутость по оси восток-запад делается весьма значительной. Полукруглые выступы боковых и центральной апсиды поднимаются на одинаковую высоту. Центральная часть храма увенчана широким постаментом и восьмигранным барабаном с куполом. Барабан украшен полуколонками на углах и аркатурой в завершении (верхняя часть барабана надложена позднее). Купольный нартекс с главой на световом барабане стилистически уподоблен основному храму. В XV–XVI в. с южной стороны нартекса был построен еще купольный придел.

Храм построен целиком из камня и оштукатурен. Сохранившиеся фрагменты росписи по штукатурке имитируют кладку из тесаного камня или облицовку мрамором. Фрагменты декора в виде резных каменных масок сейчас вставлены в кладку более поздних частей храма в виде споллий, а первоначально они, вероятно, украшали оконницы или порталы.

Всеми своими характерными особенностями, кроме боковых конх, эта постройка напоминает рашские храмы: вытянутость по оси восток-запад, полукружия апсид, наличие купольного нартекса, техника кладки под штукатурку, каменный резной декор в виде масок. Т.о. композиционные особенности и отдельные элементы стиля отличают эту постройку от других моравских, хотя триконховая схема здесь сохраняется.

В числе небольших, но значимых в художественном и историческом плане построек, не относящихся к магистральной линии, — **Церковь**

---

²⁶³ *Ристић*, 1996. С. 230.

Преображения монастыря Сысоевац²⁶⁴. Время и обстоятельства ее возведения неизвестны, она условно датируется 1370-ми годами или концом XIV в.²⁶⁵ Церковь находится на землях Бранковичей, на границе с владениями князя Лазаря (всего в нескольких км. от Раваницы). Название Сысоевац связано с именем монаха Сысоя — одного из сианитов, приглашенных князем Лазарем в моравские земли для возрождения монастырских традиций. Упоминания о монахе Сысое и монастыре Сысоевце есть в грамоте 1398 г. княгини Милицы, вдовы князя Лазаря. Из этой грамоты известно, что земли, на которых находился монастырь, уже входили во владения Стефана Лазаревича. Храм был обновлен, о чем свидетельствует надпись в нартексе над входом в храм, упоминающая в качестве ктитора Стефана Лазаревича. Видимо, в это время храм получает типичный для моравских построек нартекс.

Что касается первого этапа возведения церкви, то по своим формам и размерам она вполне напоминает аристократическую задужбину. В данном случае нет никаких оснований предполагать участие в строительстве храма княжеских мастеров.

Церковь представляет собой однефный одноглавый компактный триконх с тремя семигранными апсидами. Характерная вытянутость в плане и вертикальное развитие композиции в центральной части роднят эту церковь с другими моравскими храмами. Но в отличие от Лазарицы, Велучи, Наупары, Каленича и др., в этой постройке ступенчатость и вертикальная устремленность в организации композиции практически не выявлена. Центральное ядро представлено кубическим объемом подкупольного квадрата, к которому с юга и с севера вровень с подпружными арками присоединяются боковые конхи. На широком и

---

²⁶⁴ Вуловић Б., 1956; Ристић, 1996. С. 230; Михајловић, 1997; Стародубцев, 2011/1.

²⁶⁵ Ристић, 1996. С. 230 (датировка 1370-ми гг.); Михајловић, 1997. С. 7 (конец XIV в.); Стародубцев, 2011/1 С. 238-240 (ок. 1398–1399 гг.). Б. Тодич высказал предположение, что церковь в Сысоевце была возведена после Ресавы (Тодић, 1995. С. 48–49, 136–137, прим. 42, где резюмируется дискуссия по поводу датировки).

высоком постаменте барабана расположен высокий, большого диаметра купол с двенадцатигранным барабаном. Каждая грань прорезана щелевидным окном. С юга и севера узкие, не имеющие декора кокошники лишь акцентируют подпружные арки. С востока такой же кокошник завершает композицию над примыканием алтарной конхи. За счет укрупненных пропорций главы, достаточно высокой и широкой, верхняя и нижняя части здания почти уравновешены. Верх ненамного меньше, чем низ, высота барабана приближается к высоте основного объема. Это заметно отличает Сысоевац от других моравских храмов, обычно имеющих более вытянутые пропорции.

В интерьере подчеркнуто зальное пространство с ярким освещением. Боковые конхи очень широкие, что акцентирует развитие пространства не только по оси запад-восток, но и по оси север-юг. В целом пропорции здесь уравновешенные, вертикальное развитие композиции не акцентируется, повышенные подпружные арки не используются. Во всем архитектурном образе нет никакой экспрессии и динамики, но есть гармония и уравновешенность. Этим Сысоевац очень сильно отличается от всех моравских построек и близок византийской архитектуре. Однако этого нельзя сказать о строительной технике и декоре.

Здание целиком выложено из камня, возможно, под штукатурку (она не сохранилась). Декор соответствует технике кладки, и здесь совсем другая программа и стилистика, чем в большинстве моравских храмов. В верхнем регистре идет аркатура, опоясывающая храм со всех сторон и собирающая тело четверика в единую компактную композицию. Кроме того, в нижнем ярусе на прясла фасада наложена уплощенная аркатура, не соответствующая внутренним членениям. В композиции важным оказывается единство, слитность всех объемов, собранных еще на уровне высокого цоколя, на котором стоит храм.

Несмотря на то, что это не очень большой храм, его художественные особенности не позволяют называть его провинциальной постройкой. Но,

как и Липовац, Сысоевац нельзя отнести к числу построек княжеских мастеров, несмотря на то, что деспот Стефан был ктиторм на втором этапе строительства. В обоих случаях деспот Стефан пристроил нартекс к более ранним постройкам, но кто был их заказчиками и какие мастера их возводили, мы не знаем.

Церковь **Успения Богородицы в Витовнице** была построена до Косовской битвы как придворница в крепости с таким же названием, в 10 км от г. Петровца на р. Млаве, предположительно, в конце XIV в.²⁶⁶ Имя ктитора неизвестно.

Церковь представляет собой однефный триконх, с традиционным трехчастным делением на алтарь, центральный подкупольный квадрат и нартекс. Внешний притвор пристроен только в середине XIX в. Все апсиды снаружи и изнутри полукруглые. Купол на низком кубическом постаменте. Как и у всех моравских триконхов, у Витовницы есть небольшие кокошники на постаменте барабана. По своему силуэту и пропорциям она ничем не выделяется среди большинства однефных моравских триконхов. По композиции и декорации эта постройка довольно простая, хотя она не маленькая по размерам.

Церковь полностью выложена из камня, с небольшим количеством кирпича в верхних частях. Фасады были оштукатурены, потом расписаны. Заметно выделяется большая аркада в нижних частях храма, опоясывающая его со всех сторон. Она достаточно объемная, выложена из камня и кирпича. В завершении четверика в верхнем регистре идет фриз со слепой аркадой на консолях. Колонки украшают грани барабана. Однопролетные сводчатые окна расположены все на одном уровне, по одному на каждой из апсид. Наличие аркатуры и техника кладки из камня сближает эту постройку с Сысоевцем, хотя по другим параметрам они различаются.

---

²⁶⁶ *Ристић*, 1996. С. 212; Дероко, 1953. С. 203.

Витовница — одна из многих плохо датированных аристократических задужбин, которая не относится к числу построек князя Лазаря и его ближайшего окружения и явно вторична по отношению к ним.

Если провинциальные постройки эпохи второй половины XIV в. так или иначе приближаются к параметрам задужбин князя Лазаря и их круга, то в эпоху деспота Стефана соотношение меняется. Магистральная линия теперь представлена совсем небольшим числом построек, сознательно ориентированных на образцы эпохи князя Лазаря (Ресава, Каленич, Руденица, Павловац), а все остальные постройки оказываются очень разнообразны и по типологии, и по размеру, и по стилистике, и по технике. Во всем этом многообразии не получается создать какую-то стройную классификацию. Можно лишь обратить внимание на те моменты, которых не было раньше. Например, возвращается базиликальный тип, часто без купола или с башней над средокрестием. Появляется достаточное количество построек, не имеющих боковых конх. Триконх перестает быть доминирующим, определяющим архитектурное направление типом.

Единственной попыткой систематизировать постройки эпохи деспота Стефана была книга В. Ристича²⁶⁷. Он определяет их как постройки более молодого поколения в рамках моравской традиции и называет «позднеморавскими». Для того, чтобы как-то их классифицировать, исследователь предлагает деление по областям, в каждой из которых оказывается по несколько храмов: Крушевацкая область, Петрушская область, область Ресавы, область Браничева, Рудникская область, Брвеникская область, область Ясеницы, область Мачвы, Белградская область. При всей странности такой ситуации, иначе систематизировать весь этот очень разнородный материал невозможно. В. Ристич не пытается выявить произведения каких-то строительных

---

²⁶⁷ Ристич, 1996. С. 175–203.

артелей, найти типологическую или стилистическую общность, поскольку все постройки очень разные и, как правило, недатированные. Поэтому и датировки даются предположительно, в пределах нескольких десятилетий.

С нашей точки зрения, примечателен тот факт, что многие из этих построек уже не имеют ничего общего с тем, что принято считать моравской школой. Рассмотрим для примера некоторые церкви в районе Рудника, Брвеника и Белграда.

В районе Рудника сохранилось несколько достаточно крупных построек. Это единственный случай, когда между ними имеется некая общность. В. Ристич выделяет две особенности построек этой области²⁶⁸. Во-первых, ни одна из них не является триконхом. Во-вторых, все они построены из камня, который использован и для декора фасадов. Самым распространенным декоративным мотивом становится либо аркатура из слепых арок, опоясывающая храм в верхних частях, либо различные варианты уплощенных аркад, наложенных на стены храма.

К числу наиболее интересных построек Рудникской области относится датируемая временем до 1392 г. церковь в селе **Рамача**²⁶⁹. Это одноглавый однефный храм, не триконх, без притвора. Несмотря на свои небольшие размеры, церковь выглядит вполне монументально. По своему силуэту, особенно по подъему центральной части Рамача очень напоминает рашские храмы. Постамент под главой в центральной части выделен, узкий стройный многогранный барабан не имеет каких-либо украшений. В декоре и членениях отсутствует дробность, напротив, облик храма определен вертикальным устремлением всей композиции без ступенчато повышенных сводов и ярусных построений. Центральные прясла фасадов завершаются треугольными щипцами, что также привносит вертикальный акцент и напоминает о рашских традициях. С

---

²⁶⁸ Ристич, 1996. С. 190–195.

²⁶⁹ Михаиловић, 1956; Кнежевић, 1968; Ристич, 1996. С. 81.

востока высоко поднимается одна стройная апсида. Продольные фасады храма с севера и с юга украшены тройной уплощенной аркадой, что еще более подчеркивает повышение центральной части относительно боковых компартиментов.

В интерьере храм имеет совсем небольшое, узкое пространство с глубокими выступами лопаток, несущих купол. Освещение концентрируется в подкупольном квадрате. Четко прослеживается трехчастное деление интерьера на алтарную часть, наос, равный подкупольному квадрату и узкий нартекс, заполненный ктиторскими композициями (относительно датировки живописи высказывались разные мнения)²⁷⁰.

Отсутствие декора и строгость оформления (вероятно, планировалась штукатурка, хотя никаких ее следов не сохранилось) сильно отличает Рамачу от Моравских храмов конца XIV в. По стилистике она ближе к Ресаве, хотя типология храма другая, здесь та же строгость и утонченность, акцентированная вертикальная составляющая.

Церковь в селе **Врачевшница** построил великий челник Радич до 1428–1429 г.²⁷¹ Это базилика, очень сильно вытянутая по оси восток-запад, с одной многогранной апсидой на востоке. Глава имеется только над башней нартекса, у нее многогранный барабан на трюпах.

И план, и общая стилистика постройки очень напоминает рашские образцы. Храм облицован тесаным камнем. Уплощенная аркатура на консольках опоясывает фасады храма со всех сторон в два ряда. Верхняя лента аркатуры — с арочками меньшего диаметра, нижняя — с более крупными арками разного диаметра. Профили цоколя и карнизов многоуступчатые, верхний прямой профилированный карниз имеет

---

²⁷⁰ Г. Бабич, В. Джурич и другие исследователи относят росписи к 1390-м гг. (*Бабич*, 1979; *Джурич*, 2000. С. 288–290, 433, прим. 133), тогда как Т. Стародубцев датирует их XVI в. (*Стародубцев*, 2011/2).

²⁷¹ *Петровић П.*, 1967; *Станић*, 1980; *Ристић*, 1996. С. 213; *Ћурчић*, 2010. Р. 681.

мощный вынос. Завершения венцов окон сделаны в виде характерной готической стрельчатой арки.

Внешний облик постройки не позволяет понять структуру интерьера. После башни над внешним нартеком идет большой, почти квадратный внутренний нартекс, четко отделенный от наоса невысоким порталом. Наос и алтарная часть составляют еще один, несколько более вытянутый объем. Внутренний нартекс и наос перекрыты цилиндрическим сводом. Алтарная преграда архитектурно выделена лопатками, которые хорошо читаются и в плане, и в интерьере. Такое архитектурное выделение алтарной части было свойственно для рашских храмов, но не для моравских. Жертвенник и диаконник традиционно устроены в нишах в толще восточной стены. При всей явно западной стилистике оформления церкви, у нее многогранная апсида, полукружием открывающаяся во внутреннее пространство. Не имеющие орнаментов, но тонко профилированные капители лопаток в интерьере, а также характерные очертания окон и проемов явно имеют западноевропейское происхождение. Такие элементы, как и ранее, проникают на эти территории опосредованно через приморских мастеров.

Среди рудникских церквей конца XIV – начала XV в. очень много таких, которые представляют собой небольшие однонефные постройки с полукруглыми апсидами без купола: Мрнина црква, Благовещение Рудничко, Црквина и др. В. Ристич предполагал, что они могли появиться под влиянием более древних рашских церквей такого типа на этих же территориях²⁷². Чаще всего к ним позднее доставивали квадратные в плане притворы. В этих храмах присутствуют только очень скромные декоративные элементы — пара пилястр, членящих фасад, или мотив слепой аркады. В. Ристич считает эти элементарные декоративные элементы признаками принадлежности к моравской архитектуре.

---

²⁷² Ристич, 1996. С. 194.

В первой половине XV в. бывшие рашские области тоже входят в состав деспотовины, как, например, область Брвеника. В этой области строятся однонефные церкви, очень похожие на такие же маленькие церкви в Рудникской области. Например, **церковь св. Николая в Палеже**²⁷³ (кон. XIV в.) похожа на Петковицу. Согласно В. Ристичу, это сходство может объясняться ориентацией на рашские образцы. Это однонефные, перекрытые цилиндрическим сводом, маленькие и очень простые постройки. Среди них нет триконхов. Все они не имеют датировок и каких-либо характерных признаков, по которым их можно было бы датировать.

В Белградской области все задужбины, к которым имел отношение деспот Стефан, известны только из письменных источников²⁷⁴. Так, в Белградском музее хранится плита с надписью, свидетельствующей об обновлении митрополичей церкви **Успения Богородицы в Белграде**²⁷⁵. Поздние изобразительные источники позволяют предположить, что церковь была в нижнем городе Белградской крепости.

Другой значимой постройкой в окрестностях Белграда была церковь **монастыря Винче**, план которой попробовал реконструировать Любинкович на основе незначительных археологических данных²⁷⁶.

Кроме того, недалеко от Белграда есть маленький **триконх рядом с церковью Милослочина под Обреновцем**²⁷⁷. От него сохранились лишь остатки на археологическом уровне. Насколько можно по ним судить, эта церковь имела трехгранные апсиды, при этом скорее всего она была без купола, с одновременно построенным притвором и дополнительным внешним деревянным нартексом.

---

²⁷³ Павић-Баста, 1975; Радуловић, 1989. С. 63–64, 67; Ристић, 1996. С. 224.

²⁷⁴ Ристић, 1996. С. 198, прим. 119.

²⁷⁵ Поповић М., 1979; Ристић, 1996. С. 198, 222.

²⁷⁶ Ристић, 1996. С. 212.

²⁷⁷ Ристић, 1996. С. 221.

В районе **монастыря Кастальян** есть небольшая однефная каменная постройка, которая может быть отнесена к периоду деспотовины²⁷⁸. Она изначально была задумана без купола и имеет довольно сильно вытянутый план. Согласно Марьянович-Вуйович²⁷⁹, такой план церкви указывает на влияние рашской школы. Возможно, что такой план церковь получила еще в XIV в., но во время обновления при деспоте Стефане она была перестроена в однефный храм с куполом, вполне типичный для моравских построек, только без боковых конх.

Похожий план имела **церковь монастыря Тресия** у подножия Космая²⁸⁰. Постройка имела трехгранную апсиду, от украшения остался фрагмент резной розетки. Притвор был достроен позднее. Церковь монастыря Тресия тоже можно причислить к маленьким и скромным однефным постройкам эпохи деспота Стефана.

Такая скудость материальных данных говорит о том, что в первой половине XV в. в Белградской области не было возможностей для крупного церковного строительства. С нашей точки зрения, нет никаких оснований для включения этих и подобным им построек в круг моравской архитектуры.

Итак, для большинства провинциальных моравских построек второй половины XIV – первой половины XV в. нет достаточных исторических сведений и точных датировок. Многие из них плохо сохранились, либо на уровне археологии, либо с поздними перестройками. Все они весьма разнообразны по своим размерам, типам, стилистике и технике. Едва ли не единственным объединяющим моментом для них оказывается наличие триконховой схемы во второй половине XIV в., но и это становится необязательным в первой половине XV в. В. Ристич, прекрасно знавший и

---

²⁷⁸ Ристич, 1996. С. 217.

²⁷⁹ Марьянович-Вуйович, 1980.

²⁸⁰ Јовановић К., 1909; Ристич, 1996. С. 232.

археологический, и фактологический материал XIV–XV вв., довел число построек, относимых им к моравскому периоду, до 88²⁸¹. На наш взгляд, значительная доля из них все же введена в этот круг без достаточных оснований. Многие провинциальные памятники нуждаются в дальнейших исследованиях, и пока предложенные В. Ристичем классификация и датировки на основе пропорциональных соотношений не могут быть приняты безоговорочно.

2.3.4. Важнейшие особенности архитектуры моравского периода и спорные вопросы в ее изучении

В представлении Г. Милле, после рыхлой и разнородной «сербско-византийской школы» и лакуны в период распада Душановой империи, архитектура «моравской школы» начинается как бы с чистого листа на новых территориях и выглядит как явление гораздо более цельное. Есть определенные географические и хронологические рамки, привязанные к политическим реалиям, начиная с воцарения князя Лазаря и до османского завоевания. Милле уверенно определяет яркие особенности «моравской школы», которые, по его мнению, являются объединяющим началом, и иллюстрирует их небольшим рядом памятников, которые он располагает в неверной хронологической последовательности. Несмотря на недостаточное количество памятников и ошибочную их датировку, Г. Милле, по нашему мнению, был прав в том, что связал однонефные постройки этого периода с предшествующей сербской традицией, а четырехстолпные — с византийской.

Но, как мы показали в первой главе, проблематичность такого видения «моравской школы» стала очевидной во второй половине XX в., после того, как было выявлено еще несколько десятков памятников, не вписывающихся в эту картину. Спорными вопросами оказывается и

---

²⁸¹ Ристич, 1996. С. 235–246.

хронология развития архитектуры всего этого периода, и происхождение моравского типа храма, и его соотношение с византийскими и сербскими традициями. В последние пятьдесят лет были предложены различные варианты решения этих вопросов.

Что же объединяет группу церквей второй половины XIV – первой половины XV в. в бассейне рек Великая, Западная и Южная Морава. Можно ли их называть «школой»? По нашему мнению, введенный Г. Милле термин «моравская школа», до сих пор используемый в научной литературе, не может применяться к этой группе памятников, поскольку в ней обнаруживается слишком большое типологическое и стилистическое разнообразие. В отличие от рашского или сербско-византийского периодов, в это время действительно можно предполагать работу одной или нескольких артелей, связанных с княжеским двором. Попытку продвинуться в этом вопросе и изучить конкретные строительные приемы в ряде построек предпринял С. Ненадович²⁸². Однако ему не удалось внести определенность в проблему существования артелей, соответствующих понятию «архитектурная школа» в моравский период. На данный момент не представляется возможным проследить в деталях деятельность этих мастерских, поэтому мы ограничиваемся лишь некоторыми предположениями, которые требуют тщательной проверки и дальнейших исследований.

Можно предположить, что несколько построек эпохи князя Лазаря были возведены его придворной мастерской. Близость техники и стилистических особенностей таких памятников как Лазарица, Раваница, Велуча, возможно Любостыня (как один из самых поздних) дает возможность рассматривать их как некую единую группу. Но в то же самое время и в связи с тем же заказчиком — князем Лазарем — мы находим

---

²⁸² *Ненадовић, 2003.*

такие постройки как Наупара, Горняк и Витовница, в которых при достаточном типологическом сходстве плана используется совсем иная техника кладки, с доминированием камня. Они различаются и по композиционным решениям. Кроме того, в Витовнице и Горняке почти полностью отсутствует декор. Такая разница может быть объяснена либо тем, что здесь работала другая артель, либо та же группа мастеров могла быть направлена князем Лазарем, но построила эти храмы в несколько упрощенном варианте, учитывая пожелания и возможности ктиторов ниже рангом.

Придворная артель могла продолжать свою работу и при Стефане Лазаревиче, и со сменой поколений преемственность могла сохраняться. В пользу этого свидетельствуют типологическое сходство планов, во многом близкий масштаб построек, пропорции, принципы развития объемно-пространственной композиции, конструктивные особенности (в т.ч. такая специфическая черта как повышенные подпружные арки, опирающиеся на изящные консоли в однефных храмах). Декор буквально нигде не повторяется, но это можно объяснить стремлением разнообразить приемы.

Однако это может относиться только к десятку княжеских и самых известных аристократических задужбин. Если же расширить этот круг (напомним, что по В. Ристичу построек моравского периода 88), то даже не считая спорные с точки зрения атрибуции и датировки церкви, останется слишком много построек, чтобы приписывать их все одной артели. Несомненно, помимо княжеской артели были и другие мастера.

Различия между церквями первой половины XV в. уже очень существенные. Если в последней четверти XIV в. – начале XV в. строятся только триконхи, то этого нельзя сказать об эпохе Стефана Лазаревича. Возводится довольно много однефных храмов, напоминающих постройки рашского типа: Йошаница, Копорин, Рамача, Словац, Тресье,

Шаторнья, Славковица²⁸³. Среди однонефных появляются даже церкви без куполов: Врачевшница, Благовещение Рудничко, Богородица Пречиста, Брезовац, церковь в городище Град Борач, Йовча, Мрнина, Палеж, Томич, Св. Петка Забрега²⁸⁴. По стилю и технике они все тоже сильно различаются. В основном, это очень маленькие и простые постройки, в которых нет никаких признаков работы княжеской артели. Т.е. их можно объединять географически и хронологически, отнести к моравскому периоду, но не школе.

Таким образом, можно предположить, что лучшие храмы моравского периода были построены княжеской артелью, но помимо нее были и другие мастера, что объясняет стилистическое разнообразие. Если все же использовать понятие «моравская школа», то его можно относить только к небольшому количеству эталонных построек, которые можно приписать этой предполагаемой придворной артели. Все остальные под понятие «школа» не попадают, и в их изучении остается немало проблем.

В том, что касается уточнения периодизации истории моравской архитектуры, мы не можем согласиться с теми исследователями, которые называли первыми ее примерами Раваницу или Лазарицу (Б. Вулович, В. Корач, И. Стевович и др.)²⁸⁵. Возможность отнести целый ряд построек к третьей четверти XIV в. представляется нам более реальной. Учитывая, что наиболее ранние даты, предлагавшиеся для Лазарицы и Раваницы — 1374–1375 и 1377 гг., получается, что вся архитектура первого периода «моравской школы» должна поместиться всего в полтора десятилетия до смерти князя Лазаря в 1389 г. В этот краткий период должны были построить десятки храмов: не только многочисленные княжеские и аристократические задужбины, но и другие постройки, ориентированные

---

²⁸³ Ристич, 1996. С. 216, 218, 221, 226, 231–234.

²⁸⁴ Там же. С. 210, 211, 213, 214, 216, 222, 224, 230, 232.

²⁸⁵ Вулович Б., 1966. С. 10–21; Корач, 1987/6. С. 139–144; Стевович, 2006/1. С. 37–46, 54–55.

на эти образцы. Однако трудно себе представить, чтобы в условиях перенесения политической активности на моравские территории уже в 60-ые годы XIV в. и закрепления ведущей роли за этим новым центром уже в 1371 году после разгрома империи Уроша V в битве при Марице, когда за верховную власть боролись несколько крупных аристократических родов (помимо Хребеляновичей, в этой борьбе участвовали Бранковичи, Алтомановичи, Црепы и др.), до 1374 года не было построено ни одной задужбины.

Поэтому в вопросе о начальном этапе развития моравской архитектуры мы присоединяемся к мнению таких авторов как В. Ристич и С. Чурчич, которые считают, что появлению яркой группы построек эпохи князя Лазаря предшествовал некий подготовительный период. Нам кажется целесообразным выделять в особую группу постройки, которые могут быть отнесены к третьей четверти XIV в.: Дренча, Лешье, Лачислед, Лепенац, Липовац, Св. Петка Извор, Намасия, Милентия, Св. Никола Извор²⁸⁶. Эти небольшие триконхи совсем не похожи на Лазарицу или Раваницу. Кроме того, есть целый ряд памятников, которые могут относиться к первым годам правления князя Лазаря: Наупара (со спорной датой), Велуча (вероятно, до 1373–1375), возможно, Сысоевац²⁸⁷. В. Ристич предлагал выделить особый ранний моравский период, к которому он причислил немалое количество построек, возведенных, по его мнению (не всегда достаточно обособанному), до Лазарицы и Раваницы²⁸⁸. Учитывая проблематичность датировок и отсутствие сведений об обстоятельствах строительства этих храмов, нам не представляется возможным с уверенностью выделить такую особую группу. Но во всяком случае, мы все же не можем считать ктиторскую деятельность князя Лазаря начальной точкой развития архитектуры моравского периода. Также мы не можем

---

²⁸⁶ См. с. 112–117, прим. 253–262

²⁸⁷ См. с. 88–91, 117–119, прим. 216, 222, 263.

²⁸⁸ *Ристич*, 1996. С. 27–29, 37–46.

утверждать, что первые триконхи появляются именно в задужбинах Лазаря, в чем мы согласны с Дж. Стричевичем и В. Ристичем²⁸⁹.

Постройки эпохи князя Лазаря и десятилетия после его смерти достаточно четко выделяются в цельную группу. Совершенно очевидно, что все основные художественные особенности моравской архитектуры наиболее ярко раскрываются именно в них. При этом типология триконха становится не менее значимым аспектом в определении понятия «моравская архитектура», нежели стилистические параметры. Поэтому эту группу, вероятно, следует считать следующим и важнейшим этапом развития архитектуры Моравского периода. На этом этапе мы видим наличие довольно четкой программы, обуславливающей большую степень типологического и стилистического единства построек эпохи князя Лазаря. В дальнейшем, в эпоху деспота Стефана и его преемников, эта программа постепенно размывается и растворяется в множестве мелких локальных проявлений.

Таким образом, в развитии архитектуры на моравских землях можно выделить подготовительный этап (третья четверть XIV в.) и два основных: эпоха князя Лазаря и десятилетие после его смерти (последняя четверть XIV в.) и эпоха деспота Стефана и его преемников (первая половина XV в.).

Вопрос об истоках моравской архитектуры — один из самых трудных и интересных. Невозможно представить себе, что Лазарица или Раваница могли появиться словно ниоткуда. С другой стороны, такое сложное и многогранное явление как моравская архитектура вряд ли можно свести к какому-либо одному источнику, который бы полностью объяснил ее происхождение²⁹⁰.

Так, Б. Вулович считал создателем моравской школы самого князя Лазаря, а его первой и важнейшей постройкой — храм Вознесения в

---

²⁸⁹ Стричевич, 1956; Ристић, 1996. С. 37–38.

²⁹⁰ Мальцева, 2013.

Раванице, ставший отправной точкой для всего дальнейшего процесса²⁹¹. Исследователь полагал, что в строительстве Раваницы князь Лазарь ориентировался на четырехстолпные постройки эпохи Милутина, такие как Богородица Левишка в Призрене, Старо-Нагоричино, Грачаница и особенно кафоликон Хиландара²⁹². Последний имел еще и боковые конхи, что, по мнению Б. Вуловича, и было перенесено князем Лазарем с Афона на моравские земли.

С нашей точки зрения, идея о том, что истоки моравских храмов лежат в памятниках эпохи краля Милутина (которые, в свою очередь, ориентированы на византийские церкви Салоник), не может быть принята. Б. Вулович сравнивал, прежде всего, планы построек. Но планы церквей Богородицы Левишки и Старо-Нагоричино восходят к византийским базиликам XI в., перестроенным при Милутине. Грачаница, как мы старались показать в предыдущем разделе, — это особенный памятник, который скорее демонстрирует яркое своеобразие сербской архитектуры и творческую переработку византийской традиции. При этом наиболее узнаваемых, ярких архитектурных особенностей Грачаницы, таких как башнеобразная композиция и повышенные подпружные арки, в Раванице нет. И в Грачанице, и в Раванице, в отличие от салоницких пятикупольных храмов рубежа XIII–XIV вв., дополнительные главы стоят над углами наоса, а не обходных галерей, которых здесь нет. При этом в двух сербских храмах пятиглавие трактовано по-разному. В отличие от динамичной композиции Грачаницы, в Раванице пятиглавие гармоничное, композиционно выверенное, интересно обыгранное, поскольку воспринимается по-разному с разных точек зрения. Протяженные боковые фасады подчеркивают уравновешенность и горизонтальное развитие композиции, дополненное горизонтальными тягами на фасадах. Восточный и западный фасады, напротив, выявляют вертикальную,

---

²⁹¹ Вуловић Б., 1966. С. 10–21.

²⁹² Вуловић Б., 1972.

пирамидальную композицию повышающихся объемов боковых и центральной главы. Кроме пятиглавия, другим общим моментом для храмов эпохи князя Лазаря и краля Милутина Вулович называл усиление декоративного начала. С нашей точки зрения, как и в случае с пятиглавием, это сходство имеет слишком общий, условный характер и не доказывает, что именно образцы эпохи Милутина вдохновили князя Лазаря на создание нового типа храма.

Концепция происхождения моравской архитектуры, созданная В. Корачем, несколько отличается²⁹³. С его точки зрения, это, безусловно, масштабное явление, которое возникает в эпоху князя Лазаря, когда для развития архитектуры снова появились благоприятные условия — объединение земель под сильной центральной властью, относительное экономическое благополучие, примирение с Византией и Константинопольским патриархатом. Как и Б. Вулович, роль самого князя Лазаря В. Корач тоже был склонен считать определяющей. В качестве наиболее репрезентативных памятников моравской архитектуры он называет именно княжеские задужбины, а в качестве их возможного образца — церковь Архангелов под Призреном²⁹⁴. Учитывая происхождение князя Лазаря из среды придворной аристократии Душана, Корач полагает, что именно его задужбину воспроизводят храмы следующего поколения, построенные уже на других территориях.

Соглашаясь с мнением В. Корача о том, что именно в эпоху князя Лазаря возникли благоприятные условия для нового расцвета архитектуры, и что роль самого князя в храмовом строительстве была очень существенной, мы все же не видим достаточных оснований для выведения моравской школы из такого образца как церковь Архангелов. Как показал наш обзор предшествующих этапов развития сербского зодчества, роль

---

²⁹³ *Korañ*, 1969; *Korać*, 1972; *Korañ*, 1987/6; *Korañ*, 2006.

²⁹⁴ *Korañ*, 1987/6; *Korañ*, 1998.

значимых образцов в нем действительно была достаточно велика. При этом воспроизводились именно наиболее узнаваемые черты архитектурного образа, а не какие-то отдельные детали. Однако те черты сходства, на которые указывает Корач, не кажутся нам достаточным обоснованием этой идеи: это план церкви Архангелов — слегка вытянутой четырехстолпной постройки, а также горизонтальные карнизы, предположительно, украшавшие ее фасады и затем появляющиеся в Раванице²⁹⁵. Напомним, что церковь Свв. Архангелов была разрушена еще в Средние века, и по найденным в раскопках обломкам карнизов и других декоративных элементов полностью реконструировать ее декор невозможно. При этом Душанова задужбина построена из камня, а Раваница возведена в смешанной технике, и во всем остальном элементы декора в этих двух храмах различаются: в первом храме использована мраморная облицовка, резьба по камню и мозаики, во втором — разнообразные кирпичные орнаменты и полихромная роспись фасадов. Мысль В. Корача о заимствовании для моравских построек плана именно церкви Свв. Архангелов тоже не кажется нам обоснованной. Мы имели возможность убедиться, что слегка вытянутые четырехстолпные постройки с тремя гранеными апсидами в XIV в. были достаточно широко распространены в косовско-македонском регионе, и ничего специфического в этом отношении задужбина Душана собой не представляет.

С другой стороны, Раваница и другие моравские постройки имеют очень важную особенность в плане, которая отсутствует в церкви Архангелов: это боковые конхи. Между тем, именно эту особенность В. Корач предлагает как бы вынести за скобки при рассмотрении генезиса и специфики архитектуры моравского периода. Напомним, что исследователь не считал нужным объяснять эту особенность чем-либо иным, кроме влияния архитектуры афонских храмов, которое, по его

---

²⁹⁵ Корач, 1987/6. С. 141–142.

мнению, могло иметь место именно в это время благодаря деятельности старца Исаии и в целом в русле церковной политики князя Лазаря, нацеленной на примирение с Константинопольским патриархатом и возрождение монашества²⁹⁶. На это можно возразить, что связи Сербии с Афоном были весьма прочными и в рашский период, однако это не привело к появлению триконхов. С другой стороны, есть достаточно веские основания полагать, что первые триконхи в XIV в. строятся и на косовско-метохийских, и на моравских землях задолго до князя Лазаря. Все эти обстоятельства требуют пересмотра вопроса о причинах утверждения новой типологии в архитектуре моравского периода. Мы вернемся к этому вопросу в третьей главе нашего исследования.

Мы согласны с В. Корачем в том, что архитектура моравского периода представляет собой яркое и масштабное явление, и что в ней очень сильна византизирующая составляющая, во всяком случае, в эпоху князя Лазаря. Однако, на наш взгляд, значение регионального своеобразия этого явления также очень велико, как и роль архитектуры всего предшествующего периода в формировании специфических черт моравского зодчества.

И. Стевович присоединяется к мнению В. Корача о том, что такое масштабное явление как моравская школа исключает провинциальность, и изучать его следует на примере выдающихся памятников²⁹⁷. Менее значительные и менее выразительные с художественной точки зрения памятники, которые были выявлены и добавлены к ряду моравских после археологических и реставрационных работ середины — второй половины XX в. и часто представляют собой плохо сохранившиеся и недатированные здания, Стевович рассматривает как второстепенные, подражающие главной линии княжеского заказа и не определяющие моравскую

---

²⁹⁶ *Кораћ*, 1987/6. С. 133, 136.

²⁹⁷ *Стевовић*, 2006/1. С. 37–42, 55.

архитектуру как явление. Типологические и стилистические особенности моравских храмов Стевович предложил напрямую рассматривать в контексте византийской архитектуры, не выделяя в них какой-либо региональной или национальной специфики²⁹⁸. Он считает, что их изучение обогащает картину поздневизантийской архитектуры, от которой так мало сохранилось, что мы даже не можем четко себе представить все региональные варианты (достаточно напомнить, как мало сохранилось памятников этого периода в столице — Константинополе). Моравская школа — просто один из этих вариантов, наряду с Эпиром, Салониками, Афоном, Пелопоннесом, Несебром и другими центрами. Выдвигая такую концепцию, И. Стевович обосновывает ее на примере лишь одного памятника — храма Введения Богородицы в Калениче, действительно очень ярко представляющего все основные архитектурно-типологические и декоративные особенности моравской традиции²⁹⁹. При этом каждую из этих особенностей исследователь стремится вывести из архитектуры Византии, будто ничего нового и своеобразного по сравнению с ней ни в Калениче, ни в других моравских постройках нет.

Мы не можем с этим согласиться. Однако для того, чтобы показать, в чем именно состоит региональное своеобразие сербской архитектуры моравского периода, нам необходимо остановиться на проблеме, которую обозначает, но не разбирает подробно И. Стевович. В чем именно проявлялось региональное своеобразие различных вариантов поздневизантийской традиции?³⁰⁰ Каковы хотя бы самые общие типологические и стилистические особенности построек Эпира, Салоник, Афона, Мистры, Несебра? И как соотносится с этим моравская

---

²⁹⁸ Стевовић, 2006/2. С. 237–239.

²⁹⁹ Стевовић, 2006/1.

³⁰⁰ Этому вопросу было посвящено несколько специальных работ, на которые мы опираемся в нашем очень кратком обзоре: Bouras, 1989; Ćurčić, 1989; Ousterhout, 1991.

архитектура? Можно ли действительно объяснить важнейшие особенности этих построек влиянием византийской традиции?

В Эпире, сохранившем независимость после захвата Константинополя крестоносцами, на протяжении XIII в. сформировался целый ряд устойчивых особенностей в архитектуре³⁰¹. Здесь преобладают трехнефные базилики, часто — с повышенным трансептом. Нефы обычно перекрыты сводами (центральный неф — цилиндрическим, боковые — купольными), их поддерживают колонны или круглые в сечении опоры. Характерно специфическое решение апсид: три трехгранные апсиды имеют почти одинаковый вынос, при этом средняя грань очень широкая. В дальнейшем, при появлении храмов других типов, особая конфигурация алтаря остается (например, церковь Паригоритиссы в Арте). В декоре эпирских церквей часто используются маленькие неглубокие ниши, каменная резьба в сочетании с разнообразными кирпичными орнаментами и особенно много керамических вставок. При всей своей укорененности в византийской традиции, это несомненно особый региональный вариант, не похожий на другие. Однако с переходом Эпирского деспотата под власть Византии в 1337 г. развитие этой региональной традиции практически прекращается.

Важнейшие памятники поздневизантийской архитектуры в Константинополе, отвоеванном у латинян в 1261 г., относятся к периоду правления Андроника II Палеолога (1282–1328). В это время новые пристройки появляются в монастырях Липса, Паммакаристос, Хора, Килисе-джами³⁰². В этих постройках наиболее ярко проявляются характерные черты столичной архитектуры раннепалеологовского периода: смешанная кладка с использованием камня и кирпича; богатые и разнообразные кирпичные орнаменты; мотив накладной аркады,

---

³⁰¹ *Μπούρας*, 2001. Σ. 175–182; *Παπαδοπούλου*, 2002; *Trkulja*, 2004. Ρ. 138–140; *Ćurčić*, 2010. Ρ. 562–570.

³⁰² *Ousterhout*, 1987; *Id.*, 1991; *Ćurčić*, 1989. Ρ. 66–67; *Id.*, 2010. Ρ. 528–544; *Trkulja*, 2004. Ρ. 150–155.

украшающей фасады; неглубокие ниши на апсидах и по сторонам от входа и др. Характеризуя столичную палеологовскую архитектуру в целом, Р. Остерхут отмечает многообразие в планах и объемно-пространственных композициях построек, а также разделяет стиль и технику³⁰³. После 1330-х гг. строительная активность в столице, как кажется, затухает. Преемственность от раннепалеологовской константинопольской архитектуры прослеживается на уровне строительной техники и конкретных декоративных мотивов лишь в нескольких более поздних постройках. Это экзонартекс парекклесиона монастыря Паммакарistos, вероятно, достроенный во второй четверти XIV в., а также ряд раннеосманских построек Вифинии, уже завоеванной в это время турками³⁰⁴. Во всех остальных случаях можно говорить только о более или менее сильном влиянии столичного раннепалеологовского стиля. Безусловно, оно присутствует в более поздних постройках Константинополя, которых сохранилось всего две: Текфур-сарай (возможно, после середины XIV в.?), и церковь бенедиктинского монастыря в Пере (1427 г.). При этом в обеих постройках есть существенные технические и стилистические отличия, свидетельствующие об участии в их возведении западных мастеров. Насколько можно судить по сохранившимся памятникам и косвенным признакам, архитектура Константинополя в последнее столетие существования Византийской империи, как кажется, постепенно приходила в упадок³⁰⁵. Однако, учитывая недостаточную археологическую изученность Константинополя и его окрестностей, делать окончательные выводы было бы преждевременно.

Специфика афонских церквей проявляется, прежде всего, на уровне планировочных решений. Здесь еще с X–XI в. утвердился т.н. «афонский

---

³⁰³ Ousterhout, 1991. P. 76.

³⁰⁴ Ibid. P. 77, 84–90.

³⁰⁵ Ibid. P. 76, 90–91.

тип» крестово-купольного триконха на четырех опорах³⁰⁶. Наос фланкируют боковые конхи, которые визуально расширяют центральное пространство, при этом широко расставленные скругленные опоры делают боковые нефы очень узкими. Есть и целый ряд изменений в объемно-пространственной композиции храмов, обусловленный чисто функциональными причинами, например, развитая алтарная часть с дополнительной ячейкой с востока и специфические решения западной части с большими экзонартексами, фланкированными купольными приделами. «Афонский тип» продолжали воспроизводить и позднее³⁰⁷. В начале XIV в., ориентируясь на древние образцы, король Милутин строит новый кафоликон Хиландара, о котором уже говорилось выше³⁰⁸. В 1363 г. был возведен кафоликон монастыря Пантократора, значительно меньший по размерам и отличающийся некоторыми композиционными особенностями³⁰⁹. Остальные сохранившиеся храмы «афонского типа» относятся уже к поствизантийскому периоду, хотя, возможно, некоторые из них воспроизводят формы более древних предшествующих построек³¹⁰. Таким образом, основные особенности «афонского типа» храма сложились задолго до XIV века, и во второй половине столетия активного развития архитектуры на Афоне не наблюдается.

Расцвет палеологовской архитектуры Салоник, как показал С. Чурчич, был очень ярким, но совсем кратким: конец XIII – первая четверть XIV в., когда строятся церкви Св. Пантелеимона, Св. Екатерины

---

³⁰⁶ Проблема определения «афонского типа» храма, его формирование, а также историография вопроса разбираются в статье С. Мамалукоса (*Mamaloukos*, 2011). Подробнее об этом пойдет речь в главе 3, см. с. 166–172.

³⁰⁷ Обзор храмов «афонского типа» был недавно предпринят в диссертации В. Мессиса (*Μέσσης*, 2010). О храмах XIV в. см.: *Ibid.* Т. А'. Σ. 122–128.

³⁰⁸ См. выше, с. 50, прим. 132.

³⁰⁹ Размер вимы увеличен гораздо больше, чем в остальных храмах афонского типа, в результате чего подкупольная часть и открывающиеся в нее боковые конхи сильно смещены к западу. См. *Μιλονας*, 2000. Вып. 3. Табл. 107.1; *Μέσσης*, 2010. Т. А'. Σ. 126. Т. Β'. Σ. 72–79, Σχ. 16–17, εικ. 15–16.

³¹⁰ *Μέσσης*, 2010. Σ. 122–128, 135–210.

(обе, вероятно, кон. XIII в.), Свв. Апостолов (1310–1314) и др.³¹¹ Совершенно очевидно, что это не провинциальная ветвь, а архитектурное направление, зависимое от столицы. Здесь базовый столичный тип крестово-купольного храма на четырех опорах в раннепалеологовский период получил специфическую интерпретацию: ядро окружается галереями, над углами которых в церквах Св. Екатерины и Свв. Апостолов появляются четыре дополнительные главы. Храмы обильно украшаются кирпичным орнаментом, без резных каменных вставок. Характерны наложенная аркатура на алтарных апсидах, профилированные плоские ниши и изящные полуколонки на апсидах и барабанах³¹². В третьей четверти XIV в. в Салониках возводится еще один крупный храм — церковь Пророка Илии, представляющая собой пятикупольный триконх с большим нартексом, имеющим дополнительные два купола, и открытым экзонартексом³¹³. Высказывалось мнение, что этот храм мог послужить прототипом для церквей Моравской школы³¹⁴. Однако при ближайшем рассмотрении выявляется достаточно много различий, которые не подтверждают это предположение. Церковь Пророка Илии в Салониках, как кажется, ориентирована на воспроизведение афонских образцов (это проявляется в объемно-пространственной композиции) и крупнейшего салоницкого храма предшествующего периода — церкви Свв. Апостолов, о чем свидетельствует воспроизведение декоративной системы этого храма³¹⁵.

В строительстве Мистры в палеологовский период наблюдается большое разнообразие в типологии построек³¹⁶. В том числе, появляются новые, весьма специфические их разновидности, например, трехнефные

³¹¹ *Ćurčić*, 1989; *Id.*, 2003; *Id.*, 2010. P. 549–559.

³¹² *Trkulja*, 2004. P. 141–147.

³¹³ *Papazotos*, 1991; *Μέσσης*, 2010. T. A'. Σ. 128–130. T. B'. Σ. 67–72. Σχ. 14–15, εικ. 13–14; *Tantsis*, 2012; *Ćurčić*, 2010. P. 555–557.

³¹⁴ *Покрышкин*, 1906. С. 6, 59–73. См. также: *Kyriakoudis*, 1997.

³¹⁵ *Μέσσης*, 2010. T. A'. Σ. 130; *Tantsis*, 2012. P. 189.

³¹⁶ *Bouras*, 1989; *Sinos*, 1999; *Μπούρας*, 2001. Σ. 194–197, 208–219; *Ćurčić*, 2010. P. 582–595.

многокупольные базилики с галереями. Ко второй половине XIV в. принадлежат два крупных храма: церковь Св. Софии и Богородицы Перивлепты. Обе представляют собой характерный для Пелопоннеса и некоторых других греческих областей особый вариант крестово-купольного храма на четырех опорах, где с востока купол опирается на выступы алтарных стен, а с запада — на пару колонн, довольно далеко отодвинутых от западной стены. К храмам часто пристраиваются асимметричные дополнительные помещения разного назначения, нередко с дополнительными куполами. Характерна кладка в технике клуазонне, в более скромных постройках используются необработанные камни. Артикуляция фасадов и апсид, как правило, отсутствует. Церкви обильно украшены кирпичным орнаментом, барабаны часто оформлены наложенной аркадой на консолях. В декоре нередко встречаются отдельные мотивы, заимствованные из западноевропейской готической архитектуры³¹⁷. При этом ни по объемно-пространственной композиции, ни по декору конкретного сходства с храмами моравской Сербии здесь не наблюдается.

Особенно интересно сравнить с моравскими постройками такой региональный вариант как архитектура Несебра³¹⁸, тем более, что и географически, и по времени создания наиболее ярких памятников они близки. В течение XIV в. Византия и Болгария попеременно владели Несебром, и присутствие здесь греческих строителей очень вероятно, хотя и локальная специфика проявляется очень ярко. Первое, что обращает на себя внимание, — необходимость такого же деления на однефные и четырехстолпные постройки, как и в архитектуре моравской Сербии. Вторая особенность, тоже на первый взгляд близкая моравским храмам, — исключительная нарядность храмов, разнообразие мотивов и элементов

---

³¹⁷ Bouras, 1989. P. 51–52.

³¹⁸ Рашинов, 1932; Ousterhout, 1991. P. 83–84; Trjulja, 2004. P. 155–159; Bakalova, 2006 (с полной библиографией); Ćurčić, 2010. P. 619–624.

декора. В Несебре во второй половине XIV в. строятся два изящные по пропорциям крестово-купольных храма на четырех колонках, с развитой вимой и тремя гранеными апсидами, как в Константинополе: церкви Пантократора и Св. Иоанна Алитургитоса. При этом в них есть целый ряд не византийских особенностей: обе церкви вытянуты в плане, над угловыми ячейками наоса сделаны купольные перекрытия, нартексы тоже имеют купола. Фасады перегружены декором, при этом артикуляция членений не совпадает с конструктивными моментами. Вместо полуколонок на фасадах часто используются пилястры, много горизонтальных тяг, что не характерно для Византии. Как и в моравских постройках, здесь обильно используются керамические вставки, лекальный кирпич, полихромия, однако и формы орнамента, и способы компоновки декоративных элементов на фасадах различаются. Создается ощущение, что и моравские, и несебрские церкви были ориентированы на некие общие образцы, которые и там, и там оказались интерпретированы несколько по-разному³¹⁹. Это заставляет вновь задуматься о роли Константинополя в развитии зодчества поздневизантийского периода.

Даже такой краткий обзор архитектуры других регионов поздневизантийского мира показывает, что в конце XIV – начале XV в. каких-либо активно развивающихся региональных традиций с ярко выраженной специфической стилистикой на Балканах уже не было, кроме Несебра. В Несебре, который создает впечатление цельной архитектурной школы, узнаваемая константинопольская основа получает неклассическую интерпретацию, затрагивающую не конструктивную, а декоративную сторону. Это отличает данное направление от моравской архитектуры, где,

---

³¹⁹ Остерхут видит в архитектуре Несебра прямое продолжение константинопольских традиций, в то время как постройки XIV в. в Македонии и Сербии он считает скорее произведениями местных артелей, ориентировавшихся на византийские (в т.ч. столичные) образцы, причем не столько современные им, сколько более старые (Ousterhout, 1991. P. 82–84).

напротив, удивляет стройность магистральной линии развития, которую отмечали все исследователи, и определенная подчиненность некой программе даже в тех случаях, когда стилистические и технические характеристики храмов сильно различаются. Теперь, имея возможность для сравнения сербской архитектуры второй половины XIV – первой половины XV в. с ситуацией в других частях византийского мира, мы можем сказать, что такое единство вряд ли могло быть обусловлено византийским происхождением моравских построек. Оно требует иного объяснения.

Есть еще одна серьезная причина, по которой мы не можем согласиться с точкой зрения И. Стевовича. Если считать сербскую архитектуру XIV–XV в. региональным направлением византийской, то тогда нужно как-то объяснить разнообразие и отсутствие единства в типологии, стилистике, конструкциях и декоре построек предшествующего периода эпохи Душана и его преемников. В этот период усиление византийских влияний на сербскую архитектуру ни у кого не вызывает сомнения. И тем не менее, какого-либо единого регионального направления в это время не создается. При этом региональное своеобразие, несмотря на разноплановость построек, вполне прослеживается и соответствует логике культурного развития страны в этот период.

Напомним, что попытку выделить если не региональное направление, то, по крайней мере, небольшую локальную традицию в архитектуре этого времени предприняли С. Чурчич и Е. Богданович, объединившие несколько построек 1330–1370-х гг. в районе Скопье³²⁰. Ее истоком исследователи считают архитектуру Салоник первой четверти XIV в. Мы уже показали в предыдущем разделе, что несмотря на сходство определенных стилистических аспектов, даже в пределах этой очень маленькой группы памятников сложно говорить о каком-то целостном

---

³²⁰ Čurčić, 2010. P. 636–644; Bogdanović, 2011.

региональном варианте византийской архитектуры, кажущееся единство распадается. Это отнюдь не похоже на ту ситуацию, которая сложится в следующие десятилетия в архитектуре моравской школы, где вместо разнобоя предшествующих десятилетий практически сразу появляется некий общий стержень.

На наш взгляд, роль салоницких образцов в работах С. Чурчича несколько преувеличена³²¹. В характеристике церкви моравской школы, как и в случае с Грачаницей, С. Чурчич подчеркивает общие для архитектуры поздневизантийского мира черты³²². Внимание прежде всего сосредотачивается на воплощении греческих идей в сербской архитектуре, тогда как с нашей точки зрения не менее важна сербская интерпретация этих идей.

Мысль С. Чурчича о том, что македонские памятники второй и третьей четверти XIV в. родственны моравской архитектуре и в определенной мере подготовили ее появление, кажется нам вполне справедливой. Однако говоря о преемственности между скопской и моравской школами, исследователи выявили ее лишь на уровне отдельных мотивов в декоре фасадов храмов и некоторых пропорциональных соотношений³²³. Нам представляется необходимым развить и уточнить эту мысль, к чему мы вернемся позже.

Вслед за В. Ристичем, С. Чурчичем и Е. Богданович, мы полагаем, что моравская традиция закономерно вытекает из нескольких предшествующих ей периодов. Если в третьей четверти XIV в. действительно был возведен целый ряд построек, предвосхищающих важнейшие особенности моравских церквей, то кто были их ктитория? Ими могли быть такие же придворные Душана, каким был сам Лазарь Хребелянович, между которыми в это время разворачивается борьба за

---

³²¹ Ћурчић, 1988; Ćurčić, 2003; *Id.*, 2010. P. 636–644; 663–666.

³²² Ćurčić, 2010. P. 668–679.

³²³ Bogdanović, 2011. P. 237, 240, 253–255.

власть. Строительство большей части этих церквей не было связано с монастырями. Появление среди них триконхов вряд ли можно объяснить прямым влиянием архитектуры Афона. Поэтому нужно рассмотреть и другие возможные причины появления таких храмов в этот период.

В этой связи особый интерес представляют упоминавшиеся выше триконхи в Кучевиште близ Скопье и в Рджавце близ Ново Брдо³²⁴. Несмотря на то, что датировка обоих памятников серединой XIV в. в последнее время подвергалась сомнению, все же следует отметить некоторые важные моменты. Обе постройки возведены на землях, которые в XIV в. были связаны с присутствием сербских аристократов. Об этом свидетельствует находящаяся рядом церковью Архангелов церковь Спаса в Кучевиште, в которой в 1330-е гг. был пристроен двухэтажный нартекс с ктиторскими захоронениями и приделами. Очевидно, что и в церкви Архангелов в Кучевиште, и в Рджавце есть архитектурные особенности, сближающие их, с одной стороны, с постройками XIV в. в Македонии и Косово, а с другой стороны, с моравской архитектурой. К последним чертам относится типология триконха, вертикально ориентированные пропорции зданий, каменная облицовка фасадов, резьба оконниц, керамический декор и декоративные выкладки из кирпича на фасадах, полуколонки в барабане и мотив круглого окна (Кучевиште). Однако столь же очевидно, что эти две постройки различаются между собой и не тождественны моравским. Если в ходе дальнейших исследований подтвердится более поздняя датировка обоих памятников, то перечисленные черты придется объяснять стремлением мастеров подражать моравской архитектуре. На данный момент мы не можем не учитывать эти памятники, которые, за исключением некоторых отдельных особенностей, вполне вписываются в ряд разнородных по типологии и стилистике придворниц середины XIV в.

---

³²⁴ См. с. 63-65, прим. 173, 176.

В любом случае, эти два храма с сомнительной датировкой, церковь Богородицы в Лешке, церковь Св. Николая Мрачского и церковь Св. Николая монастыря Архангелов под Призреном, на наш взгляд, невозможно объединить в группу «протоморавских церквей» и считать прототипами основных вариантов позднейших моравских храмов, как это сделал В. Ристич³²⁵.

Многообразие архитектурных решений с чертами локального византизирующего направления очень важно рассматривать в качестве одной из предпосылок сложения моравской архитектуры. Роль Македонии как посредника в процессе восприятия и усвоения в моравской архитектуре византийских тенденций, безусловно, была велика, что исследователи отмечали давно³²⁶. Однако и недатированные македонские триконхи, и прочие придворицы второй и третьей четверти XIV в., включая постройки так называемой «скопской школы», по сравнению с произведениями моравской архитектуры оказываются явлениями принципиально иного масштаба. На наш взгляд, вывести все особенности моравской архитектуры с её ярко выраженной спецификой и столичным размахом из этих небольших провинциальных построек, конечно, нельзя. Но необходимо отметить их значение для закрепления некоторых новых композиционных приемов и декоративных элементов, что подготовило почву для нового синтеза сербских и византийских черт.

Постройки князя Лазаря и его приближенных, безусловно, представляют собой качественно новое явление. Оно явно не может быть названо одним из провинциальных вариантов византийской традиции, несмотря на очевидные связи с ней. Это архитектура высокого уровня, с продуманными основными принципами, которые составляют стройную систему, и с виртуозно исполненными деталями. Несмотря на то, что в

---

³²⁵ *Ristić*, 1996. С. 49–50.

³²⁶ *Millet*, 1919. P. 135–144; *Bogdanović*, 2011.

позднепалеологовскую эпоху в византийской архитектуре был накоплен огромный арсенал разнообразных художественных приемов, и сербские мастера хорошо его знали и активно использовали, подражания византийским образцам и провинциальности в этих постройках нет.

Итак, являясь закономерным продолжением сербской архитектуры на македонских территориях, моравское зодчество в новых условиях, во многом благодаря деятельности князя Лазаря, стремительно вырастает из локального провинциального варианта в яркое явление столичного уровня. Это требует объяснения, найти которое не так просто.

Полагаем, что решающее значение имело программное обращение к еще более старым традициям, а именно — традициям рашского периода. Таким образом, возродились те механизмы, которые и ранее определяли характер сербского зодчества: идеологические соображения и связанная с ними роль ктиторской программы. Именно в эпоху князя Лазаря для этого возникли соответствующие предпосылки.

Однако это не значит, что сербская архитектура моравского периода перестает быть связана с византийской традицией. Как мы старались показать при анализе важнейших построек, византийская основа присутствует в них всегда, но она обязательно подвергается творческой интерпретации. Даже в эпоху Милутина и Душана, когда ориентация на византийские образцы преобладала, их прямого копирования не наблюдалось.

Из архитектуры эпохи Душана многие находки и новшества переходят затем в моравские храмы. Часть из них имеет безусловно византийское происхождение. Это и определенные типологические и композиционные особенности, такие как пятиглавие; ажурные купольные нартексы, присоединенные к основному объему храма; расширение подкупольного пространства за счет сужения боковых нефов и раздвигания в стороны подкупольных столбов. Это и усиление декоративного начала в целом, и отдельные декоративные элементы, такие

как горизонтальные карнизы, которых не было ранее³²⁷. Некоторые мотивы приходят в архитектуру эпохи Душана с запада и тоже затем остаются в постройках моравского периода, например, каменная резьба и украшения в виде розеток³²⁸.

В эпоху князя Лазаря храмы, возведенные княжеской артелью, также имеют самостоятельный, творческий, а не подражательный характер. В них используется весь богатейший арсенал византийских архитектурных приемов и мотивов. Безусловно византийской можно считать типологию четырехстолпного крестово-купольного храма, особенно в его пятиглавом варианте (хотя среди моравских храмов таких всего два, не считая Ресавы, которая обладает уже совсем не византийской стилистикой). Также усиление декоративного начала — общая для поздневизантийского зодчества тенденция, которая очевидна и в моравских храмах. Но византийские образцы подвергаются в них существенной переработке. Поэтому с нашей точки зрения архитектуру Моравской Сербии нельзя считать неким региональным или провинциальным вариантом византийской архитектуры.

Ответить на вопрос о том, как именно соотносится моравская архитектура с различными направлениями византийского зодчества того же времени весьма трудно. Как уже говорилось выше, от второй половины XIV – первой половины XV века дошли лишь единичные собственно византийские постройки высокого уровня и некоторые памятники, представляющие отражение и интерпретацию константинопольских образцов в условиях другой региональной традиции. Моравская архитектура, как кажется, питалась неким мощным и совершенным истоком. Влияние на нее Салоник, Мистры, тем более Несебра можно сразу исключить, поскольку характерные для этих центров отличительные

---

³²⁷ Вуловић. С. 60; Ненадовић, 1967. С. 74–77; Кораћ, 1987/6. С. 141–142.

³²⁸ Максимовић, 1971. С. 119–152; Кораћ, 1987/6. С. 141–142; Trkulja, 2004. Р. 57–58, 175–177, 197–198, 248–253.

черты не встречаются в моравских постройках. Скорее можно говорить о параллельном развитии этих традиций.

Именно так мы предлагаем интерпретировать сходство с моравскими храмами церкви Св. Илии Пророка в Салониках³²⁹. Это очень большой пятикупольный триконх на четырех опорах, с двухкупольным нартексом-лито и открытым экзонартексом. Он воспроизводит типологию афонских кафоликонов и скорее всего тоже был кафоликоном монастыря³³⁰. На моравские храмы эта церковь похожа не только своим трехконховым планом, но и зальным внутренним пространством, в котором колонны отодвинуты к углам подкупольной зоны, образуя совсем узкие боковые нефы, чего не встречалось ранее в салоницких церквях. Полагаем, что эта особенность могла быть заимствована и салоницскими, и моравскими зодчими с Афона или из Константинополя. Значительное расширение диаметра барабана центрального купола в церкви Пророка Илии, а также большой открытый экзонартекс тоже напоминают афонские кафоликоны. Однако, явно опираясь на афонский тип храма, архитектор интерпретировал его в салоницском вкусе. Окна и силуэты барабанов, кирпичные узоры, пояса из нишек, некоторые другие элементы декора — все это очень близко церкви Свв. Апостолов в Салониках (1310–1314). С другой стороны, об ориентации на некий утраченный константинопольский образец могут свидетельствовать такие общие с моравскими постройками черты как глубокие ниши на фасаде и полосатая кладка. Это вполне вероятно, учитывая возможную связь постройки с патронажем императрицы Анны Савойской, жившей в Салониках с 1351 г. до своей смерти в 1359 г.³³¹ Но все же в данном случае более вероятной представляется опора на местную традицию, еще сравнительно недавно

---

³²⁹ Напомним, что П.П. Покрышкин считал эту церковь прототипом моравских триконхов, поскольку она близка им по типологии, объемно-пространственной композиции и обилию декора (*Покрышкин*, 1906. С. 59–73). Новую литературу об этом храме см. в прим. 312.

³³⁰ *Tantsis*, 2012. P. 184–195.

³³¹ *Ibid.* P. 189–194.

процветавшую. Эту мысль подкрепляет типичная для салоницкой архитектуры трактовка пятиглавия в церкви Пророка Илии: меньшие главы низко расположены относительно центральной, хотя здесь они стоят не над галереями, а над приделами и нартексом. Расположение приделов, как и пропорции, и масштаб храма в целом отличают его от моравских построек. При общей тенденции к декоративности, конкретные элементы декора и их компоновка в церкви Пророка Илии и моравских триконхах тоже различаются. Впрочем, если возведение церкви Пророка Илии предшествовало Раванице и Лазарице, то оно вполне могло послужить дополнительным импульсом для утверждения именно такой типологии в церковной архитектуре эпохи князя Лазаря³³². Во всяком случае, вопрос о времени и обстоятельствах строительства церкви Пророка Илии пока остается открытым³³³.

Многие из характерных особенностей моравской архитектуры (прямоугольный план с зальным интерьером, скругленные несущие купол опоры или колонны, трехчастная алтарная часть с гранеными апсидами, украшенными аркатурой на колонках, ниши на западных фасадах и др.) могут напрямую или опосредованно восходить к константинопольским образцам. Поэтому мы бы не торопились с выводами о незначительной роли угасающего Константинополя в развитии архитектуры конца XIV в. История Сербии и в эпоху князя Лазаря, и в эпоху деспота Стефана свидетельствует о важности связей с Константинополем. Вполне возможно, что утраченные ныне константинопольские храмы того времени могли стать источником вдохновения, получив на сербской почве оригинальную интерпретацию. Однако вывести всю моравскую архитектуру только из неизвестных нам константинопольских образцов все равно не получается. В ней есть специфика, которой не могло быть в

---

³³² *Kyriakoudis*, 1997.

³³³ *Ibid.* P. 194.

Константинополе и архитектуре других греческих городов, что мы пытались показать выше.

Итак, мы полагаем, что можно говорить именно о творческом переосмыслении в сербской архитектуре моравского периода известных византийских типов, элементов и приемов, причем это переосмысление имеет весьма четкую направленность и свою собственную логику.

Попробуем еще раз показать эти византийские черты, которые оказались как бы заново пропущены через опыт рашских построек, Грачаницы, Дечан, построек «скопской школы», и в результате получили новое переосмысление, став устойчивыми чертами построек нового поколения.

Общее для поздневизантийской архитектуры усиление тенденции к зальности пространства было с готовностью воспринято в моравских постройках, вероятно, именно потому, что соответствовало собственной национальной традиции. Однонефные храмы, как мы помним, преобладали в сербской архитектуре с XII в. В XIV в. появились новые варианты с отдельно стоящими опорами (Грачаница, Дечаны и др.), опыт которых был учтен. Тонкие или скругленные опоры, иногда — с дополнительными вертикальными тягами или гранями перестают восприниматься как преграда для единого цельного пространства. Они раздвигаются в стороны за счет сужения боковых нефов, что можно наблюдать, например, в македонских церквах второй четверти XIV в. (церкви Архангелов в Штипе, Св. Николая в Люботене, Архангела Михаила в Лесново и др.)³³⁴. Эта черта закрепляется в моравских памятниках.

Композиции четырехстолпных моравских храмов с одной или пятью главами, безусловно, имеют византийское происхождение. При этом, как и однонефные храмы, они почти всегда тяготеют к пирамидальности,

---

³³⁴ *Millet*, 1919. P. 114–116; *Kopaň*, 2003. С. 81–108; *Расолкоска-Николовска*, 1986; *Bogdanović*, 2011. P. 222–224, 227–228; *Габелић*, 1998.

ступенчатости и довольно динамичному развитию. Мы уже не раз говорили об их отличии от византийских принципов организации композиции (например, пятиглавие в церкви Св. Пантелеимона в Нерези 1164 г. и даже в церкви Свв. Апостолов в Салониках 1310–1314 гг., которая является образцом максимально выраженной для византийской традиции вертикальной ориентации форм³³⁵). Моравские храмы в большей степени ориентированы на ту интерпретацию темы византийского пятиглавия, которая уже была осуществлена в эпоху Милутина и лучше всего воплощена в Грачанице. В конце XIV в. к старым средствам создания динамичной, устремленной вверх композиции, помимо известных еще в сербской архитектуре рашского периода повышенных подпружных арок со слегка стрельчатыми очертаниями и постаментов под барабаны, добавляются килевидные кокошники. Этим приемы существенно усиливают экспрессию архитектурного образа.

Из Византии в это время были заимствованы большие экзонартексы со сквозными проемами по бокам и плоскими куполами³³⁶. Эта идея, вероятно, пришедшая с Афона или из других македонских центров, соединилась с собственной традицией устройства больших экзонартексов, характерных еще для храмов рашского периода, а также с опытом середины XIV в., когда экзонартексы появляются в Дечанах и некоторых других храмах на косовско-македонских территориях. С распространением и утверждением уставов Новоиерусалимского типа в конце XIV в., большие экзонартексы в моравских храмах получают более широкое распространение, но перестают быть ажурными³³⁷. Чем дальше, тем больше они возвращаются к формам именно рашских построек, хотя почерпнутые из Македонии плоские купола остаются.

---

³³⁵ Хаџитрифонос, 1991; Ćurčić, 2010. P. 410, 550–555.

³³⁶ Бошкович, 1934; Ćurčić, 1971. Мандић, 1997.

³³⁷ Подробнее об этом см. ниже, с. 185–186, 201–202.

Для нас важно выделить еще раз те черты моравской архитектуры, которые невозможно объяснить византийским или каким-либо другим влиянием и которые, на наш взгляд являются определяющими для этого явления. Собственно они представляют собой тот характер интерпретации, который получает византийская основа именно на сербских землях. К таким чертам относится:

- доминирование однефного компактного крестово-купольного типа, характерного еще для рашской школы;

- гипертрофированная вертикальная ориентация объемно-пространственной композиции, при которой принципы пропорционирования и конструктивные приемы значительно отличаются от византийских прототипов;

- разнообразие декора, в т.ч. широкое использование каменной резьбы и отдельных элементов западного происхождения; при этом распределение декоративных элементов и их стилистика часто программно ориентированы на старые рашские образцы;

- появление развитой западной части во многих храмах, иногда в виде двухэтажных купольных нартексов, напоминающих храмы рашского периода;

- боковые конхи, которые являются наиболее характерной чертой моравских храмов, хотя и встречаются в византийской архитектуре всех времен, отнюдь не являются ни обязательными, ни широко распространенными в византийской архитектуре этого времени.

Авторы, развивавшие идею о византийских источниках моравской архитектуры, за неимением другого объяснения, всегда называли Афон как источник типологии триконха. Однако если такое заимствование имело место, нужно объяснить его причины и условия. Этого никому не удалось сделать.

В отличие от афонских четырехстолпных крестово-купольных храмов развитого типа, большинство моравских триконхов, как уже было

сказано, — однонефные. Нетипичные для Афона, в Сербии однонефные храмы получили широкое распространение еще в XII в. и, прежде всего, ассоциировались с задужбинами святородной династии Неманичей. Следовательно, если речь идет о влиянии афонской традиции на структуру моравских построек, то это влияние ограничивается прибавлением боковых экседр к уже сложившейся сербской архитектурной основе, с характерными вариантами объемно-пространственных композиций и декоративных программ³³⁸.

Существует немало аспектов, как в отношении условий формирования моравских триконхов, так и в отношении особенностей их архитектурных решений, которые позволяют усомниться в их непосредственной обусловленности афонскими образцами. Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть историю типологии триконха в византийской и сербской архитектуре и, прежде всего, выяснить функции боковых экседр моравских построек. Этому будет посвящена третья глава диссертации.

---

³³⁸ *Кораћ*, 1987/6. С. 136.

Глава 3

Моравские триконхи: типология, генезис, функция

В этой главе мы попытаемся ответить на вопрос о генезисе и функции моравских триконхов³³⁹. Чтобы подойти к решению этого вопроса, нам необходимо сначала сделать краткий экскурс в историю данной архитектурной типологии.

3.1. Триконхи на Балканах до XIV в.

Типология триконха в христианской архитектуре появляется уже в раннехристианский период и получает очень широкое распространение в разные эпохи на самых различных территориях. Как и сама архитектурная форма конхи, она происходит из позднеантичной традиции. Конха родственна и близка по смыслу арке и своду. Ее конструктивное и функциональное назначение как способа организации пространства и роль в композиции построек разного типа в позднеантичной архитектуре весьма разнообразны. В поздней римской архитектуре широкое распространение получили многоконховые планы в гражданских постройках. Но именно триконхи, в качестве отдельностоящих или присоединенных к главному храму зданий, появляются в значительном количестве среди культовых христианских построек.

В связи с этим возникает вопрос: было ли у триконхов какое-то особое символическое или функциональное значение, которое позволяет выделить их в особую группу, отделив от тетраконхов, поликонхов, базилик с боковыми конхами?

Попытки объяснить закрепление формы триконха в христианской архитектуре причинами символического порядка предпринимались неоднократно. Так, по мнению Т. Штеппана, в христианской архитектуре

---

³³⁹ Краткое изложение нашего видения этой проблемы см.: *Мальцева, 2014*.

триконх оказался связан с погребениями и мучениками прежде всего по той причине, что его форма напоминает крест, который ассоциируется с реликвией, согласуется с идеей троичности и символизирует победу над смертью³⁴⁰. Еще одной причиной распространения триконхов, по мнению ряда исследователей, могло быть стремление подражать чтимым образцам в Святой Земле и Константинополе. В качестве таких образцов называлась Ротонда храма Воскресения в Иерусалиме, во внешнем обходе которой во время св. Константина появились три большие ниши-конхи³⁴¹; базилика Рождества Христова в Вифлееме, в результате перестройки между 560 и 604 гг. получившая боковые конхи в восточной части³⁴²; Влахернская и Халкопратийская базилики в Константинополе, также получившие боковые конхи в восточной части в результате перестроек при Юстине II (564–576) и Василии I (867–886) соответственно³⁴³.

Функциональное предназначение боковых конх триконхов для захоронений археологически подтверждается для многих групп памятников разного времени в разных местах, в частности, на Балканах в раннехристианский и ранневизантийский период. Аналогичная ситуация наблюдается и в IX–XI вв., когда триконхи снова распространяются на Балканах в связи с вторым крещением славян и развертыванием монастырского движения.

Однако, несомненно, нельзя считать все триконхи связанными с захоронениями. В ряде случаев оказывается возможным выявить другое предназначение боковых конх. Так, например, известна группа романских триконхов XI–XII вв. в рейнских землях, в которых боковые конхи имели и символическое, и функциональное значение. Они воспроизводили чтимый

---

³⁴⁰ *Steppan*, 1995. S. 27–28, 34.

³⁴¹ *Krautheimer*, 1986. P. 62; *Steppan*, 1995. S. 33–34.

³⁴² *Krautheimer*, 1986. P. 266–267; *Казарян*, 2005. С. 17, 28, прим. 19.

³⁴³ *Krautheimer*, 1986. P. 267; *Tantsis*, 2010.

образец (базилику Рождества в Вифлееме) и использовались для выставления реликвий и устройства капелл³⁴⁴.

Вполне возможно, что обе причины — и следование сакрально значимым образцам, и стремление выделить дополнительные пространства для особых функций — обусловили распространение триконхового плана на Афоне с конца X в. В качестве одного из возможных вариантов предназначения боковых конх афонских кафоликонов называлось размещение хоров для антифонного пения.

Рассмотрим более подробно те группы триконхов, которые известны на Балканах, и могли повлиять на утверждение данной типологии в качестве основной в архитектуре моравского периода.

3.1.1. Раннехристианские и ранневизантийские триконхи

Активное распространение триконхов в христианском храмовом зодчестве на Балканах, в частности, в сербском регионе, приходится на IV–VII вв.

К числу выявленных и археологически обследованных памятников раннехристианских центров принадлежат: мартириумы «b» и «e» в Сирмиуме на Саве IV в.³⁴⁵, поликонхиональная церковь в Лихнидосе кон. V – нач. VI в.³⁴⁶ (Охрид), триконховый храм в Лине V в.³⁴⁷ (Охридское озеро).

Из памятников ранневизантийского времени обнаружены и исследованы церковь «e» у некрополя на окраине Царичина Града³⁴⁸, древнее трехконховое основание Богородичной церкви в Мртвици³⁴⁹,

---

³⁴⁴ Kosch, 2005.

³⁴⁵ Jeremić, 2006.

³⁴⁶ Датировка по В. Битраковой-Гроздановой, подроб. см.: Битракова-Грозданова, 1975. С. 36–39; Грозданов, 1995. С. 28–29.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Стричевић, 1953; Бошковић, Вуловић Б., 1958.

³⁴⁹ Пешић, 1989. С. 106.

церковь «а» в Долянах возле Подгорицы³⁵⁰, церковь Богородицы в Топлице (Куршумлии), в Клисуре возле Ниша³⁵¹ и др.

Происхождение ранних балканских триконхов некоторые ученые связывают с античными погребальными сооружениями, в экседрах которых устраивались гробницы. В качестве ближайшего аналога в сербских областях рассматривают языческие погребальные сооружения с полукруглыми экседрами в Манастирине³⁵², в Каплюче возле Рупотины и в Марусинце³⁵³. Принадлежность гробницы в Брестовике к христианскому времени остается под вопросом: вполне возможно, что и это сооружение можно причислить к числу античных прототипов христианских трехконховых храмов-усыпальниц³⁵⁴.

На основании археологических исследований большая часть выявленных триконхов этого периода атрибутирована как усыпальницы, в которых часто обнаруживаются захоронения в боковых конхах³⁵⁵. По мнению ученых, изучавших этот вопрос, есть все основания предполагать, что типология триконха в ранневизантийский период на Балканах была устойчиво связана с назначением храма как усыпальницы или мартирия³⁵⁶.

3.1.2. Однонефные триконхи на Балканах в IX-XII вв.

После широкого распространения триконхов на Балканах в раннехристианское и ранневизантийское время их активное строительство возобновляется в IX–XI вв. Это время второго крещения славян свв. Кириллом и Мефодием и активного развития монастырского движения на Балканах благодаря деятельности их учеников, прежде всего — свв. Климента и Наума Охридских.

---

³⁵⁰ *Кораћ*, 1959. С. 383–385.

³⁵¹ *Кондић, Поповић*, 1977. С. 157–158.

³⁵² *Mardešić*, 1998

³⁵³ *Стричевић*, 1953. С. 194–195.

³⁵⁴ *Валтровић, Васић*, 1906; *Стричевић*, 1953. С. 194–195; *Он же*, 1958.

³⁵⁵ *Коцо*, 1961; *Грозданов*, 1995. С. 28–29.

³⁵⁶ *Grabar*, 1972. Р. 102–119.

Исследователи связывают появление балканских триконхов этого времени именно с монашеской миссионерской деятельностью³⁵⁷. Однако, если источником монастырского движения второй половины IX в. был Константинополь, то этого нельзя сказать о триконхах: речь идет о совсем небольших, простых и скромных постройках явно провинциального характера. Вполне вероятно, что компактные однефные триконхи оказались удобными для строительства большого количества маленьких монастырских храмов в короткое время. Во всяком случае, ареал распространения балканских триконхов этого периода совпадает с монастырскими центрами³⁵⁸. При этом типологически и композиционно эти постройки весьма разнообразны. Одни более вытянуты к западу, с полукруглыми конхами со всех трех сторон. Другие более компактные, без развитой западной части. Конфигурация конх может различаться: они могут быть полукруглыми или многогранными, одинаковыми или разными. Обычно боковые конхи не имеют порталов, и очень часто в них обнаруживаются захоронения.

Важнейшими памятниками для нашего исследования являются два храма-усыпальницы, возведенные святыми Климентом и Наумом в Охриде. До 893 г. св. Климентом возводится церковь Св. Пантелеимона на холме Плаошник в Охриде³⁵⁹. Известно, что св. Климент обновил более ранний храм. На этом месте находится целый комплекс раннехристианских построек, в который входили два больших храма — тетраконх и базилика, — а также несколько баптистериев и более мелких построек³⁶⁰. Еще до св. Климента в восточную часть базилики был встроен триконх. Хронология различных фаз возведения памятника археологически досконально не исследована. Предположительно, вторая фаза (строительство триконха) относится ко времени начала миссионерско-просветительской

---

³⁵⁷ *Vacuň*, 1928. С. 103–106; *Kopaň*, 1987/2. С. 30.

³⁵⁸ *Stričević*, 1963.

³⁵⁹ *Koço*, 1966. С. 91–100.

³⁶⁰ *Bošković, Tomovski*, 1961.

деятельности солунских братьев и их моравской миссии, когда главным центром Первого болгарского царства была еще Плиска (середина IX в.). Св. Климент обновил этот триконх и достроил к нему «пронаос», где устроил себе гробницу у южной стены. После смерти святого его тело было положено «во гроб, который своими руками себе приготовил на десной стороне передней стены пронаоса»³⁶¹. Таким образом, храм был предназначен в качестве гробницы самим святителем. Что касается причин выбора типа триконха, то он, скорее всего, в данном случае был обусловлен конфигурацией стоявшего на этом месте более раннего здания, хотя исследователи пишут и о закрепившейся за ним к этому времени ассоциации с монастырским строительством и особенностями духовной жизни эпохи царя Симеона³⁶². Напомним, что в непосредственной близости от церкви Св. Пантелеимона находится тетраконх V в.³⁶³, а чуть дальше по берегу Охридского озера сохранился триконх V в. в Лине³⁶⁴.

Церковь св. Климента, изначально строившаяся как место будущего упокоения «великого епископа», становится прообразом для храма его сподвижника св. Наума в одноименном монастыре на берегу Охридского озера. Храм Свв. Архангелов был возведен примерно в то же время, в 893 г.³⁶⁵ Обе церкви — триконхи, не выраженные снаружи, но у храма св. Наума полукружия выявлены с восточной стороны обеих конх³⁶⁶. Снаружи боковые конхи оформлены прямоугольными выступами.

Во внутреннем пространстве обе церкви имели полукруглые ниши на восточной стороне конх (снаружи они выражены апсидными выступами)³⁶⁷. Здесь мы, как кажется, впервые встречаемся с подобной

---

³⁶¹ Из жития Св. Климента Охридского, написанного Феофилактом Охридским, цит. по: Грозданов, 1995. С. 31; см. также: Рајковић, 1955.

³⁶² Грозданов, 1995. С. 30.

³⁶³ Битракова-Грозданова, 1975. С. 36–39; Грозданов, 1995. С. 28–29.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Грозданов, 1995. С. 27.

³⁶⁶ Там же; Коцо, 1974.

³⁶⁷ Мильковић-Пепек, 1985. С. 68.

практикой в регионе. Ц. Грозданов считал их жертвенником и диаконником³⁶⁸. Однако эта интерпретация вызывает ряд вопросов. Если даже допустить, что жертвенник и диаконник, обычно находящиеся в алтарном пространстве, в данном случае оказались перенесены в наос в связи с монастырским отшельническим типом построек и ориентацией на ранневизантийскую структуру организации пространства, то как все же объяснить назначение правой ниши? Даже если считать диаконником всю южную конху, то зачем понадобилась ниша в ее восточной стене, если диаконник обычно не был связан с какими-либо сакральными функциями?

В церкви Свв. Архангелов монастыря Св. Наума и в южной конхе, и в нартексе обнаружены захоронения. Вопрос о том, где первоначально находилась гробница св. Наума, остается до конца не выясненным³⁶⁹. Во втором житии св. Наума сказано: «и взято божественное тело его чесными руками архиерея Христова Климента Охридского и честно положено во гроб в десном воскрилии храма»³⁷⁰. Позднее, после разрушения храма, вероятно в XIV в., мощи были перенесены в специально возведенный для этого параклесий³⁷¹.

Св. Климент и св. Наум, наряду со свв. Кириллом и Мефодием, почитались в Охридской архиепископии как основоположники и столпы славянской Церкви, чей правовой статус был закреплен престолом Охридской архиепископии³⁷². Их культ был тесно связан с этими двумя храмами-усыпальницами. Вполне вероятно, что это обстоятельство также способствовало распространению и преобладанию типа триконха в храмовом строительстве X – начала XI в. в охридско-преспенском регионе.

---

³⁶⁸ Грозданов, 1995. С. 27.

³⁶⁹ Ц. Грозданов предполагает, что гробница находилась в южной части нартекса. См.: Грозданов, 1995. С. 27, 31.

³⁷⁰ Второе житие св. Наума: Грозданов, 1995. С. 24.

³⁷¹ Коцо, 1974. С. 68; Грозданов, 1995. С. 27.

³⁷² Там же. С. 13.

Из других триконхов IX–X вв. здесь наиболее известны археологически выявленные основания храмов в Горице и в Злести³⁷³. Ко времени свв. Климента и Наума также относится церковь Св. Николая в Винене (Преспанское озеро)³⁷⁴.

Особо следует отметить церковь в селе Издеглавье, которая триконхом не является. С южной стороны к центральной части наоса здесь примыкала открытая в пространство храма боковая конха, в которой, по всей видимости, находилось захоронение³⁷⁵. Возможно, это свидетельствует не столько о типологической устойчивости, сколько о функциональной обусловленности боковых конх.

В районе Касторийского озера также сохранились два триконха, вероятно, относящиеся к тому времени, когда область входила в состав Первого Болгарского царства: церковь Богородицы Кубелидики³⁷⁶ в византийской цитадели Кастории (середина IX в.³⁷⁷ или X в.³⁷⁸) и руинированная церковь Преображения близ деревни Кондорропи на северном берегу Касторийского озера³⁷⁹.

Приморье и внутренние сербские области в IX–X в. также входили в орбиту влияния миссионерского и монастырского движения, инициированного свв. Кириллом и Мефодием и продолженного их учениками. Напомним, что св. Мефодий был рукоположен епископом не только Моравии, но и Болгарии, а он в свою очередь поставил епископом Иллирика и болгарских земель св. Климента. Значительная часть этих территорий подчинялась юрисдикции Охида и вошла в состав Первого Болгарского царства. Византийское влияние в целом также было объединяющим фактором для культурного развития этих территорий. Все

---

³⁷³ Бошкович, 1957. С. 130–131.

³⁷⁴ Грозданов, 1995. С. 27.

³⁷⁵ Грозданов, 1995. С. 30; Коцо, 1948. С. 177.

³⁷⁶ Millet, 1916. P. 93–94; 87–109.

³⁷⁷ Pelekanidis, Chatzidakis, 1985. P. 84–91.

³⁷⁸ Μουτσόπουλος, 1992. Σ. 87–109.

³⁷⁹ Ibid. Σ. 2–20.

эти обстоятельства объясняют и наличие общих тенденций в церковном строительстве, которые проявились, в частности, в возведении триконхов и на этих территориях.

В X в. западные области Балкан были завоеваны болгарами и вошли в состав Первого Болгарского царства. Во внутренних сербских областях каменное строительство не было столь активным. Тем не менее, и здесь есть постройки, свидетельствующие о сохранении раннехристианских традиций и влиянии как приморской архитектуры, так и охридских построек эпохи свв. Климента и Наума³⁸⁰.

В Прчанье близ Котора сохранилась церковь Св. Фомы³⁸¹ X в. – также триконх, в посвящении и появлении боковых конх которого исследователи видят связь с константинопольским храмом Свв. Апостолов³⁸² или объясняют подражанием охридскому храму Свв. Архангелов монастыря Св. Наума³⁸³.

Предположительно к X в. относят церковь в Дривосте, к рубежу X–XI вв. — сильно руинированную церковь Св. Иоанна в Затоне на Лиме³⁸⁴. Они очень похожи по конфигурации и структуре на охридские триконхи. Следует особо подчеркнуть, что в церкви Св. Иоанна на Лиме боковые конхи, как и в охридских храмах, имеют две симметрично расположенные ниши в толще восточной стены, выявленные снаружи, что может свидетельствовать об устойчивости этого явления в IX–XI вв. И в этом случае в боковых конхах выявлены захоронения. Сохранность памятников не всегда позволяет детально разобраться в их структуре.

Репликами других построек этой же линии, связанной с миссионерской деятельностью, могут быть церкви Св. Кршевана на

---

³⁸⁰ *Кораћ*, 1987/2. С. 27.

³⁸¹ *Кораћ*, *Ковачевић*, 1970. Авторы предполагают, что постройка может принадлежать к нач. IX в. и связана с константинопольскими, сирийскими или каролингскими постройками.

³⁸² *Кораћ*, 1987/2. С. 27.

³⁸³ *Грозданов*, 1995. С. 30–31.

³⁸⁴ *Коцо*, 1966. С. 91–98; *Кораћ*, 1987/2. С. 27–28.

острове Крке и Св. Николая в Нине (XI в.)³⁸⁵. Это небольшие бесстолпные купольные триконхи, сложенные из камня и отличающихся весьма скромным декором или полным его отсутствием. Интерес представляет еще одна постройка в центре Нина — церковь Св. Креста, датируемая IX–XI в.³⁸⁶ Храм имеет крестообразный план и специфическое конструктивное решение с куполом на тропках. При этом северный и южный рукава креста, решенные прямоугольными в плане объемами, перекрыты полукуполом. Такое решение сближает структуру этого совсем небольшого купольного храма с триконхами. В северном пастофории была устроена гробница с аркосолием, а в южном, как предполагают, был придел, к которому вел отдельный вход с запада.

Возможно, к этой же эпохе относятся плохо датированные однотипные бесстолпные каменные триконхи в Мойстире на Проклянском озере в Билицаме³⁸⁷ и церковь Св. Мартина в Придраге возле Новиграда³⁸⁸.

В XII в. триконхи в сербских землях — уже крайне редкое явление, однако связь с погребениями по-прежнему просматривается. Примером тому является церковь Св. Павла в монастыре Чичево около Требинья. Этот храм строился как усыпальница рашского великого жупана Десы (1162–1165), предшественника Стефана Немани³⁸⁹. Хотя погребение здесь размещено в северной части обособленного нартекса, для храма-усыпальницы выбрана именно форма триконха, выявленная не снаружи, а внутри³⁹⁰.

Ещё один триконх оказывается непосредственно связан с ктиторийской деятельностью уже самого Стефана Немани. Это церковь Богородицы в Куршумлии, заново возведенная им с использованием старой плинфы ок.

---

³⁸⁵ *Кораћ*, 1987/2. С. 28, прим. 22.

³⁸⁶ *Васић*, 1922. С. 9; *Marasović*, 2008. S. 227; *Воронова*, 2010. С. 217–218; *Она же*, 2015. С. 36–37.

³⁸⁷ *Васић*, 1922. С. 11–13.

³⁸⁸ Там же. С. 13.

³⁸⁹ *Поповић Д.*, 1992. С. 22.

³⁹⁰ *Поповић М.*, 1973. С. 336–337.

1166 г. на основаниях триконха VI в.³⁹¹ В южной конхе здесь было обнаружено погребение, устроенное ещё в ранневизантийскую эпоху.

Со второй половины XII в., т.е. времени становления сербской архитектуры, и до многочисленных памятников моравского периода традиция возведения триконхов в Сербии практически прерывается.

3.1.3. Триконхи афонской группы

Афонская группа триконхов для нашей темы очень важна, поскольку до сих пор исследователи предлагали считать именно их тем источником, откуда данная типология пришла в архитектуру моравской Сербии. Поэтому нам необходимо выяснить, какова история появления и дальнейшего распространения афонских триконхов? Каково было назначение их боковых конх? И, главное, можно ли действительно объяснить заимствованием с Афона появление боковых конх в моравских постройках?

Прежде всего, следует отметить, что изучение афонских церквей до сих пор остается сложной проблемой. Практически все они являются действующими и функционируют в соответствии с нуждами монастырей, населенных большим числом монахов и принимающих множество паломников. Полное архитектурно-археологическое исследование этих зданий не было возможным, и лишь в отдельных редких случаях такие исследования проводились частично в самое последнее время.

Форма триконха существовала на Афоне на протяжении всего Средневековья и Нового времени, эти постройки многочисленны и весьма разнообразны. В связи с этим возникает вопрос: что именно считать «афонским типом триконха» и как он появился?

Впервые понятие «афонский тип» ввел Г. Милле³⁹². Под «афонским типом» он понимал храм, у которого есть боковые апсиды и особое

---

³⁹¹ Анастасијевић, 1923; Бошковић, Вуловић Б., 1958.

³⁹² Millet, 1905. P. 73–74.

устройство западной части с экзонартексом, либо двухэтажным, либо с капеллами по сторонам. Решение вопроса о времени возникновения и происхождении этих особенностей, которое предложил Милле, оказалось несостоятельным (он предполагал, что особое устройство западной части храмов пришло на Афон из Сербии, но эта гипотеза впоследствии не подтвердилась). Однако данное исследование определением «афонского типа», как показали дальнейшие исследования, было вполне верным и работающим.

Далее последовало много попыток уточнить определение «афонского типа», обзор которых дается в статье С. Мамалукоса³⁹³. Перечислим основные из них, поскольку это важно для понимания специфики изучения афонских триконхов. В 1924 г. Ф.В. Хаслюк предложил к определению «афонского типа» добавить, что это должен быть обязательно крестово-купольный храм с боковыми апсидами и одним или более нартексом. А. Орландос дал еще более детализированное определение: крестово-купольный храм с четырьмя опорами, боковыми конхами и лити с приделами по сторонам. Г. Сотириу предполагал, что афонские триконхи происходят от однефных построек охридско-преспенского региона, и видел здесь эволюцию от небольших и сравнительно простых форм к крупным и усложненным. Поэтому он предложил убрать «крестово-купольный» и тем более «с четырьмя опорами». С его точки зрения, «афонский тип» — это просто триконх с двойным нартексом-лито с приделами по сторонам. П. Милонас решительно отверг идею эволюции афонского триконха в местных условиях от маленьких однефных построек. С его точки зрения, «афонский тип» имеет константинопольские истоки, его прототипом был большой крестово-купольный храм с четырьмя колоннами и развитой вимой. Уже на Афоне к этому ядру добавились боковые конхи, лити и приделы. Р. Краутхаймер тоже

---

³⁹³ В этой же статье приводятся все ссылки на работы упоминаемых далее авторов: *Mamaloukos*, 2011. P. 41–43, nt. 32–53.

поддержал идею о местном формировании «афонского типа», где базовый столичный образец обогатился боковыми конхами, лити и капеллами. С точки зрения С. Манго, не важно ни наличие капелл, ни уточнение типологии основного ядра. «Афонский тип» он определяет как триконх (в любом варианте) с лити. Никонанос поддерживает эту идею, но все же считает важным наличие приделов по сторонам лити. Н. Гиолес не включает в определение «афонского типа» никакие капеллы и лити, а останавливается на определении «крестово-купольный триконх», с чем соглашаются Дж. Бошкович и Х. Бурас. Т. Штеппан оставляет в стороне вопрос происхождения и на первый план выдвигает триконх Великой Лавры, который он считает образцом для всех остальных. П. Вокотопулос считает «афонский тип» развитием крестово-купольного храма, который в виду местной специфики получил дополнительные конхи. В. Корач уточняет, что это именно «крестово-купольный тип с четырьмя опорами и боковыми апсидами», тогда как облик западных частей не важен.

Как видим, определения «афонского типа», данные разными исследователями, не только не совпадают, но иногда и противоречат друг другу. Эта проблема имеет несколько причин. Во-первых, она, безусловно, связана с неудовлетворительной изученностью афонских храмов, из-за чего оказывается невозможным определить этапы строительной истории того или иного храма: понять, является ли его композиция изначальной, или она складывалась постепенно в результате перестроек и добавления тех или иных частей (прежде всего, разумеется, речь идет о боковых конхах и западных частях храмов). Следовательно, на данный момент не представляется возможным и выделить этапы в эволюции «афонского типа». Во-вторых, проблема определения «афонского типа» оказывается также связана с большим разнообразием храмов. Все это делает необходимым обращение к вопросу об истоках и назначении важнейших особенностей афонских кафоликонов — боковых конх и усложненных решений западных частей храма.

Еще О. Шуази связал афонскую Лавру с константинопольской церковью Св. Андрея в Криси, имевшей форму триконха³⁹⁴. Эта гипотеза позволила объяснить и типологию крестово-купольного храмового ядра на четырех колоннах с развитой алтарной частью, и наличие боковых конх, и стилистику лаврского кафоликона. Г. Милле сравнивает боковые конхи афонских кафоликонов с храмами Закавказья и вспоминает о происхождении св. Афанасия из Трапезунда. В то же время, он пишет, что боковые конхи могли происходить из Константинополя (здесь снова называется церковь Св. Андрея в Криси), а в дальнейшем Лавра становится важнейшим образцом для других афонских кафоликонов³⁹⁵. Определяющая роль кафоликона Великой Лавры предполагалась Г. Милле только на основании ее первенства в афонской иерархии, однако это мнение укоренилось в трудах следующих поколений исследователей.

Многие исследователи первой половины XX в. приняли восточную гипотезу происхождения афонских триконхов³⁹⁶. Они предлагали очень сложную схему соединения разных основ: Константинополь в качестве истока крестово-купольного храма на четырех опорах и кавказское влияние, выразившееся в добавлении к константинопольскому ядру боковых конх. На возможность восточного происхождения боковых конх афонских храмов указывал и Краутхаймер³⁹⁷. В последние годы о сходстве «афонского типа» и закавказских храмов писал А.Ю. Казарян³⁹⁸.

А. Орландос в 1935 г. высказал мнение о том, что однефные триконхи в X–XI вв. были созданы на Афоне и оттуда распространились по Греции³⁹⁹. П. Вокотопулос отверг это мнение, пытаясь доказать, что эволюционным путем от простых маленьких построек нельзя прийти к

---

³⁹⁴ *Choisy*, 1883. P. 130. Впоследствии было доказано, что боковые конхи к этому храму добавлены в османский период.

³⁹⁵ *Millet*, 1905. P. 73, 84–85.

³⁹⁶ См. *Mamaloukos*, 2011. P. 43, nt. 59–62.

³⁹⁷ *Krautheimer*, 1986. P. 374–375.

³⁹⁸ *Казарян*, 2005.

³⁹⁹ *Ορλάνδος*, 1935. Σ. 110.

большим и сложным, и что Афон в X–XI вв. не обладал таким большим собственным потенциалом, чтобы повлиять на архитектуру охридско-преспенского региона, тем более, что эти триконхи датируются, в основном, IX–X вв.⁴⁰⁰ Позднее Г. Димитрокалис высказал мнение, что «афонский тип» — результат общих тенденций развития архитектуры IX–X вв.

Наиболее основательные исследования афонских храмов были осуществлены П. Милонасом⁴⁰¹. В ряде публикаций 1970–1990-х гг. он сформулировал свое представление о происхождении «афонского типа». По его мнению, это результат последовательной эволюции константинопольского образца в местных условиях. Кафоликон Великой Лавры, построенный в 963 г. по заказу св. Афанасия, — в целом типичный константинопольский храм, построенный приехавшими на Афон столичными мастерами. Милонас впервые провел небольшие раскопки и установил весьма важный факт: боковые апсиды были пристроены к кафоликону Великой Лавры позднее. В 965 г. в результате перестройки св. Афанасием центральной части храма Протата были устроены специальные хоростасии, которые, по мнению исследователя, становятся прототипом характерных афонских певниц в боковых конхах. Ок. 980 г. был построен Ивирон, также сначала без апсид. Несколькими годами позже был возведен кафоликон Ватопеда, который либо имел боковые апсиды изначально, либо получил их в результате перестройки ок. 1000 г. В 1002 г. боковые апсиды были добавлены к кафоликону Великой Лавры по инициативе Св. Афанасия, погибшего во время строительных работ. Первоначальный кафоликон Хиландара, построенный ок. 985 или ок. 1015 г., не имел боковых апсид. Около 1029–1030 гг. боковые апсиды были добавлены к кафоликону Ивирона.

---

⁴⁰⁰ *Βοκοτόπουλος*, 1990. Σ. 384, *υποσημ.* 9.

⁴⁰¹ *Μιλονας*, 1995. См. также: *Ματαλουκας*, 2011. Ρ. 40–44, nt. 31 (библиография).

В целом представление Милонаса о такой эволюции афонского типа храма в местных условиях было принято большинством исследователей. Раннехристианские сооружения, местные македонские триконхи или восточные образцы продолжали фигурировать в работах 1980–2000-х гг. как возможные источники заимствования идеи боковых конх⁴⁰². При этом никому из ученых не удалось выявить какие-либо конкретные причины для создания и утверждения именно такого типа храма на Афоне, как и найти конкретные прототипы. Не было предложено и удовлетворительных объяснений того, в чем именно заключалась необходимость добавления боковых конх.

Новый этап исследования афонских триконхов открывает работа С. Мамалукоса⁴⁰³. Опорой для него стало архитектурно-археологическое изучение кафоликона монастыря Ватопед, где были проведены частичные раскопки. В результате Мамалукос доказал, что это здание изначально имело боковые конхи. Поскольку кафоликон Ивирона во всем повторяет Ватопед, Мамалукос полагает, что и этот храм изначально представлял собой такой же крестово-купольный триконх с четырьмя опорами. Храм скита Св. Димитрия, принадлежавшего монастырю Ватопед, также воспроизводит главный храм этого монастыря. Таким образом, гипотеза Г. Милле о том, что образцом для всех храмов афонского типа был кафоликон Великой Лавры, не подтвердилась: как доказал еще Милонас, боковые апсиды были пристроены к нему позднее. По мнению Мамалукоса, Милонас не прав в том, что на Афоне возникает и развивается идея добавления боковых конх к храмам. Мнение о том, что некое подобие боковых конх появилось в Протате в результате перестройки, оказалось несостоятельным⁴⁰⁴. Кроме кафоликона Великой Лавры, имеющего сложную строительную историю, других случаев, где можно предполагать

---

⁴⁰² Напр., *Steppan*, 1995. S. 118–119, 122–125; *Γκιολές*, 1987. Σ. 103–105; *Оустерхаут*, 2005. С. 105.

⁴⁰³ *Μαμαλούκος*, 2001.

⁴⁰⁴ *Ματαλουкас*, 2011. Ρ. 44.

более позднее добавление боковых конх, Мамалукос не видит. Напротив, он подчеркивает изначальность и цельность замысла триконховой схемы Ватопеда и Ивилона и полагает, что появление афонского типа храма связано именно с ними. Более вероятным исследователь считает наличие некоего общего образца для этих двух храмов, которые, в свою очередь, стали образцами для перестройки кафоликона Великой Лавры. В дальнейшем «афонский тип» получит распространение на Святой Горе уже в поздневизантийский и поствизантийский период⁴⁰⁵.

Вопрос о том, откуда и почему этот тип пришел на Афоне пока по-прежнему не находит удовлетворительного ответа. По мнению Мамалукоса, образцами для кафоликонов Ватопеда и Ивилона не могли быть маленькие провинциальные однефные триконхи в Македонии. Более вероятным источником исследователь считает Константинополь, хотя на данный момент подобные храмы там не выявлены⁴⁰⁶. Большинство других исследователей, как мы видели, тоже склоняются к мысли, что истоком афонского типа храма был все же Константинополь. Но была ли эта типология перенесена из столицы целиком, или же только ядро, к которому на Афоне добавились боковые конхи, — этот вопрос остается открытым. С нашей точки зрения, важно прежде всего понять, что обуславливало необходимость боковых конх?

На Афоне известно только одно назначение боковых экседр триконхов: это место для расположения монастырского хора, разделенного на две части для антифонного пения. Именно на такое назначение боковых конх указывали и все исследователи, занимавшиеся данным вопросом: Г. Милле, П. Милонас и в особенности В. Корач⁴⁰⁷. Ничего не известно ни о наличии захоронений внутри этих конх, ни о расположении в них

---

⁴⁰⁵ В диссертации В.Д. Мессиса (*Μέσσης*, 2010) собран полный каталог византийских и поствизантийских афонских триконхов и делается вывод о том, что такой тип храма был создан на Афоне в конце X в.

⁴⁰⁶ *Mamaloukas*, 2011. P. 46, nt. 114.

⁴⁰⁷ *Millet*, 1905. P. 73–74; *Id.*, 1919. P. 153; *Korach*, 1987/6. С. 136. *Μυλωνάς*, 1984; *Mylonas*, 1986; *Μυλωνας*, 1995. С. 46.

приделов, ни о какой-либо иной функции, которая прослеживалась бы по типиконам или иным документам. Обратим внимание на тот факт, что в восточных стенах боковых конх афонских храмов нет ниш. Нет и каких-либо особых иконографических тем росписей.

О том, что боковые конхи афонских монастырей использовались для размещения хоров, есть только два свидетельства источников Во-первых, это средневековое Житие св. Саввы Сербского, написанное Феодосием Хиландарцем. Повествуя о строительстве храма в Жиче, Феодосий упоминает, что св. Савва пристроил к храму «певницы по афонскому образцу»⁴⁰⁸. О том, что эти помещения предназначались для певчих, свидетельствует собственно их название⁴⁰⁹. При этом обращает на себя внимание интересный момент. Певницы, ставшие одной из отличительных черт рашских храмов, всегда имели прямоугольную форму. Какой-либо определенной необходимости для устройства певниц именно полукруглой формы в ранних моравских постройках выявить не удастся.

Второе свидетельство об афонской традиции размещать хоры в боковых конхах дает Григорович-Барский (1744 г.)⁴¹⁰. Он отмечает, что это удобно для входа и выхода певчих из храма и смены хоров во время неусыпного пения. Действительно, в афонских храмах в боковых конхах обычно есть порталы. Вероятно, как дополнительные входы в храм эти пространства использовались и в связи с большим количеством паломников. Если причины, по которым эта форма на Афоне появилась, остаются неясными, то вполне понятно, почему она здесь прижилась.

В действительности, вопрос об изначальном назначении боковых конх афонских храмов для хоров не так прост, как кажется. Во-первых, весьма проблематично молчание ранних источников по этому поводу. Во-вторых, подобные традиции антифонного пения существовали не только на

---

⁴⁰⁸ *Теодосије Хиландарац*, 1860. С. 135.

⁴⁰⁹ *Чанак-Медић*, 1992. С. 44.

⁴¹⁰ *Григорович-Барский*, 2004. С. 95, илл. между с. 77 и 78.

Афоне: они были и в константинопольских, и в малоазийских, и в иерусалимских монастырях и во многих других регионах. При этом боковые конхи не стали отличительной чертой храмов в других монастырских центрах⁴¹¹, тогда как в ближайшем к Афону охридско-преспенском регионе строились другие триконхи, имевшие явно другие функции боковых конх.

Важнейший для нашего исследования вопрос по-прежнему остается без ответа: почему после установления неразрывных сербско-афонских связей с конца XII в., после двух столетий сербского строительства на Афоне и активного участия афонских монахов в возведении сербских храмов, форма триконха оказывается востребованной только XIV в.? Это кажется тем более трудно объяснимым в тот период, когда отношения Сербии и Афона оказались сильно осложнены конфликтом между сербской Церковью и Константинополем (1350–1375), отказавшимся признать ее в ранге патриархии.

Все эти соображения не позволяют нам согласиться с тем, что единственным объяснением появления боковых конх в моравских храмах можно считать их заимствование с Афона.

Итак, рассмотренные памятники позволяют сделать вывод, что форма триконха была хорошо известна и широко распространена на Балканах и в V–VI вв., и с IX до XI в., и встречается даже в XII в. Выявить существование какого-то образца, который прояснил бы причины распространения такой типологии, не удастся. Балканские триконхи известны в нескольких разновидностях и заметно отличаются друг от друга по своей конфигурации, композиции и стилистике. На Афоне в конце X – начале XI в. появляется несколько крупных и роскошных соборов, представляющих собой крестово-купольные храмы на четырех опорах с

---

⁴¹¹ Например, в Закавказье боковые конхи не были связаны с какими-либо литургическими функциями. См.: *Казарян*, 2005. С. 26.

боковыми конхами по сторонам подкупольного квадрата, имеющими проходы. Предположительно, их боковые конхи использовались для размещения монастырских хоров; во всяком случае, какие-либо другие функции боковых конх афонских триконхов не известны. Во всех других балканских областях (район Охрида и Преспы, Адриатическое побережье, внутренние сербские земли) в IX–XI вв. широкое распространение получает другая разновидность триконха. Это небольшие однонефные постройки, заметно отличающиеся по стилю. В их боковых конхах нет проходов, зато очень часто есть захоронения и иногда — ниши или даже апсиды. Можно предположить, что они функционировали как приделы для поминальных служб.

С XIV в. погребения или ниши в боковых конхах снова встречаются в македонских и сербских храмах, таких как церковь Архангелов в Кучевиште, Рджавац, Лешье, Липовац, Павловац и др., о чем пойдет речь позже. Все эти церкви — небольшие однонефные триконхи, в их боковых конхах нет порталов. Возникает закономерный вопрос: нет ли связи между этими группами памятников? Такая перспектива кажется тем более интересной, что культы просветителей славян вновь оживляются в первой половине XIV в. Это могло быть одним из обстоятельств, заставившим вспомнить о ранних триконхах. Именно в середине XIV в. церкви свв. Наума и Климента в Охриде перестраиваются. Древний триконх св. Климента превратился в алтарную часть нового расширенного храма, а почитаемое захоронение святого оказалось таким образом с юга от подкупольного квадрата у восточной стены южного рукава креста. Церковь монастыря Св. Наума Охридского была поновлена в этот же период. Определенное сходство с древними охридскими триконхами имеет церковь Св. Андрея на Треске близ Скопье (1389 г.), боковые конхи которой не

выражены снаружи⁴¹². Это типичная задужбина феодального правителя, одновременная моравским триконхам эпохи князя Лазаря.

Попытка связать моравские постройки с группой триконхов IX–XI вв. уже предпринималась М. Васичем⁴¹³. Однако исследователь лишь на основании некоторого общего типологического сходства попытался объяснить обращение к древним монастырским образцам распространением исихазма и нового возрождения монастырской жизни в Сербии в конце XIV в. В таком виде гипотеза о возможности прямого обращения к прототипам IX–XI вв. кажется нам мало обоснованной.

Несмотря на то, что триконхи IX–XI вв. действительно во многом сходны с ранними моравскими постройками, мы не считаем возможным проводить между ними прямые связи, поскольку они слишком далеко отстоят друг от друга по времени. Между ними пролегают как минимум два столетия, на которые приходится сложение и расцвет как самого Сербского государства, так и собственно сербской традиции в архитектуре. В XIII в. эта традиция сформировалась как явление хоть и связанное с византийскими истоками, но вполне своеобразное, имеющее свою собственную логику развития, которая продолжалась и во второй половине XIV в. Как уже было сказано, многие региональные особенности сербской архитектуры были связаны с устройством особых пространств для ктиторских погребений и поминальных служб, а также для раков с мощами чтимых сербских святых и посвященных им богослужений. Полагаем, что именно к этой собственной логике развития сербской архитектуры и следует прежде всего обратиться в поисках истоков моравских триконхов.

---

⁴¹² *Prolović*, 1997; *Ćurčić*, 2010. P. 643–644.

⁴¹³ *Vasić*, 1928. С. 118–119, 218–220.

3.2. Приделы и их значение в архитектуре сербских храмовых комплексов XII-XIV вв.

Необходимость архитектурного оформления национальных особенностей литургической практики в начале XIII в. во многом обусловила формирование рашского типа храма с обязательными приделами. Приделы оказываются связанными с особыми культурами, положенными в основу сербской церковно-политической идеологии, — с почитанием св. Стефана Первомученика как покровителя сербского самодержавия, св. Стефана Немани как основателя независимого сербского государства и родоначальника святородной династии и св. Саввы как основателя сербской автокефальной Церкви⁴¹⁴. При этом на протяжении более чем двухсотлетнего развития сербской архитектурной традиции приделы в разное время оформлялись по-разному и располагались в разных местах храма, во многом определяя его композицию. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

К тому времени, когда собственно сербская архитектурная традиция постепенно выделяется из византийской, на Балканах безусловно существовала традиция устраивать приделы в храмах. Однако до XIII в. в их появлении и распределении какой-либо системы не прослеживается⁴¹⁵. В двух первых постройках св. Стефана Немани, церкви Джурджеви Ступови (ок. 1171 г.)⁴¹⁶ и церкви св. Николая в Куршумлии (ок. 1166–1168 гг.)⁴¹⁷, приделы не были предусмотрены.

Когда между 1186 и 1196 гг. св. Стефан Неманя строит церковь Богородицы в Студенице, этот храм становится образцом, во многом предопределившим дальнейшее развитие сербского храмового зодчества.

---

⁴¹⁴ Калић, 1988; Максимовић Љ., 2009; Ђоровић-Љубинковић, 1958; Ђоровић-Љубинковић, 1961.

⁴¹⁵ Babić, 1969. P. 74–78.

⁴¹⁶ Нешковић, 1984. С. 25–95.

⁴¹⁷ В церкви Св. Николая имеется отдельное помещение с куполом, примыкающее с южной стороны к подкупольному квадрату. Вероятно, оно изначально было задумано как усыпальница, и только в более позднее время превращено в придел с алтарной нишей. См. Вуловић Б., 1957/1; Шупут, 2000; Љубинковић, 1968.

Полагаем, что приделы, ставшие впоследствии неотъемлемой чертой построек Рашской школы, впервые появились именно в Студенице, а не в Жиче, как считала Г. Бабич и другие исследователи⁴¹⁸. Однако произошло это не на первом этапе строительства, а ок. 1208–1209 г., в связи с формированием культа св. Стефана Немани и разработкой сербской церковно-государственной идеологии, осуществленной его сыновьями св. Стефаном Первовенчанным и св. Саввой Сербским⁴¹⁹. Сразу после кончины св. Стефана-Симеона св. Савва составил первые варианты жития и службы памяти, внес дополнения в устав Хиландара и начал составление устава для Студеницкого монастыря⁴²⁰. Ок. 1207 г. св. Савва перенес мощи своего отца в Студеницу, где они были положены в саркофаг, поставленный у южной стены внутреннего нартекса⁴²¹.

По нашему мнению, именно в связи с разработкой культа св. Стефана-Симеона в Студеницком храме ок. 1208–1209 гг. появились приделы (парекклесии), размещенные в примыкающих к подкупольному квадрату притворах. О том, что в Студенице боковые компартименты, первоначально служившие дополнительными входами, могли быть превращены в парекклесии, свидетельствует наличие ниш в их восточных стенах. Напомним, что ниши в боковых конхах, фланкирующих подкупольный квадрат, достаточно часто встречались в триконхах IX–XI вв. (церкви Св. Наума и Св. Климента в Охриде, церковь Иоанна в Затоне на Лиме и др.). Подобные ниши в компартиментах к северу и югу от подкупольного квадрата мы встречаем и в Студенице, а затем — в Жиче, т.е. в двух ключевых памятниках рашского периода, с которых начинается традиция литургического оформления ктиторских культов.

---

⁴¹⁸ *Babić*, 1969. P. 52; *Кашанин, Бошковић, Мијовић*, 1969. С. 67; *Гавриловић*, 1988. С. 185–186; *Чанак-Медић*, 1995. С. 80; *Мальцева*, 2010.

⁴¹⁹ *Мальцева*, 2010.

⁴²⁰ *Поповић Д.*, 1992. С. 26; *Петровић М.*, 1986/1. С. 11–41.

⁴²¹ *Максимовић Љ.*, 2008. С. 305–312.

До сих пор так и не было предложено какого-либо убедительного объяснения появления ниш в боковых притворах Студеницы⁴²². Судя по сохранившейся в этих нишах живописи и мраморной облицовке, они не были изначальными. На мраморной облицовке, выполненной одновременно с росписью храма, на высоте между 1,20 м и 1,53 м от пола хорошо видны заплатки, свидетельствующие о примыкании каких-то конструкций. Живопись в конхах ниш, поновленная в XVI в., как предполагают исследователи, воспроизводит росписи 1208–1209 гг. По иконографии она вполне соответствует алтарным программам⁴²³. Поскольку в конхах ниш размещены тронные образы Христа Пантократора и Богородицы Кириотиссы, В. Джурич⁴²⁴ полагал, что приделы были посвящены Христу и Богородице. Такое определение посвящений не кажется нам обязательным. В качестве альтернативной гипотезы можно предположить, что приделы были посвящены св. Николаю (южный) и св. Стефану (северный), поскольку на примыкающих к притворам стенах наоса имеются симметричные крупные изображения этих святых, небесных покровителей св. Стефана Немани.

Устройство этих ниш, видимо, имело существенное значение, так как представляло не единичный случай. Аналогичное решение, вслед за Студеницей, было осуществлено в нескольких других храмах. В храме Вознесения в Милешево в южной певнице в толще восточной стены имеется конха с образом Богородицы, а рядом, на примыкающей стене наоса, — выделенное крупным масштабом изображение св. Стефана

---

⁴²² Высказывалось предположение, что в нишах притворов размещались проскинитарии, которые нередко можно видеть в нартексах сербских храмов (*Korać*, 1977. Р. 12). Однако конфигурация и размеры ниш не позволили серьезно рассматривать эту гипотезу. Согласно еще одному предположению (*Кашанин и др.*, 1986. С. 49), на восточной стене этих ниш могли быть устроены водосвятные чаши, но никаких аналогичных случаев в сербских храмах так и не было выявлено.

⁴²³ *Радојчић*, 1963. С. 21; *Кашанин и др.*, 1986. С. 146–149, 162–167; *Гавриловић*, 1988. С. 185–186.

⁴²⁴ *Бурић В.*, 1985.

Архидиакона (живопись до 1228 г.)⁴²⁵. В церкви Преображения в Придворице на восточной стене южной певницы тоже имеются следы присутствия ниши⁴²⁶. В церкви в Градаце (последняя четверть XIII в.), архитектурная и иконографическая программа которой специально создавалась по образцу Студеницы, в единственно уцелевшем южном компартименте, в толще восточной стены имелась аналогичная ниша, к тому же изначально выявленная выступающей на фасаде апсидой⁴²⁷. Таким образом, у нас есть достаточно оснований полагать, что парекклесии рашских задужбин восходят именно к Студенице, усыпальнице св. Стефана Немани.

Дальнейшее развитие сербской темы в парекклесиях мы находим в Жиче⁴²⁸. Как уже было сказано выше, Жичский храм должен был совместить функции архиепископии и усыпальницы первого сербского короля, а также стать одним из главных сербских монастырей. Не удивительно, что в основу композиции строящегося храма закладывается афонская схема, которая в новых условиях должна была быть пересмотрена. В первую очередь, это коснулось непосредственно ядра и примыкающих к подкупольной зоне компартиментов. В жичском храме эти компартименты впервые отчетливо определяются как певницы⁴²⁹, впоследствии также ставшие обязательной частью в составе сербских храмовых комплексов. Судя по названию и по аналогии с афонскими храмами, главное назначение этих компартиментов — размещение хора, о чем мы уже упоминали выше. Кроме того, в сербских храмах эти компартименты часто использовались для размещения тронов церковных иерархов, а также реликвий⁴³⁰. В новых условиях потребовалось найти другое место для приделов, связанных с сербскими культами. В Жиче эти

---

⁴²⁵ См. *Ђорђевић*, 1987. С. 73.

⁴²⁶ *Кораћ*, 1987/8. С. 163.

⁴²⁷ *Кандић*, 2005. С. 87.

⁴²⁸ См. с. 41–43.

⁴²⁹ *Кашанин*, *Бошковић*, *Мијовић*, 1969. С. 66; *Кораћ*, 1987/8. С. 148.

⁴³⁰ *Роновић*, 2003. Р. 164–165.

парекклесии были посвящены св. Савве Иерусалимскому (святому покровителю Саввы Сербского и одному из основателей монашества) и св. Стефану Архидиакону (святому покровителю Стефана Первовенчанного, св. Симеона Мироточивого и сербского самодержавия). Эти важные с идеологической точки зрения приделы были отнесены к западу и разместились по сторонам от экзонартекса. Такой вариант, скорее всего, был подсказан архитектурой афонской Великой Лавры или Ватопеда. Однако, в отличие от святогорских парекклесиев, ни в этих, ни в других сербских приделах не было захоронений, которые в храмах рашского периода размещались во внутреннем нартексе⁴³¹.

Итак, в первых рашски храмах (Студеница, Милешева и, возможно, Придворица) приделы примыкали к подкупольному квадрату. Начиная с Жичи за этими компартиментом закрепляется функция певниц, а приделы переносятся в западную часть храма, где они фланкируют экзонартекс. Таким образом, вся западная часть комплекса оказывается связана с поминовением ктитора и почитанием святых покровителей сербского государства и Церкви. Эта схема стала одной из отличительных особенностей сербских церквей и затем воспроизводилась (иногда с некоторыми вариантами) в большинстве храмов рашской школы: в Придворице (вероятно, первая четверть XIII в.)⁴³²; в Мораче (ок. 1254 г.)⁴³³, в церкви Свв. Апостолов в Пече (1230-е гг.)⁴³⁴ и др. Описанная схема повлияла и на облик более ранних построек. Приделы с западной стороны, предназначенные для служб особо почитаемым в Сербии святым, добавляются в Студенице (Радославов нартекс, ок. 1234 г.)⁴³⁵, в Милешеве

---

⁴³¹ См. с. 37, 43.

⁴³² *Кораћ*, 1987/8.

⁴³³ По всем основным признакам храм следует отнести к рашской школе, однако его существенно отличает наличие всего лишь одного придела в западной части (с северной стороны). См. *Чанак-Медић*, 1989. С. 20.

⁴³⁴ *Ђирковић*, *Кораћ*, *Ђурић*, 1990; *Чанак-Медић*, 1995. С. 34.

⁴³⁵ *Бабић*, *Кораћ*, *Ђирковић*, 1986. С. 53–58.

(ок. 1237 г.)⁴³⁶, в церкви Богородицы Хвостанской (третье десятилетие XIII в.)⁴³⁷, в Столпах св. Георгия в Беране⁴³⁸, в задужбине князя Мирослава в Белом Поле⁴³⁹, в церкви св. Николая в Куршумлии⁴⁴⁰ и др.

Обращает на себя внимание, что воспроизведение данной схемы в Студенице, задужбине самого св. Стефана Немани, оказалось сопряжено с появлением боковых конх по сторонам от пристроенного ок. 1234 г. так называемого Радославова нартекса. В них были устроены приделы, посвященные св. Стефану Немане и его небесному покровителю, св. Стефану Первомученику. Полагаем, что такой способ выделения приделов мог быть подсказан упоминавшейся выше балканской традицией строительства триконхов. Впрочем, он находит аналогии и в византийской монастырской традиции оформления нартексов, которые также использовались для поминальных служб (например, в кафоликоне Неа Мони, в храме Богородицы в Асину на Кипре и др.)⁴⁴¹.

Однако уже во второй половине XIII столетия сложившаяся схема размещения приделов начинает изменяться. Около 1264 г. Урош I построил церковь Св. Троицы в Сопочанах, которую он собирался сделать не только своей задужбиной-усыпальницей, но и местом упокоения других

---

⁴³⁶ В Милешево еще два придела были добавлены с запада, по сторонам нового экзонартекса, на втором этапе строительства храма, связанном с перенесением мощей Св. Саввы из Тырнова в 1237 г. См.: *Радойчић*, 1963. С. 32–35; *Маринковић*, 1987; *Тодић*, 1987, С. 86).

⁴³⁷ Здесь приделы с полукруглыми апсидами, не выявленными снаружи, располагаются в нижних ярусах двух башен, пристроенных с запада вместе с экзонартексом. В неизвестное время к главной апсиде храма были добавлены также диаконник и жертвенник. См.: *Задужбине Косова*, 1987. С. 23–24.

⁴³⁸ *Дероко А*, 1985. С. 69, 106.

⁴³⁹ *Медојевић*, 2000. С. 84–88.

⁴⁴⁰ Между 1171 и 1219 гг. в основании одной из башен с западной стороны храма был устроен придел с неизвестным посвящением (*Джурич*, 2000. С. 95). Вероятно, в это же время в придел была также превращена постройка, примыкающая с южной стороны к подкупольному квадрату наоса.

⁴⁴¹ *Кораћ*, 1987/7; *Babić*, 1969.

представителей династии Неманичей, т.е. новым средоточием их культа⁴⁴². Этот замысел воплотился в умножении приделов. Здесь их уже четыре: к двум западным приделам добавились еще два с востока, размещенные в пастофориях. Южный был посвящен Св. Николаю⁴⁴³ или Св. Савве Сербскому⁴⁴⁴. Западные боковые приделы посвящены Св. Стефану-Симеону Немане (южный) и Св. Архидиакону Стефану (северный)⁴⁴⁵.

Другая задужбина Уроша I и Елены, монастырь Градац, был построен примерно в то же время по образцу Студеницы⁴⁴⁶. Как и в Сопочанах, здесь есть приделы с запада, но кроме того, в восточной стене южной певницы имеется ниша, относящаяся к средневековому периоду, выраженная с внешней стороны апсидой⁴⁴⁷. Вероятно, стремление воспроизвести композицию Студеницкого храма здесь соединилось с новой тенденцией, наметившейся в Сопочанах.

Еще один пример трансформации рашского типа храма представляет собой монастырь Давидовица⁴⁴⁸. Церковь была построена в конце XIII в. уже без приделов с запада. После смерти и канонизации подвизавшегося здесь прп. Давида, изначальная структура храма была изменена. В начале XIV в. боковые певницы были превращены в приделы, один из которых был посвящен прп. Давиду, вероятно, здесь же погребенному.

Тенденция к перенесению приделов в восточную часть храма в более отчетливой форме воплощается в храме в Арилье (до 1296 г.). Постройка сохраняет общее для рашских храмов пространственное решение, однако в структуре литургического устройства храма происходят существенные изменения. В западной части этого храма приделов предусмотрено не

---

⁴⁴² См. *Бурић В.*, 1963/1; *Мандић*, 1965; *Марковић*, 1969. С. 97–98.

⁴⁴³ *Бурић В.*, 1963/1. С. 86. В западной части южной стены имеется большое полуфигурное изображение Св. Николая.

⁴⁴⁴ *Николић Р.*, 1980.

⁴⁴⁵ *Бурић В.*, 1963/1. С. 80–84.

⁴⁴⁶ *Кандић*, 2005.

⁴⁴⁷ В восточной стене северной певницы в более позднее время был сделан проход.

⁴⁴⁸ *Чанак-Медић*, 1981.

было. Они оказались перенесены в пастофории: южный (диаконник) был посвящен св. Николаю, северный — св. архидиакону Стефану⁴⁴⁹. В обоих компартаментах находятся захоронения, что тоже выходит за рамки традиций.

В храмах эпохи Милутина уже выявляется устойчивая тенденция к освобождению западной части от парекклесиев, что изменяет архитектуру здания в целом. Парекклесии переносятся к востоку, как правило, в пастофории, а в их посвящениях далеко не всегда имеется связь с Неманичами. Очевидно, это было обусловлено стремлением не противоречить византийским традициям.

Так, в результате осуществленной при Милутине перестройки церквей Богородицы Левишки и Старо Нагоричино старые приделы с захоронениями, примыкавшие к нартексу с запада, были заменены новыми, размещенными в пастофориях и в восточных частях обходных галерей⁴⁵⁰.

Новой схеме следует Грачаница⁴⁵¹. Два придела в честь Богородицы и Св. Николая с прекрасно сохранившимися престолами были устроены в пастофориях⁴⁵². Уже в XIV в. в этих компартаментах появились оформленные аркосолиями захоронения, которые датируются по живописи. Так к традиционным функциям диаконника и жертвенника добавляются дополнительные.

Вопрос о происхождении приделов в Грачанице рассматривается в монографии С. Чурчича⁴⁵³. Тот факт, что в Грачаницком храме приделы размещены в пастофориях, он объясняет заимствованием греческой

---

⁴⁴⁹ Чанак-Медић, 2002. С. 176, прим. 204. Возможно, эта новая черта была связана с особенностями заказа. Будучи задужбиной Драгутина, храм не предназначался для погребения ктитора, которое было устроено в часовне на территории монастыря Джурджеви Ступови (Нешковић, 1984. С. 16–19).

⁴⁵⁰ Ненадовић, 1956; Ненадовић, 1963. Табл. IV–V; Кораћ, 2003. С. 38–44; Мальцева, 2012/1.

⁴⁵¹ Ђурчић, 1988. С. 87–120.

⁴⁵² Тодић, 1999. С. 132–134.

⁴⁵³ Ђурчић, 1988. С. 87, 91–95.

композиционной схемы раннего XIV в. из Салоник. С нашей точки зрения, это может быть не единственным объяснением, поскольку, как говорилось выше, подобное размещение приделов встречалось в сербских храмах до строительства Грачаницы и было подчинено общей логике развития сербской архитектуры. Говоря об архитектуре Грачаницы, С. Чурчич присоединяется к мнению Г. Бабич о том, что исчезновение западных приделов в сербских храмах первой половины XIV в. было обусловлено распространением Никодимова устава⁴⁵⁴. Мы не можем согласиться с этим предположением по ряду причин.

Как известно, игумен Хиландарского монастыря Никодим составил на базе новоиерусалимского устава новый типикон, предназначенный специально для архиерейского богослужения в архиепископском храме⁴⁵⁵. Став сербским архиепископом, Никодим вводит свой устав в Пече в 1319 г. Однако нет достаточных оснований утверждать, что этот устав получил в Сербии повсеместное распространение уже в это время. Даже в Хиландаре этот типикон не использовался, поскольку здесь в 1330-е гг. монахом Романом был составлен другой аналогичный типикон⁴⁵⁶. Сохранившиеся списки Никодимова устава относятся к более позднему времени⁴⁵⁷. Определенно можно сказать, что устав новоиерусалимского типа (редакции Никодимова и Романова типиконов) распространяется в Сербии к концу XIV в. — началу XV в., что действительно отражается в архитектуре. Как справедливо указывала Г. Бабич, введение Никодимова устава должно было привести к выделению роли нартекса, поскольку именно там предписывалось служить панихиды⁴⁵⁸. Однако в храмах первой половины

---

⁴⁵⁴ Там же. С. 87–88.

⁴⁵⁵ *Мирковић*, 2007. С. 050–052.

⁴⁵⁶ Там же. С. XXVII.

⁴⁵⁷ *Дмитриевский*, 1917. С. 768; *Мирковић*, 2007. С. LIX–LX. Древнейший из списков Никодимова устава был вложен в Дечаны (1335–1346 гг.), однако этот храм имел совершенно особый статус.

⁴⁵⁸ *Babić*, 1969. P. 53. Характерно, что в тексте Никодимова устава говорится о нартексах, но ничего не говорится о приделах.

XIV в. мы наблюдаем обратную тенденцию. Небольшие ажурные внешние нартексы сменяют те обширные и сложные структуры, которые были характерны для рашских храмов. Внутренние нартексы, включенные в храмовое пространство, сокращаются и никак не выделяются. Только в конце XIV — начале XV в. во многих храмах появляются большие внешние нартексы, нередко изменяющие первоначальную композицию (например, в Раванице, Липовце, Ресаве, Калениче и др.)⁴⁵⁹. Поэтому мы не видим оснований полагать, что тенденция к перенесению приделов на восток в конце XIII — начале XIV в. была связана с Никодимовым уставом.

При Душане Сильном в церковном строительстве вновь становится актуальным выявление сербской специфики. Это проявляется и в облике некоторых храмов, и в их посвящениях, и в иконографии росписей, и в умножении приделов.

Выше мы уже говорили о Дечанском храме и о том, что в его архитектурной программе наглядно прослеживаются по-новому претворенные рашские традиции⁴⁶⁰. Несмотря на отличия в типологии, в распределении пространственных зон храма четко выдержана рашская схема. При этом приделы здесь разместились, в основном, в восточной части: один из них, посвященный Богородице, располагался в диаконнике, два других — в восточных частях обходных галерей (с севера — придел Св. Димитрия, справа — Св. Николая). Захоронений нет ни в одном из них. Размещение приделов в восточной и центральных частях храма и отсутствие их с западной стороны продолжает традицию эпохи Милутина⁴⁶¹. В росписях дечанских приделов на первое место выходит

---

⁴⁵⁹ Вуловић Б., 1966. С. 67–82.

⁴⁶⁰ Тодић, Чанак-Медић, 2005.

⁴⁶¹ В разных разделах последней монографии о Дечанах (Тодић, Чанак-Медић, 2005. С. 249, 254–255, 434 и др.) приделы подробно описаны. Пытаясь найти причины их размещения в восточной части храма, исследователи возвращаются к гипотезе Г. Бабич о влиянии изменений в литургической практике на рубеже XIII–XIV вв. Как мы

тема особого покровительства небесных заступников сербской правящей династии и Церкви, в связи с чем повсюду редкие и даже уникальные по иконографии сцены⁴⁶².

Сербские темы продолжают в росписях экзонартекса, пристроенного около 1350 г. Сам факт появления большого экзонартекса в Дечанах очень важен. Как было сказано выше, начиная с периода Милутина и вплоть до конца XIV в. преобладала тенденция освобождать храмы от обширных западных частей. Вероятно, экзонартекс в Дечанах появляется в связи с использованием именно здесь Никодимова устава, а также в связи с ориентацией на Студеницу и рашские традиции. Над входом в экзонартекс представлены св. Стефан Дечанский и Душан, предстоящие Христу, уподобленные Давиду и Соломону, изображенным рядом⁴⁶³. Вся северная часть экзонартекса, в которой служились панихиды, связана с родовыми культами сербских правителей. Здесь помещены многочисленные изображения Неманичей, а также представлен настоятель Дечанского монастыря Арсений II, припадающий к св. Савве Сербскому и архиепископу Иоанникию⁴⁶⁴.

Важной особенностью является устройство в северо-восточной части Дечанского экзонартекса еще одного придела⁴⁶⁵. Придел св. Георгия, упоминаемый в средневековых источниках, не имеет архитектурного оформления и обозначен только живописными средствами: в верхней части восточной стены размещен житийный цикл св. Георгия, а в нижней изображено Поклонение Жертве — типичный сюжет для украшения алтарной апсиды. Отсутствие развитого архитектурного оформления особой пространственной зоны внутри храма — новое явление, однако, уже имевшее место в наосе Дечанского храма. Кроме оформления, придел

стремились показать выше, эти изменения начались раньше и не могли быть связаны с введением Никодимова устава.

⁴⁶² *Тодић, Чанак-Медић*, 2005; *Захарова, Мальцева*. 2013. С. 134–135.

⁴⁶³ *Тодић, Чанак-Медић*, 2005. С. 414, 440.

⁴⁶⁴ Там же. С. 444.

⁴⁶⁵ *Поповић Д.*, 1988. С. 232.

св. Георгия интересен тем, что он был устроен одним из приближенных Душана по имени Георгий Остоуша Печпал, который, вероятно, за какие-то особые заслуги, получил благословение правителя на устройство своей родовой усыпальницы в Дечанском храме. Вдоль северной стены экзонартекса поставлен саркофаг, над которым изображен св. Георгий, подводящий ктитором с мешочком денег ко Христу⁴⁶⁶.

Очень интересными и показательными для эпохи Душана оказываются те случаи, когда по инициативе светских или церковных властей приделы пристраиваются к уже существующим храмам. Так, параллельно с возведением и росписью Дечанского храма были осуществлены перестройки и новые росписи в Печской патриархии. Работы начались еще при крале Милутине и архиепископе Никодиме и были закончены при Душане и архиепископе (впоследствии патриархе) Иоанникии⁴⁶⁷. Ядром и наиболее древней частью этого комплекса является церковь Свв. Апостолов, возведенная ок. 1230 г. в традициях Рашской школы. Она включала в себя и два придела с запада, по сторонам внутреннего нартекса. В XIV в. эта структура была изменена в соответствии с новыми идеями. При расширении комплекса на месте старых приделов возникают два отдельных самостоятельных храма, связанных с церковью Свв. Апостолов только внешним полуоткрытым нартексом. В южной церкви Богородицы Одигитрии (ок. 1330 г.) в боковых апсидах по сторонам от алтаря было устроено два придела: северный посвящен преемнику св. Саввы св. Арсению I, южный — св. Иоанну Предтече. Кроме того, с южной стороны от алтаря примыкает еще один придел в честь св. Николая⁴⁶⁸. В приделе св. Арсения представлены сцены из его жития, составленного ктитором храма архиепископом Даниилом. В конхе изображены сослужащие свв. Савва Сербский и Арсений I, так же,

---

⁴⁶⁶ Поповић Д., 1992. С. 112–113; Тодић, Чанак-Медић, 2005. С. 446.

⁴⁶⁷ Бурић, Ђирковић, Кораћ, 1990. С. 185–223.

⁴⁶⁸ Там же. С. 83–91.

как в росписях XIII в. в жертвеннике главного храма свв. Апостолов; эта композиция была повторена и в росписи придела св. Дмитрия в Дечанах. Тема преемственности иерархов Сербской Церкви от св. Саввы и утверждение ее легитимности в новых условиях преодоления разногласий между сербской и охридской архиепископией была очень важна.

Эта тема находит продолжение в росписи придела св. Георгия, устроенного в древнем храме св. Троицы в Сопочанах по инициативе Душана и его супруги Елены, вероятно, ок. 1345 г. Здесь были сделаны два новых придела путем закладки промежутков между певницами и старыми приделами. Точное время создания фресок этих новых приделов и посвящение южного из них являются спорными⁴⁶⁹, однако в росписи апсиды придела св. Георгия (новый придел с северной стороны) снова появляется изображение сослужащих свв. Саввы и Арсения I⁴⁷⁰.

К числу ктиторских заказов Душана следует отнести и обновление храма монастыря Тресковац (после 1334 г.), где достраивается двухкупольный нартекс и появляются обширные пристройки вдоль южной и северной стен храма, включающие несколько приделов, различных по конфигурации и типу⁴⁷¹. Сохранность не позволяет составить представление о формах и программе росписи этих приделов. Примечательно, что процесс обстройки в скором времени продолжился добавлением еще одного южного придела (1350-е гг.), после того, как храм был передан на попечение одному из придворных аристократов Душана⁴⁷².

Ктиторская деятельность душановых вельмож также очень часто выражалась не столько в строительстве новых храмов, сколько в добавлении к более старым зданиям приделов, нартексов-лито, устройстве захоронений, появлении росписей с ктиторскими композициями и т.д. При

---

⁴⁶⁹ Николић Р., 1980.

⁴⁷⁰ Бурић В., 1963/1. С. 95.

⁴⁷¹ Джурич, 2000. С. 164.

⁴⁷² Там же. С. 225.

преобладавшем в этот период многообразии архитектурных решений это оказалось самым распространенным способом акцентирования родовых (национальных) традиций.

Церковь Спаса в Кучевиште близ Скопье, принадлежавшая семье сербских аристократов, была построена ок. 1330⁴⁷³. Изначально на месте диаконника здесь был двухъярусный придел, посвященный св. Николаю. Между 1330 и 1337 гг. к храму пристраивается нартекс, и в нем устраиваются приделы с родовыми захоронениями. В росписях этих пристроенных частей появляются изображения Душана и ктиторов⁴⁷⁴. Интересно, что приделы-гробницы здесь получают оформление в виде своеобразных глубоких аркосолиев, с нишами в толще восточных стен. Оформление погребений аркосолиями — распространенная во второй четверти XIV в. практика, однако приделы-аркосолии — это новое архитектурное решение. В результате композиция храма с приделами в западной части по сторонам нартекса, с ктиторскими погребениями, очень напоминает программы задужбин рашского периода.

В храме Свв. Архангелов в Штипе⁴⁷⁵, возведенном, предположительно, ок. 1332 г. протосевастом Хрелем, один придел был сделан с юго-востока⁴⁷⁶, что в то время было обычной практикой. Однако несколько позднее в интерьере храма была сделана дополнительная выгородка в северо-западном углу и устроен еще один придел, по всей видимости, в связи с ктиторским захоронением.

В связи с рассматриваемым вопросом очень интересна церковь Св. Георгия в Горнем Козяке⁴⁷⁷. Около середины XIV в. к более древнему храму (предположительно IX в.) с запада были добавлены два симметрично расположенных купольных придела, фланкирующих нартекс.

---

⁴⁷³ *Кораћ*, 2003. С. 129–152.

⁴⁷⁴ *Радојчић*, 1966. С. 128–130; *Джурич*, 2000. С. 164.

⁴⁷⁵ *Кораћ*, 2003. С. 129–152.

⁴⁷⁶ *Millet*, 1919. P. 114–116, ill. 121.

⁴⁷⁷ *Грујић*, 1955; *Расолкоска-Николовска*, 1970. С. 223–226; *Джурич*, 2000. С. 179.

Кроме того, и во внутреннем пространстве, в компартиментах, примыкающих к подкупольному квадрату, были устроены ниши в толще восточной стены. В северной нише находится изображение св. Стефана в специфически сербской иконографии, со свитком в руке. В южном компарimente имеется хорошо сохранившееся захоронение. Все эти факты позволяют предположить, что здесь также были устроены приделы, оформленные в соответствии со старыми рашскими традициями. Практика появления подобных ниш в восточных стенах компартиментов, фланкирующих подкупольное пространство, получит дальнейшее развитие в следующие десятилетия.

Полагаем, что именно необходимость выделения в пространстве храма особых зон, связанных с традиционными сербскими культами, можно рассматривать в качестве одной из причин сложения в третьей четверти XIV в. нового типа храма — триконха, ставшего основным в архитектуре следующего, моравского периода.

3.3. Моравские триконхи: проблемы их появления и назначения в условиях церковно-политических обстоятельств моравского периода сербской истории

После двухвекового перерыва триконхи снова появляются на Балканах в XIV в. Учитывая их распространенность в этом регионе и в ранневизантийский, и в средневизантийский период, возвращение к данному типу зданий во второй половине XIV в. может показаться естественным. Однако, с нашей точки зрения, для этого должны были иметься достаточно веские причины. Как мы уже говорили выше, объяснение появления триконхов в XIV в. простым заимствованием типичной для афонских кафоликонов формы боковых экседр не кажется нам удовлетворительным. Мы предполагаем, что возобновление строительства триконхов было связано с использованием их боковых

экседр в качестве приделов, связанных с ктиторскими захоронениями, поминальными обрядами и культами сербских святых. Эта практика могла быть подсказана более ранними традициями: и триконхами IX–XII вв., в боковых конхах которых имелись погребения и ниши, свидетельствующие о неких особых литургических функциях данных компартиментов; и храмами рашского и имперского периодов, в которых так или иначе обязательно выделялись специальные пространственные зоны для таких нужд.

Рассмотрим сначала более подробно те предпосылки для появления моравских триконхов, которые возникли в эпоху Душана.

Как уже говорилось выше, и сам Душан, и его вельможи стремятся всячески акцентировать сербскую специфику. Аристократы, утверждая свои права на новые земли⁴⁷⁸, возводят небольшие задужбины, в которых разными способами подчеркивают свою роль как ктитора, значимость своего рода, своего святого покровителя, свою связь со святородной династией Неманичей и свою приверженность сербским традициям. После распада империи Душана, в условиях борьбы за власть между несколькими аристократическими кланами, эти тенденции только усиливаются.

Как показал наш обзор в предыдущем разделе, на всем протяжении истории собственно сербской архитектуры эти идеологические аспекты чаще всего выражались в устройстве приделов. Мы видели, как эти приделы могли приобретать разную форму и перемещаться в разные части храма: в рашский период они обычно располагались с запада, в некоторых случаях могли фланкировать подкупольный квадрат, в конце XIII – первой половине XIV в. они нередко размещались в пастофориях или вовсе теряли архитектурное оформление, располагались в самых разных местах храма и обозначались только небольшими выгородками или живописью (как в

---

⁴⁷⁸ Samardžić, Ćirković, Zirojević, 1989. С. 23–50.

Дечанах). Последний вариант, появившийся в эпоху Душана и существовавший наряду с более привычной практикой пристройки к храму дополнительных частей, вполне мог подготовить новый подход к устройству приделов в боковых конхах экседр, открывающихся в подкупольное пространство и обозначенных лишь апсидами или нишами в восточных стенах.

Следует отметить, что до середины-второй половины XIV в. приделы никогда не имели формы экседры, за одним исключением: это приделы, посвященные св. Стефану Первомученику и св. Стефану Немане (Симеону Мироточивому) в Радославовом нартексе Студеницы (1234)⁴⁷⁹. Безусловно, Студеница и в XIV в. оставалась очень значимым образцом, и это тоже могло стать одной из причин возвращения к типологии триконха.

Также обращают на себя внимание происходящие в XIV в. изменения в практике устройства захоронений. В эпоху Милутина и Душана нередким становится совмещение приделов с захоронениями, чего раньше никогда не было (Арилье, Грачаница). Если в рашских постройках, начиная с кафоликона Студеницы существовало четко выделенное место для размещения погребений (западная травея или внутренний нартекс), то теперь они нередко помещаются по сторонам от подкупольного квадрата, что особенно важно для нашей темы. Погребения появляются в храмах в Давидовице⁴⁸⁰, а между 1355 и 1371 гг. устраиваются в южной певнице более старого храма в Арилье⁴⁸¹. Наличие такой тенденции, возможно, объясняет местоположение недавно открытых княжеских погребений второй половины XIV в. в южной экседре одного из ранних моравских триконхов — церкви Св. Стефана в Липовце⁴⁸².

Кроме того, погребения стали часто оформляться аркосолиями — полукруглой аркой, напоминающей по своей конфигурации апсиду.

---

⁴⁷⁹ *Бабих, Кораћ, Турковић*, 1986. С. 53–58.

⁴⁸⁰ *Лубинковић*, 1961; *Нешковић*, 1961; *Чанак-Медић*, 1981.

⁴⁸¹ *Чанак-Медић*, 2002. С. 241–243.

⁴⁸² *Поповић М.*, 2002.

Захоронения, оформленные аркосолиями, появляются уже в первой трети XIV в. в Грачанице⁴⁸³. Большой аркосолий, устроенный в юго-западной части придела в южном пастофории, украшен росписью. В эпоху Душана мы встречаем уже несколько таких погребений в храмах Печской патриархии: большой архитектурно выделенный аркосолий архиепископа Даниила в северо-западной части Богородичной церкви, а также гробница первого сербского патриарха Иоанникия в храме Свв. Апостолов, тоже оформленная аркосолием и росписью со сценой его погребения (ок. 1355)⁴⁸⁴. В этот же период аркосолием оформляется новое захоронение в Радославовом нартексе в Студенице по центру северной стены⁴⁸⁵. Подобные погребения появляются в нартексе церкви Спаса в Кучевиште близ Скопье (1330–1340-х гг.)⁴⁸⁶.

Иногда для ктиторских погребений строились специальные парекклесии. Парекклесионом источники называют храм-усыпальницу родоначальника династии Неманичей Десы (1163–1165) в Требинье, церковь Св. Павла в монастыре Св. Петра⁴⁸⁷. Эта вторая церковь монастыря — триконх, в западной части которого содержится архитектурно оформленное захоронение жупана Десы. В данном случае погребально-поминальная функция не вызывает сомнений.

Не совсем понятным остается назначение церкви Св. Николая — второго храма монастыря Архангелов под Призреном, задужбины Душана⁴⁸⁸. Призрен был в то время административным и духовным центром государства, и построенная там задужбина-усыпальница самого императора должна была иметь большое значение. Погребение Душана находилось в церкви Михаила Архангела, в юго-западной части храма, и не

---

⁴⁸³ Ђурчић, 1988. Сл. 14.

⁴⁸⁴ Бурић, Ђирковић, Кораћ, 1990. С. 115–120.

⁴⁸⁵ Николић, 1981; Кашанин и др., 1986. С. 74.; Поповић, 1992. С. 25.

⁴⁸⁶ См. с. 60, 190, прим. 167, 471.

⁴⁸⁷ См. с. 165, прим. 387.

⁴⁸⁸ Бошкович, 1967; Ненадовић, 1967. С. 78–102.

имело кенотафа: оно было закрыто плитой вровень с уровнем пола⁴⁸⁹. Именно так, без кенотафов, будет оформляться большая часть погребений моравского периода. Стоящий рядом отдельный парекклесион Св. Николая вполне мог быть предназначен для поминаения ктитора. Он имеет специфическую структуру, в которой совершенно особенным образом была намечена трехконховая композиция. Сам храм — однефный, его купол сильно сдвинут к западу, есть только открытый экзонартекс. На границе алтаря и зоны наоса в толще южной и северной стены появляются высокие полукруглые ниши, очень напоминающие боковые конхи, только не выраженные снаружи⁴⁹⁰. В этих нишах сохранились первоначальные фрески (в южной удастся различить фигуру св. Николая Мирликийского). Такая архитектурная вариация на тему небольшого однефного триконха позволяет предположить, что новая типология могла складываться в различных версиях, а не была единовременным заимствованием или воспроизведением уже готовой формы, привязанной к конкретному образцу.

После долгого перерыва триконхи снова появляются в Македонии в первой половине XIV в. Помимо кафоликона Хиландара, типология которого была обусловлена афонской традицией, самыми ранними примерами являются два храма в Серрах: церкви Св. Николая в цитадели и Св. Георгия Крионеритиса. Город Серры был захвачен сербами в 1345 г., в нем Душан вторично короновался как император сербов и греков в 1346 г.⁴⁹¹

По мнению А. Ксингопулоса, церковь Св. Николая в цитадели⁴⁹² была построена после городских стен, но до перехода Серр под власть сербов в 1345 г. Это однефный купольный триконх средних размеров

---

⁴⁸⁹ *Ćurčić*, 1984.

⁴⁹⁰ *Ненадовић*, 1967. С. 78–91; 18.

⁴⁹¹ *Максимовић Љ.*, 2008. С. 191—206

⁴⁹² *Ξυυόπουλος*, 1965. Σ. 20, 22–45.

(размер подкупольного квадрата 4,0 x 4,4 м), с нартексом. Храм имел первоначальный нартекс с тремя купольными ячейками. Все три апсиды имеют трехгранную форму. Стены сложены в т.н. технике клуазонне, причем ряды камней, «обрамленных» кирпичами, перемежаются с тройными рядами плинфы. Декор достаточно простой: это неглубокие слепые аркады, наложенные на все три апсиды. Верхняя часть ниш заполнена небольшим количеством керамических украшений, венчающие части стен украшены поребриком. Технику и стиль постройки А. Ксингопулос сближает с македонскими храмами первой половины XIV в., такими как церкви Свв. Апостолов и Св. Николая Орфаноса в Салониках, церковь Свв. Архангелов в Штипе и церковь Спаса в Кучевиште⁴⁹³.

Особенностью церкви Св. Николая является наличие крипты, повторяющей форму верхней церкви. Вход в нее находится с восточной стороны, лестница идет под центральной апсидой. По мнению А. Ксингопулоса, обнаружившего в крипте во время раскопок человеческие кости, она предназначалась для захоронений, которые располагались в гробницах по сторонам от восточного компартамента, в боковых полукружиях (под боковыми конхами) и по сторонам западной ячейки, соответствующей нартексу⁴⁹⁴.

Второй триконх в Серрах — церковь Св. Георгия Крионеритиса, метохион монастыря Св. Иоанна Предтечи за городом⁴⁹⁵. Это, по сути, два слитых друг с другом храма: более старый и меньший по размеру северный посвящен св. Димитрию, более новый и больший южный — св. Георгию. Храм Св. Димитрия — однефный, с куполом на цилиндрическом барабане, подпружные арки которого опираются на пристенные лопатки.

---

⁴⁹³ Ibid. Σ. 44–45.

⁴⁹⁴ Ibid. Σ. 31–32.

⁴⁹⁵ Ibid. Σ. 61–71.

Церковь Св. Георгия — однефный триконх с тремя полукруглыми конхами и нартексом с приделом в южной части.

Монастырь Св. Георгия Крионеритиса близ Серр упоминается в хрисовуле Андроника II Палеолога 1298 г. Кроме того, известна дарственная грамота 1344 г., подписанная монахиней Ипомони, о передаче монастыря во владения монастыря Св. Иоанна Предтечи. В этом документе также сказано, что монастырь Св. Георгия был построен ею и ее мужем сакеларием Мурмурасом. А. Ксингопулос полагает, что в первом документе речь идет о нынешнем храме Св. Димитрия; затем, в первой половине XIV в. стараниями Мурмураса и его супруги был возведен триконх, освященный в честь Св. Георгия, а старый храм был переосвящен.

Еще два однефных триконха в других районах Македонии и Косово до сих пор относились к середине XIV в., и лишь недавно в этом появились сомнения: это уже упоминавшиеся церкви Свв. Архангелов в Кучевиште и в Рджавце⁴⁹⁶. Если храмы в Серрах, очевидно, были построены до прихода туда сербов, то эти два памятника могли быть связаны с вельможами, получившими земли в удел от Душана (хотя обстоятельства и точные даты их возведения не известны). Как уже было сказано, очень часто к своим придворным церквам ктитория добавляли приделы, нартексы или другие дополнительные помещения, связанные с родовыми усыпальницами и сербскими культами (как например, в церкви Спаса в Кучевиште). В церквах Архангелов в Кучевиште и в Рджавце не было не только ничего подобного, но даже первоначальных нартексов, зато в них появляются боковые конхи.

В церкви Архангелов в Кучевиште в южной боковой конхе имеется прямоугольная ниша в восточной стене с сохранившейся живописью XVI в.⁴⁹⁷ Является ли эта ниша первоначальной и были ли в храме захоронения — неизвестно. Грамотных и документированных археологических

---

⁴⁹⁶ См. с. 63-65, 146, прим. 173, 176.

⁴⁹⁷ *Ристић*, 1996. С. 53; *Тодић*, 2013/1.

исследований памятника проведено не было, а в последние годы он был искалечен грубым ремонтом, поэтому надежных данных о важных для нас аспектах мы не имеем. Во всяком случае, важно отметить, что у этого храма изначально не было нартекса, который был пристроен только в XIX в.

В. Ристич, обследовавший руинированный триконх в Рджавце, указывает на наличие ниши и в этом храме, где она была выявлена в древней кладке восточной части южной конхи; северная конха сохранилась плохо⁴⁹⁸.

Если в результате дальнейших исследований будет подтверждена датировка триконхов в Кучевиште и Рджавце серединой XIV в., то они вполне могли бы считаться предшественниками моравских построек. Отсутствие у них нартекса и наличие ниш в южных конхах позволяет предполагать какое-то особое значение боковых конх, возможно, связанных с родовыми куклами ктиторов. Во всяком случае, некую функциональную обусловленность данного явления позволяет предполагать сходство планов триконхов в Кучевиште и Рджавце с ранними триконхами на моравских землях, среди которых есть несколько с аналогичными нишами. Даже если будет доказано, что сами триконхи в Кучевиште и Рджавце и ниши в их боковых конхах относятся к XVI веку, устойчивость этой традиции на протяжении двух столетий может только свидетельствовать о ее значимости и глубокой укорененности.

Как уже говорилось выше, на моравских землях первые триконхи могли появиться еще до перенесения туда политического центра при князе Лазаре, в эпоху распада империи Душана. Почти все они не имеют точных датировок, большинство дошло в руинированном или перестроенном виде. Среди этих построек, как кажется, нет монастырских, хотя многие из них были переданы монастырям впоследствии. Поэтому в этих случаях нет никаких оснований предполагать связь типологии триконха с Афоном и

---

⁴⁹⁸ Ристич, 1996. С. 51–54. См. также: Тодић, 2013/2.

предназначение боковых конх в качестве певниц. Как и в Македонии, эти постройки, возникшие в эпоху борьбы за власть между несколькими аристократическими кланами, обычно возводились в укрепленных городищах как придворицы, т.е. семейные храмы-усыпальницы соперничавших между собой феодалов.

Из ранних триконхов, предположительно относимых к третьей четверти XIV в., тоже есть несколько таких, у которых нет нартекса, но есть ниши или даже апсиды в восточной части боковых конх: это церкви в Лешье и Липовце.

Триконх в Лешье был задужбиной князя Вукослава⁴⁹⁹. К сожалению, о захоронениях в этом храме нет сведений, но предполагать их наличие мы можем на основании самого назначения храма и отсутствия в нем нартекса. В боковых конхах здесь имеются небольшие апсидки, которые, на наш взгляд, свидетельствуют об использовании данных компартиментов в качестве приделов.

Связь боковых конх с погребениями подтверждается для церкви в Липовце⁵⁰⁰. Этот храм тоже представляет собой небольшой однефный триконх, в первоначальном виде не имевший развитого нартекса. При очень маленьких размерах внутреннего нартекса, захоронения размещаются в центральном подкупольном квадрате и в южной боковой конхе. В толще восточных стен обеих боковых конх имеются первоначальные ниши.

Полагаем, что в условиях соперничества удельных феодалов, для которых строительство придворицы было не только выражением веры и благочестия, но и средством подчеркнуть значимость своего рода, это должно было так или иначе воплотиться в зримых формах. Если раньше для подобных целей служили приделы и нартексы, то здесь вместо таких дополнительных пристроек могли использоваться боковые конхи, которые

---

⁴⁹⁹ См. с. 114–115, прим. 256.

⁵⁰⁰ См. с. 115–116, прим. 259.

в Липовце сделаны даже более высокими, чем алтарная апсида. Поскольку в них есть ниши или небольшие апсиды в толще восточной стены, то нам кажется вполне вероятным, что боковые конхи здесь использовались в качестве приделов, — тем более, что такая практика была известна и ранее: вспомним охридско-преспанские триконхи IX–X в., Радославов нартекс в Студенице, македонские триконхи эпохи Душана.

Когда князь Лазарь побеждает в борьбе за верховную власть и восстанавливает сербское государство, условия для развития архитектуры принципиально изменяются. Строительство храмов снова становится одним из важных аспектов воплощения церковно-политической идеологии. Если в третьей четверти XIV в. оно было связано, в основном, с личной инициативой мелких удельных феодалов, что обусловило небольшой размер храмов, их разнообразие и в целом провинциальность, то теперь возвращается и программный характер строительства, и крупный масштаб, и высокий уровень архитектуры. Аристократические задужбины создаются и в этот период, однако вельможи князя Лазаря в своих строительных начинаниях стремятся ориентироваться на его постройки.

Как уже говорилось, в идеологии князя Лазаря центральное значение имел отказ от имперских амбиций и обращения к традициям рашского периода. Не случайно он снова возвращается к титулу великого жупана, подчеркивая тем самым если не кровное, то духовное родство со святородной династией Неманичей. Важнейшим аспектом его политики было также примирение с Византией и Константинопольской церковью, возрождение монашества, для чего на моравские территории приглашаются выходцы с Афона и Синая. Мы уже говорили о роли афонского старца Исая в признании Константинополем статуса Сербской патриархии, на условиях нераспространения ее юрисдикции за пределы канонических территорий Святосавской Церкви. Эти важнейшие аспекты создают условия для нового синтеза византийской основы и сербского

регионального своеобразия в церковной архитектуре, что мы уже описали во второй главе нашего исследования.

Говоря о причинах распространения типологии триконха в архитектуре Сербии моравского периода, нам кажется важным выделить два момента. С одной стороны, мы готовы признать частичную правоту тех исследователей, которые в качестве ориентира указывали на Афон. Скорее всего, князь Лазарь действительно желал видеть в своих постройках узнаваемые ассоциации с Византией в целом и с Афоном в частности. Это выражалось не только в появлении у храмов боковых конх, но и во многих других особенностях стилистики храмов этой эпохи, как мы уже показали во второй главе.

С другой стороны, для закрепления на сербских землях типологии триконха в эпоху князя Лазаря могли быть и другие веские причины. По нашему мнению, в предшествующий период для этого возникли определенные предпосылки. Если верно наше предположение о том, что боковые конхи ранних моравских триконхов уже использовались для ктиторских погребений и функционировали как приделы для поминальных служб и служб сербским святым, то в эпоху князя Лазаря возникли еще более благоприятные условия для развития этой практики. Такое композиционное решение как нельзя лучше подходило для выделения национального своеобразия внутри базовой византийской схемы. Только теперь это делалось уже не в скромных провинциальных постройках, а в великолепных сооружениях столичного уровня, возводившихся первоклассными мастерами в характерных для этого времени византизирующих формах.

Обратим внимание на то, что в Раванице, которая строилась как задужбина и спальница князя Лазаря, изначально вообще не предполагался экзонартекс⁵⁰¹. При этом еще в эпоху князя Лазаря ажурный открытый экзонартекс все-таки был возведен. В таком виде он был скорее

---

⁵⁰¹ См. с. 73, прим. 191.

украшением, которое не предполагало функциональной нагрузки этой части здания. Затем экзонартекс был перестроен: в северо-восточной стене, на месте декоративной ниши слева от входа (в бывшей наружной западной стене храма) был пробит проем. Это было сделано явно для литургического использования нартекса в соответствии с Никодимовым уставом, в котором предписывался выход священника в нартекс во время Великого входа и его возвращение обратно в храм⁵⁰². В юго-восточной части нартекса в это же время устраивается оформленное аркосолием захоронение монаха-синаита Ромила, под второй нишей, находившейся справа от входа в храм⁵⁰³. Не исключено, что здесь появился придел, и первоначально декоративная ниша превратилась в апсиду. К сожалению, точно неизвестно, стала ли эта часть экзонартекса приделом.

Церковь в Новой Павлице — задужбина одного из ближайших сподвижников князя Лазаря Мусы, женатого на его сестре Драгане, строилась по образцу Раваницы⁵⁰⁴. Здесь тоже не было экзонартекса и, в отличие от Раваницы, впоследствии он так и не появился. Этот храм строился как монастырский: есть сведения источников о том, что в 1386 г. он уже функционировал как монастырь⁵⁰⁵. Захоронения ктиторов, Мусы и Драганы, были устроены во внутреннем нартексе с южной стороны и находятся ровно на границе с южной боковой конхой. В Новой Павлице сохранились первоначальные росписи, которые во многом проясняют значение этих компартиментов, фланкирующих подкупольное пространство. На восточной стене южной боковой конхи изображен трехчастный Деисус, явно связанный с находящимися рядом ктиторскими погребениями⁵⁰⁶. Хотя здесь нет ниши в восточной стене, это место вполне могло использоваться как придел для поминальных служб (типиконы никак

---

⁵⁰² *Мирковић*, 2007.

⁵⁰³ *Вуловић Б.*, 1966. С. 159...; *Мандић*, 1997.

⁵⁰⁴ См. с. 76-78, прим. 201.

⁵⁰⁵ *Милојевић*, 1986. С. 17.

⁵⁰⁶ *Михаиловић*, 1975. С. 75–76; *Јуришић*, 1991. С. 23–31; *Михаиловић*, *Ковачевић*, 1989. С. 45.

не регламентируют место проведения поминальных служб). На восточной стене северной боковой конхи, как бы в пандан Деисусу в южной конхе, помещена весьма специфическая композиция, ранее не встречавшаяся в сербской живописи. Она ярко иллюстрирует важнейшие основы идеологии князя Лазаря, поскольку изображает покровителя сербского самодержавия св. Стефана первомученика, основателя сербского государства св. Стефана Неманю (св. Симеона Мироточивого) и основателя сербской Церкви св. Савву Сербского⁵⁰⁷.

Почитание свв. Стефана, Стефана Немани и Саввы Сербского уже в рашский период имело характер общегосударственного культа. В эпоху империи Душана эти образы связываются с представлениями о сакральной природе власти сербских правителей. Они занимают особо почетные места в росписях храмов. Так, в Дечанском храме на алтарной стене перед входом в диаконник, который одновременно являлся приделом, помещается Деисус и изображение св. Стефана, практически напротив на восточных гранях западных подкупольных столпов — изображения свв. Симеона Немани и Саввы Сербского, а на северной стене — ктиторская композиция со св. Стефаном Дечанским⁵⁰⁸.

Именно в моравский период создается новая иконография, объединяющая изображения свв. Стефана, Стефана Немани и Саввы Сербского в одну композицию⁵⁰⁹. В сочетании с Деисусом, который в сербской традиции, часто использовался для акцентирования связи с захоронениями и приделами⁵¹⁰, складывается схема, соединяющая частные ктиторские и общегосударственные культы.

---

⁵⁰⁷ *Михаиловић*, 1975. С. 74, 76; *Михаиловић, Ковачевић*, 1989. С. 44–45.

⁵⁰⁸ *Тодић, Чанак-Медич*, 2005. С. 423–425; *Мальцева, Захарова*, 2013. С. 134–135.

⁵⁰⁹ *Ђоровић-Љубинковић*, 1961; *Тодић*, 2000. С. 303.

⁵¹⁰ Композиция Деисуса в сербской монументальной живописи встречалась сравнительно редко и была связана именно с темой моления об усопших. Так, особый статус церкви Свв. Апостолов в Пече как усыпальницы сербских архиепископов обусловил появление большой композиции Деисуса в алтарной апсиде (*Ђурић, Ђирковић, Кораћ*, 1990. С. 33, сл. 9). В храме в Мораче, имеющем уникальную асимметричную композицию из-за отсутствия придела в юго-западной части, именно

Таким образом, в Новой Павлице мы видим наглядное и демонстративное возвращение к специфически сербским культам. В рашский период для таких идеологических схем использовались приделы в западной части храма, посвященные св. Стефану Первомученику и св. Симеону Мироточивому (Студеница, Жича, Сопочаны и др.)⁵¹¹. В Новой Павлице, при отсутствии экзонартекса и каких-либо приделов, есть все основания полагать, что именно боковые конхи берут на себя их функции. Это кажется тем более вероятным, учитывая наличие ктиторского захоронения на границе с южной конхой. Напомним, что еще с рашского периода известно разное предназначение компартиментов, фланкирующих подкупольный квадрат: они могли быть певницами, местами для хранения реликвий или пребывания во время службы церковных иерархов и светских властителей⁵¹². Нередко именно здесь помещались изображения святого или праздника, которому посвящен храм (например, изображение Св. Троицы в Сопочанах⁵¹³). Использование этих пространств в качестве приделов также известно с рашского периода. С другой стороны, отсутствие специфического архитектурного оформления приделов и обозначение их только средствами живописи уже стало вполне обычным явлением в середине XIV в. В то время, когда вместо добавления к храму дополнительных компартиментов возобладала тенденция к расширенному, зальному пространству, представляется вполне логичным такой вариант устройства приделов.

Другой подобный случай представляет собой близкий по времени храм в Велуче⁵¹⁴. Это уже однонефный триконх с внутренним нартексом, который ничем не отделен от наоса. Здесь тоже сохранились

наличие композиции Деисуса в диаконнике позволяет предполагать наличие придела там (*Чанак-Медић*, 1989. С. 226). Аналогичная ситуация встречается в церкви Богородицы в Пече, где на южной стене южного пастофория помещена деисусная композиция.

⁵¹¹ *Мальцева*, 2012/1.

⁵¹² *Роровић*, 2003.

⁵¹³ *Бурић В.*, 1963/1. С. 129.

⁵¹⁴ См. с. 90–91, прим. 222.

первоначальные росписи в боковых конхах. В северной конхе представлен Деисус, в южной — Богородица с Младенцем на престоле, к Которой подходят св. Стефан Первомученик со свитком, св. Савва с благословляющим жестом и св. Симеон Мироточивый. Это не кажется нам случайным совпадением.

Ниша в южной певнице имеется также в несколько более позднем однонефном триконхе в Павловце (нач. XV в.)⁵¹⁵. Ни погребений, ни живописи в боковых конхах этого храма нет, но наличие ниши позволяет предполагать особое литургическое использование данного компартамента.

Мы не имеем достаточных оснований утверждать, что боковые конхи использовались как приделы для поминальных служб или культов сербских святых во всех постройках этой эпохи. При отсутствии специфического архитектурного оформления и сведений письменных источников на такое использование боковых конх может указывать только живопись, которая имеется далеко не во всех храмах. Из памятников до начала XV в. росписи боковых конх сохранились еще в Раванице и Любостыне, однако здесь помещены изображения Страстей, Чудес и святых⁵¹⁶. Во всяком случае, проанализированные нами случаи, как кажется, дают возможность предполагать существование приделов в боковых конхах если не всех, то некоторых храмов второй половины XIV в.

При деспоте Стефане Лазаревиче форма триконха приобретает самостоятельное символическое значение. К ней обращаются тогда, когда необходимо продемонстрировать преемственность по отношению к князю Лазарю и верность его традициям. В этот период на первый план выходит архитектурно-конструктивное значение боковых экседр, их роль в объемно-пространственной композиции здания как в интерьере, так и на

---

⁵¹⁵ *Ристич*, 1996. С. 224. См. с. 106–107, прим. 247.

⁵¹⁶ *Бурић С.*, 1985. С. 68–69, таб. VI–VII; *Беловић*, 1999. С. 271–273.

фасадах. Кроме того, боковые конхи стали не только привычным, но и необходимым элементом с точки зрения конструкции: храмы стали выше, а повышенные подпружные арки уже не используются. Боковые конхи в крупных однефных триконхах играют роль дополнительных опор.

Для этого периода, как кажется, уже не была актуальной какая-либо особая поминально-погребальная функция этих пространств, поскольку вместе с сербской спецификой в храмы вернулись и внутренние нартексы, снова используемые для захоронений, и большие экзонартексы. В этих западных частях храмов было достаточно места для таких литургических функций. Это подтверждают и погребения, и многочисленные развернутые композиции с изображениями ктиторов (Ресава, Каленич, Руденица, Копорин, Сысоевац)⁵¹⁷. Специфически сербские темы уже не встречаются в росписях боковых конх церквей эпохи Стефана Лазаревича. Здесь изображаются евангельские сюжеты и святые, как и в других частях наоса.

Боковые экседры в эпоху князя Лазаря и деспота Стефана могли использоваться и как певницы. После восстановления общения с константинопольским патриархатом и нового укрепления связей с Афоном, символическое уподобление сербских храмов афонским могло стать актуальным, что прослеживается теперь и по письменным источникам⁵¹⁸.

При этом в эпоху деспота Стефана появляется достаточно много небольших храмов, где боковых конх уже нет. С возвращением ориентации на композиции и стилистику рашских храмов все архитектурные,

---

⁵¹⁷ *Маринковић, 2007.*

⁵¹⁸ Так, Константин Философ, описывая храм Св. Троицы в Ресаве, говорит: «Потом обрел место красивое, пустынное и пригодное для пребывания в молчании, и создал там храм во имя живоначальной Троицы, и всем лучшим его украсил и живописью, и стену вокруг возвел, а в стене — кельи. Собрал же множество иноков, любезных Богу, и поселил их тут, и всем потребным обеспечил, и изо дня в день привозил сюда сокровища. Соорудил же здесь и гробницу себе, в которой в скором времени и был положен. Даровал сюда и иконы, украшенные золотом и жемчугом и множество книг, и сосуды, и ризы, крупным жемчугом и золотом украшенные, каких не было и в Лавре Святой Горы, и светильники золотые. Призывает же и патриарха Кирилла со всеми святителями Сербской земли и освящает храм в день святой Пятницы. Начал же строить обитель в 6915 (1407) году». См.: Из хроники Константина Манассии, 2000. С. 263; Константин Философ, 2007. С. 54.

живописные и литургические акценты, отражающие национальные традиции, переносятся в нартекс, надобность в боковых конхах отпадает. Если они и остаются в крупных храмах, построенных по заказу самого деспота или его ближайших сподвижников, то, скорее, как символическая форма и дань традиции.

Заключение

Подведем итоги нашего исследования.

Как показал историографический обзор, сделанный в первой главе, понятие «моравская школа» давно устарело и требует пересмотра. Несмотря на то, что в последние десятилетия этому заключительному этапу истории сербской архитектуры было посвящено немало работ, высказывавшиеся мнения исследователей не всегда оказывались обоснованными и иногда противоречивыми. Многие проблемы до сих пор оставались нерешенными: на какие этапы делится этот последний период истории сербского зодчества? Что объединяет несколько десятков церквей в долине Моравы? Каково происхождение их основных особенностей, в том числе — типологии триконха? Каково их соотношение с предшествующей сербской и современной византийской архитектурой?

Наше исследование показало, что архитектуру моравской Сербии следует связывать с важнейшими вехами политической истории, которые определяют географические и хронологические рамки этого явления. Начальным этапом его существования можно считать два десятилетия после кончины Душана (1355), когда происходит перенесение политической активности с косовско-македонских на моравские земли. При князе Лазаре (1371–1389) и в течение десятилетия после его смерти возникают наиболее яркие и характерные постройки, которые представляют собой достаточно цельную группу. Мы предлагаем считать их вторым и важнейшим этапом в развитии моравской архитектуры. Далее происходит постепенное размывание этого цельного ядра, что позволяет считать первую половину XV в. третьим и последним этапом. Постройки этого времени уже очень разнообразны, и выделение критериев для их объединения становится достаточно проблематичным. Конечной точкой является 1459 год, когда Сербия утрачивает независимость и входит в состав Османской империи. Территориальные границы следуют за

перемещением политических центров и изменениями границ Сербского государства.

Постройки второй половины XIV — первой половины XV в. в бассейне Моравы мы предлагаем рассматривать не как школу. Это предусматривало бы традиционность и даже преемственность технико-технологических процессов или типологическое и стилистическое единство. Памятники исследуемого круга слишком разнообразны в плане стилистики и строительной техники. На этом уровне преемственность и взаимосвязь между ними не прослеживается. Мы рассматриваем моравскую архитектуру как специфически сербское явление, суть которого определялась сознательной ориентацией элиты на национальные традиции. Они проявлялись даже не столько в типологических и стилистических признаках, сколько в самой направленности ктиторских архитектурных программ, где функция становится одним из определяющих параметров, а связь с собственно сербской архитектурной традицией приобретает программное значение.

Исходя из такого понимания факторов, определяющих архитектурное развитие, мы даем свое объяснение региональной специфики моравской архитектуры и на уровне объемно-пространственной композиции (включая причины и условия появления важнейшей типологической особенности моравской архитектуры — типологии триконха), и на уровне декоративных программ. Из этого следует новое понимание соотношения этой традиции с византийской, и с предшествующей сербской архитектурной традицией.

Моравская архитектура, безусловно, продолжает сербскую региональную специфику, которая наиболее сильно проявляется в особенностях, общих для всех периодов истории сербского зодчества. В первую очередь, это акцентированная вертикальная ориентация композиции с частым использованием системы ступенчато повышающихся арок. Вторая важная особенность — значимость периферийной зоны —

приобретает на этом этапе новый облик. Утверждается типология триконха, в котором боковые конхи берут на себя функции, ранее связанные с приделами и развитыми западными частями храмов. В третьей главе нашего исследования мы надеялись показать, как именно истоки этих особенностей моравской архитектуры связаны с предшествующими периодами истории сербского зодчества.

Характеристике специфики моравской архитектуры и попытке проследить ее генезис была посвящена вторая глава диссертации. Как мы стремились показать, предпосылки для формирования основных особенностей моравской архитектуры возникли еще в эпоху Душана. Для церковного зодчества этого времени характерно очень большое типологическое и стилистическое разнообразие. Это было отчасти связано с идеологией самого Душана, стремившегося утвердить на недавно присоединенных византийских землях сербские традиции и на этой базе создать новый синтез. С другой стороны, в это время возникает новый тип заказа — аристократические задужбины, в архитектурном и живописном оформлении которых та же задача решается самыми разными способами. Сербские традиции проявляются в это время и в облике зданий (обращение к рашским традициям очевидно, прежде всего, в королевских задужбинах), и в посвящении специальных приделов сербским святым, и в оформлении ктиторских погребений, и в особых иконографических сюжетах. В период активных поисков среди всего этого разнообразия на македонских территориях появляются первые триконхи.

После смерти Душана начинаются десятилетия междоусобиц, когда аристократические кланы борются за власть. Строительство укрепленных городищ с небольшими придворными храмами — родовыми усыпальницами было в это время и необходимостью, и способом демонстрации значимости собственного рода. В это время первые триконхи появляются и на моравских землях. Никакой связи с монастырями для них не прослеживается. Напротив, скорее, есть

основания полагать, что боковые конхи в этих памятниках были связаны с ктиторскими погребениями и имели специальное богослужebное назначение.

В 1371 г. в борьбе за власть побеждает князь Лазарь, политический центр окончательно переносится на моравские земли, происходит новое объединение сербских земель. Князь Лазарь создает продуманную идеологию, которая проявляется и в его политической деятельности, и в архитектуре. В ее основе — примирение с Византией и Константинопольской церковью и осмысленное возвращение к традициям первых Неманичей. В конце 1370-х гг. он строит свои задужбины Лазарицу (церковь Св. Стефана в Крушевце) и Раваницу (церковь Вознесения).

Вполне возможно, что одной из причин выбора для них типологии триконха стало желание продемонстрировать вновь восстановленные связи с Византией и Афоном. Другой причиной могло стать стремление возродить на новом уровне старые сербские традиции. Мы предполагаем, что и в это время боковые конхи могли использоваться как приделы, связанные с культами сербских святых. Как показало наше исследование, это всегда имело большое значение в истории сербской архитектуры. Вероятно, свою роль сыграло и то, что типология триконха уже была привычна, поскольку такие здания встречались и ранее как на македонских, так и на моравских землях.

При этом, постройки князя Лазаря и его придворных представляют собой крупное столичное явление. Это архитектура высокого уровня, в которой оказались творчески переосмыслены и современные византийские архитектурные решения, и некоторые элементы, почерпнутые из западной традиции (через посредство приморских мастеров). Из всего этого возникает новый большой стиль, новый сплав, в котором присутствует и византийская основа, и ее сербская интерпретация, что происходит уже не в первый раз в истории сербской архитектуры. Нечто подобное имело место и в рашский период, и в сербско-византийский период. В эпоху князя

Лазаря программная ориентация на традиции рашского периода приводит к тому, что однефных триконхов строится гораздо больше, чем четырехстолпных, и чем дальше, тем больше в их стилистике и технике выявляются другие национальные черты.

В последней четверти XIV в., вероятно, работает княжеская артель, к услугам которой прибегают и некоторые вельможи, стремящиеся подражать княжеским храмам. При этом стилистика может варьироваться в зависимости от характера постройки (есть более торжественные, есть и более скромные). Вероятно, в этот период работали и другие мастера, однако построенные ими храмы по всем своим основным параметрам приближаются к постройкам магистральной линии. Ориентация на нее проявляется, прежде всего, в воспроизведении художественного образа в целом. Поэтому стилистика и техника иногда могут довольно сильно различаться, при общем сохранении композиционных особенностей, пропорциональных соотношений и пр. Главным параметром, позволяющим объединить все эти постройки, является повторение плановой схемы триконха. После Косовской битвы 1389 г., в которой погибает князь Лазарь, на протяжении нескольких лет в архитектуре сохраняется та же линия.

Стефан Лазаревич во всем подчеркивает свою преемственность по отношению к отцу. Его задужбина Ресава воспроизводит все основные черты задужбины князя Лазаря, Раваницы. При этом Ресаву строят приморские мастера (в их работе чувствуется опыт зрелых образцов архитектуры Адриатики), и в этой постройке византийская формула оказывается воплощена в совершенно ином стиле и технике. Что касается однефных храмов первой половины XV в., то в них сербская специфика проявляется еще больше. Лишь небольшое число аристократических задужбин продолжает линию, восходящую к эпохе князя Лазаря. Эти однефные триконхи ориентированы на Лазарицу с ее характерной башнеобразной композицией. Возможно, княжеская артель продолжала

работать и в это время, однако для определения ее построек у нас недостаточно данных. Кроме того, гораздо большее количество построек и их типологическое, стилистическое и техническое разнообразие уже не позволяет предполагать, что их создателями были одни и те же мастера. Большинство построек этого времени — небольшого размера, и отнюдь не все они триконхи. Появляется достаточно много однефных храмов, по своей композиции и стилистике очень близких рашским образцам. Строятся также небольшие и совсем простые по своему оформлению базилики, в которых уже нет никаких признаков, характерных для моравской архитектуры.

После смерти деспота Стефана моравская традиция затухает. Последней попыткой ее возродить и напомнить о былом величии можно считать кладбищенскую церковь в Смедерево — крепости на Дунае, ставшей последним оплотом сербского средневекового государства и павшей под натиском турок в 1459 году.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Babić*, 1969 — *Babić G.* Les chapelles annexes des églises byzantines: fonction liturgique et programmes iconographiques. Paris, Editions Klincksieck, 1969.
- Bakalova*, 2006 — *Bakalova E.* Messemvria's Churches in the Context of Late Byzantine Architecture. *Historiographical Survey* // P. 547–572.
- Bogdanović*, 2011 — *Bogdanović J.* Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools': An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje // *Byzantinoslavica*. 2011. Vol. 69/1–2. P. 219–266;
- Bogdanović, Djurić, Medaković*, 1978 — Bogdanović D., Djurić V., Medaković D. *Chilandar*. Beograd, 1978
- Bošković, Tomovski*, 1961 — *Bošković Đ., Tomovski K.* Средневековната Архитектура во Охрид // *Зборник на трудови: по повод 10-годишнината од основувањето на музејот, посветено на XII меѓународен конгрес на византолозите*. Охрид, 1961. С. 85–89.
- Bouras*, 1989 — *Bouras Ch.* Byzantine Architecture in the Middle of the 14th century // *Дечани и виантијска уметност срединном XIV века*. Београд, 1989. P. 49–54.
- Choisy*, 1883 — *Choisy A.* L'art de bvtir chez les Byzantins. Paris, 1883.
- Ćirić*, 2015/1 — *Ćirić J.* Brick by Brick: Textuality in the Architecture During the Age of king Milutin // *International Scientific Conference "Cyril and Methodius: Byzantium and the World of Slavs"*, November 28–30, 2013. Thessaloniki, 2015. P. 206–214.
- Ćirić*, 2015/2 — *Ćirić J.* Les portails des églises de la Serbie de la Morava. Esquisse historiographique et les possibilités de la recherché // *Istorijsko-umetnički časopis*. 2015. Br. 2. P. 23–35.
- Ćirić*, 2015/3 — *Ćirić J.* Beyond the Wall: Structure and Meaning of East Façade of the Virgin Perivleptos Church in Ohrid // *Самоиловата држава и*

- Византија: Историја, легенда, традиција, наследство // Зборник на трудови од Меѓународниот симпозиум «Денови на Јустиниан I». Скопје, 17–18 октомври, 2014 / Уред. М. Панов. Скопје, 2015. С. 162–172.
- Ćurčić, 1971 — Ćurčić S. The Twin-Domed Narthex in Paleologan Architecture // ЗРВИ. Т. 13. Београд, 1971. С. 333–344.
- Ćurčić, 1978/1 — Ćurčić S. Articulation of Church Façades During the First Half of the Fourteenth Century // Византијска уметност почетком XIV века. Научни скуп у Грачаници. Београд, 1978. Р. 17–27.
- Ćurčić, 1978/2 — Ćurčić S. The Architectural Significance of the Hilandar Kafolikon // Fourth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers. Ann Harbour, 1978, Р. 14–15.
- Ćurčić, 1984 — Ćurčić S. Medieval Royal Tombs in the Balkans: An Aspect of the East or West Question // Greek Orthodox Theological Review. 1984. Vol. 29/2. Р. 175–194
- Ćurčić, 1989 — Ćurčić S. Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century // Дечани и виантијска уметност срединном XIV века. Београд, 1989. Р. 55–68.
- Ćurčić, 2003 — Ćurčić S. The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Arcitecture in the Balkans // DOP . 2003. Vol. 57, 65–84.
- Ćurčić, 2010 — Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 – ca. 1550). London, 2010.
- Förster, 1857 — Förster L. Die Baukunst der Kirchen und Klöster im Orient: Allgemeine Bauzeitung 22. Wien, 1857.
- Grabar, 1972 — Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte de reliques et l'art chrétien antique. London, 1972.
- Hafner, 1975 — Hafner S. Die Nemanjidenideologi und Knez Lazar // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 161–169.
- Јанковић, 2007 — Јанковић Ђ. Српско Поморје од 7. до 10. столећа. Београд, 2007.

- Jeremić*, 2006 — *Jeremić M.* Adolf Hytrek et les premières fouilles archéologiques à Sirmium // *Старинар*. Књ. 55. Београд, 2006. С. 115–130.
- Kanitz*, 1862 — *Kanitz F.* Serbiens Byzantinische Monumente. Wien, 1862.
- Kanitz*, 1868 — *Kanitz F.* Serbien. Wien, 1868.
- Kanitz*, 1909 — *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart Land und Bevölkerung. Leipzig, 1909.
- Korać*, 1972 — *Korać V.* Les origines de l'école de la Morava // *Моравска школа и њено доба: научни скуп у Ресави 1968*. Београд, 1972. С. 157–168.
- Korać*, 1977 — *Korać V.* Les églises à nef unique avec une coupole dans l'architecture byzantine des XI et XII siècles // *Зорграф* 8. Београд, 1977. С. 10–14.
- Korać*, 1996 — *Korać V.* Les fondations serbes au Mont Athos et les origins athonites de l'architecture serbe // *Το Άγιον Όρος. Χθές – Σήμερα – Αύριο*. Πρακτικά του διεθνούς συμποσίου. Θεσσαλονίκη, 1996. Σ. 145–156.
- Kosch*, 2005 — *Kosch C.* St. Maria im Kapitol // *Kölns Romanische Kirchen. Architektur und Liturgie im Hochmittelalter*. 2 Auflage. Regensburg, 2005. S. 64–73.
- Krautheimer*, 1986 — *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. 4th ed. (revised by R. Krautheimer and S. Ćurčić). New Haven, London, 1986.
- Kyriakoudis*, 1997 — *Kyriakoudis E.N.* The Morava School and the Art of Thessaloniki in the Light of New Data and Observations / *Зорграф: часопис за средњовековну уметност* 26. Београд, 1997. С. 95–106.
- Mango*, 1976 — *Mango C.* Byzantine Architecture. New York, 1976.
- Marasović*, 2008 — *Marasović T.* Dalmatia preromanica: Ranosrednjovjekovno graditeljstvo u Dalmaciji. 1. Rasprava. Split, Zagreb, 2008.
- Mardešić*, 1998 — *Manastirine: Izložba Arheološkog muzeja u Splitu*. Split, 1998.
- Mertens*, 1847 — *Mertens F.* Etwas über Serbien. Berlin, 1847.

- Millet*, 1905 — *Millet G.* Recherches au Mont-Athos // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1905. T. 29. P. 55–141.
- Millet*, 1916 — *Millet G.* L'École grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.
- Millet*, 1919 — *Millet G.* L'ancien art serbe. Les églises. – Paris, E. de Boccard, 1919.
- Mylonas*, 1986 — *Mylonas P.* Remarques architecturales sur le catholikon de Chilandar. La formation graduelle du catholikon à absides latérales ou choeurs et à liti, au Mont Athos // Hilendarski zbornik. 1986. T. 6. P. 7–38.
- Ousterhout*, 1987 — *Ousterhout R.* The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, 1987.
- Ousterhout*, 1991 — *Ousterhout R.* Constantinople, Bithynia, and Regional Developments in Later Palaeologan Architecture // The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Byzantine Empire / S. Čurčić, D. Mouriki eds. Princeton, 1991. P. 75–110.
- Papazotos*, 1991 — *Papazotos A.* The Identification of the church of 'Prophitis Elias' in Thessaloniki // DOP. 1991. Vol. 45. P. 121–127.
- Pelekanidis, Chatzidakis*, 1985 — *Pelekanidis S., Chatzidakis M.* Kastoria. Athens, 1985.
- Popović*, 2003 — *Popović D.* Relics and politics in the Middle Ages: the Serbian approach // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 161–180.
- Prolović*, 1997 — *Prolović J.* Die Kirche des Heiligen Andreas an der Treska: Geschichte, Architektur und Malerei einer palaiologenzeitlichen Stiftung des Serbischen prinzen Andreaš. Wien, 1997.
- Samardžić, Ćirković, Zirojević*, 1989 — *Samardžić R., Ćirković S, Zirojević O.* Rjsovo und Metochien in der serbischen Geschichte. Lausanne, 1989.
- Sinos*, 1999 — *Sinos S.* Mistra // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst / Hrsg. von K. Wessel, M. Restle. Stuttgart, 1999. Bd. VI. Sp. 380–518.
- Steppan*, 1995 — *Steppan Th.* Die Athos-Lavra und der trikonchale Kuppelnaos in der byzantinischen Architectur. München, 1995.

- Stevović, 2010* — *Stevović I.* Historical and Artistic Time in the Architecture of Medieval Serbia: 12th Century // Труды Государственного Эрмитажа. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. СПб., 2010. С. 148–163.
- Stričević, 1963* — *Stričević G.* Églises triconques médiévales en Serbie et en Macédoine et la tradition de l'architecture paléobyzantine // Actes du XII congrès international d'études byzantines. T. I. Beograd, 1963. С. 224–240.
- Tantsis, 2010* — *Tantsis A.* The so-called “Athonite” type of church and two shrines of the Theotokos in Constantinople // Зорграф. 2010. Бр. 34. С. 3–11.
- Tantsis, 2012* — *Tantsis A.* Prophetes Elias // A. Mentzos, A. Pliota eds. Impressions. Byzantine Thessaloniki through the Photographs and Drawings of the British School at Athens (1888–1910). Thessaloniki, 2012. P. 184–195.
- Trkulja, 2004* — *Trkulja J.* Aesthetics and Symbolism of Late Byzantine Church Façades, 1204–1453. Princeton, 2004.
- Velmans, 1969* — *Velmans T.* Le decor sculptural d'une fenetre de l'église de Kalenić et le theme de la fontaine de vie // Зборник за ликовне уметности 5. Нови Сад, 1969. С. 89–93.
- Waltrowits, Prodomos, 1878* — *Waltrowits M., Prodomos O.* Mitteilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst. Wien, 1878.
- Анастасијевић, 1923* — *Анастасијевић Д.* Откопавање Немањине св. Богородици код Куршумлије // Старинар трећа серија књига прва (1922). Београд, 1923. С. 47–55.
- Археолошки споменици, 1953 — Археолошки споменици и налазишта у Србији I: Западна Србија. Београд, 1953
- Археолошки споменици, 1956 — Археолошки споменици и налазишта у Србији II: Централна Србија. Београд, 1956.

- Бабић*, 1972 — *Бабић Г.* Друштвени положај ктитора у Деспотовине // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972. С. 143–155.
- Бабић*, 1975 — *Бабић Г.* Владарске инсигније кнеза Лазара // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 65–78.
- Бабић*, 1979 — *Бабић Г.* О портретима у Рамаћи и једном виду инвеституре владра // Зборник за ликовне уметности 15. Нови Сад, 1979. С. 151–176.
- Бабић*, 1987 — *Бабић Г.* Краљева црква у Студеници. Београд, 1987.
- Бабић*, 1988 — *Бабић Г.* Монаси – песници у Богородичној цркви у Студеници // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 216–217.
- Бабић*, *Кораћ*, *Ђирковић*, 1986 — *Бабић Г.* *Кораћ В.* *Ђирковић С.* Студеница. Београд, 1986.
- Бабић-Ђорђевић Г.*, *Ђурић В.Ј.*, 1982 — *Бабић-Ђорђевић Г.*, *Ђурић В.Ј.* Полет уметности // Историја српског народа. Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). Књ. 2. Београд, Српска књижевна задруга, 1982. С. 144–191.
- Баришић*, 1975 — *Баришић Ф.* Владарски чин кнеза Лазара // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 45–61.
- Белов*, 2007 — *Белов М.В.* У истоков сербској националној идеологији: механизми формирања и специфика развоја (конец XVIII – средина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
- Беловић*, 1999 — *Беловић М.* Раваница. Београд, 1999.
- Битракова-Грозданова*, 1975 — *Битракова-Грозданова В.* Старохристијанските споменици во Охридско. Охрид, 1975. С. 36–39.
- Бичев*, 1961 — *Бичев М.* Архитектура Болгарије. Софија, 1961.
- Благојевић*, 1972 — *Благојевић М.* Манастирски поседи Крушевачког краја // Крушевац кроз векове: зборник реферата са симпозијума одржаног од 4. до 9. октобра 1971. у Крушевцу. Крушевац, 1972. С. 25–48.

Благојевић, 1988 — *Благојевић М.* Студеница — манастир заштитника српске држави // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 51–65.

Благојевић, 1998 — *Благојевић М.* Архиепископ Сава – Вожд отачаства // Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 63–74.

Богдановић Д., 1975 — *Богдановић Д.* Измирење српске и византијске цркве // О Кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, Научно Дело, 1975. С. 81–90.

Богдановић Д., *Ђурић*, *Медаковић*, 1978 — *Богдановић Д.* *Ђурић В.*, *Медаковић Д.* Хиландар. Београд, 1978.

Богдановић Д., 1982 — *Богдановић Д.* Оживљавање немањихких традиција // Историја српског народа. Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). Књ. 2. Београд, Српска књижевна задруга, 1982. С. 7–20.

Богдановић Д., 1997 — *Богдановић Д.* Смисао Раванице // Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 9–17.

Богдановић Д., *Ђурић В.*, *Кашић Д.*, 1997 — *Богдановић Д.*, *Ђурић В.*, *Кашић Д.* Манастир Раваница споменица о шестиј стогодишњици 1381–1981. Београд, 1997.

Богдановић, *Петковић*, *Трифунковић*, 1970 — *Богдановић Д.*, *Петковић С.*, *Трифунковић Ђ.* О Србљаку. Београд, 1970.

Богдановић С., 1978 — *Богдановић С.* Михаило Валтровић и Драгути Милутиновић као истраживачи српских старина // Излози Српског ученог друштва. Београд, 1978. С. 29–36.

Богдановић С., 1979 — *Богдановић С.* Франц Мертенс и српска средњовековна архитектура // Зборник за ликовне уметности 15. Нови Сад, 1979. С. 207–226.

- Божих*, 1972 — *Божих И.* Српске земље у доба Стефана Лазаревића // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972. С. 111–121.
- Бошковић*, 1930 — *Бошковић Ђ.* Кубе над припратом Каленића // *Старинар*. III с. Бр. V. Београд, 1930. С. 156–174.
- Бошковић*, 1934 — *Бошковић Ђ.* Проблем српске средњовековне архитектуре питање нартекса и ексонартекса. Скица за једно истраживање // *Српски књижевни гласник*. 1. Мај 1934. Београд, 1934. С. 52–57.
- Бошковић*, 1935 — *Бошковић Ђ.* Габријел Мије и српски средњовековни споменици // *Српски књижевни гласник* н.с. 46–6. Београд, 1935. С. 475–477.
- Бошковић*, 1947 — *Бошковић Ђ.* Основи средњовековне архитектуре. Београд, 1947.
- Бошковић*, 1950 — *Бошковић Ђ.* Средњовековни споменици североисточне Србији // *Старинар* н.с. I. Београд, 1950. С. 185–218.
- Бошковић*, 1951 — *Бошковић Ђ.* Средњовековни споменици Источне Србије – II // *Старинар* н.с. II. Београд, 1951. С. 221–244.
- Бошковић*, 1955 — *Бошковић Ђ.* Манастир Велуће // *Старинар*. Бр. III–IV. Београд, 1955. С. 68–74.
- Бошковић*, 1957 — *Бошковић Ђ.* Архитектура средњег века. Београд, 1957.
- Бошковић*, 1958–1959 — *Бошковић Ђ.* О неким нашим градитељима и сликарима из црквих деценија XIV века // *Старинар* IX–X. Београд, 1958–1959. С. 126–147.
- Бошковић*, 1966 — *Бошковић Д.* Архитектура Србији и Македонији // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 3. Л.-М., 1966. С. 418–464.
- Бошковић*, 1967 — *Бошковић Ђ.* Рушевине Св. Николе у комплексу грађевина манастира Св. Арханђела код Призрена. Београд, 1967.

Бошковић, 1968/1 — *Бошковић Ђ*. О нашој архитектури среднега века у московској публикацији «Всеобщая история архитектуры» // *Старинар* н.с. XVIII. Београд, 1968. С. 225–231.

Бошковић, 1968/2 — *Бошковић Ђ*. О сликаној декорацији на фасадама Пећке патријаршије // *Старинар* н.с. XVIII. Београд, 1968. С. 91–100.

Бошковић, 1972 — *Бошковић Ђ*. Неколико обсервација о Манасији // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972 С. 263–267.

Бошковић, 1975 — *Бошковић Ђ*. Осврт на неке карактеристике регионалног просторног планирања споменика на територији средњовековне Рашке // *Рашка баштина* 1. Краљево, 1975. С. 7–13.

Бошковић, 1979 — *Бошковић Ђ*. О неким проблемима везаним за истраживања Хиландара, са посабним освртом на однос између ексонартекса Хиландарске цркве и споменика моравске школе // *Старинар* н.с. XXVIII–XXIX. Београд, 1979. С. 69–77.

Бошковић, 1988 — *Бошковић Ђ*. Студеница. Осврт на њену генезу и њене корене // *Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ*. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 130–132.

Бошковић, *Вуловић*, 1958 — *Бошковић Ђ*, *Вуловић Б*. Царичин Град – Куршумлија — Студеница // *Старинар*. Н.с. Књ. 7–8. Београд, 1958. С. 173–180.

Бошковић, *Томовски*, 1961 — *Бошковић Ђ*, *Томовски К*. Средновековната архитектура во Охрид // *Зборник на трудови: посебно издание по повод 10-годишнината од основувањето на музејот, посветено на XII меѓународен конгрес на византолозите*. Охрид, 1961. С. 71–100.

Брмболић, б.г. — *Брмболић М*. Манастир Намасија. Параћин, б.г.

Валтровић, 1889 — *Валтровић М*. Поглед на стару српску црквену архитектуру // *Глас СКА* XVII. Београд, 1889. С. 3–39.

Валтровић М. Уметност код Срба. Београд, 1906.

- Валтровић*, 1907/1 — *Валтровић М.* Каленић // *Старинар*. Т. I. Ч. 2. Београд, 1907. С. 33–43.
- Валтровић*, 1907/2 — *Валтровић М.* Белешке о манастиру Љубостињи // *Додатак к Старинару н.р. година I (1906)*. Београд, 1907. С. 24–28.
- Валтровић*, 1908 — *Валтровић М.* Белешке у манастиру Љубостињи // *Старинар II*. Београд, 1908. С. 24–30.
- Валтровић*, *Васић*, 1906 — *Валтровић М.*, *Васић М.* Римска гробница у селу Брестовику // *Старинар*. Н.р. Година I (1906). Београд, 1907. С. 128–140.
- Васић*, 1922 — *Васић М.* Архитектура и скулптура у Далмацији од почетка IX до почетка XV века. Београд, 1922.
- Васић*, 1928 — *Васић М.* Жича и Лазарица. Студије из српске уметности средњег века. Београд, Издавачка књижарница Геце Кона, 1928.
- Воронова*, 2010 — *Воронова А.А.* Особенности архитектуры византийских провинций на Адриатике IX–XII веков // *Труды Государственного Эрмитажа*. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. СПб., 2010. С. 214–226.
- Воронова*, 2015 — *Воронова А.А.* На границе востока и запада. Средневековая архитектура Сербии, Далмации и Истрии. М., 2015.
- Вујић*, 1828 — *Јоакима Вујића*, славено-српског списатеља Путешествије по Србији во кратце сопственном руком његовом списано у Крагујевцу у Србији. Будим Град, 1828.
- Вујовић Б* — *Вујовић Б.* Надпис деспота Стефана Лазаревича // *Зборник за ликовне уметности* 4. Нови Сад, 1968. С. 188–189.
- Вукадин*, 1975 — *Вукадин О.* Археолошка истраживања у Старој Павлици // *Рашка баштина* 1. Краљево, 1975. С. 145–148.
- Вуловић Б.*, 1956 — *Вуловић Б.* Конзервација рушевина Сисојевца // *Саопштења I*. Београд, 1956. С. 59–61.

- Вуловић Б.*, 1957/1 — *Вуловић Б.* Црква светог Николе код Куршумлије // Зборник Архитектонског факултета 3. Београд, 1957. С. 3–21.
- Вуловић Б.*, 1957/2 — *Вуловић Б.* Резултати радова на конзервацији рушевина Дренче // Зборник заштите споменика културе VI–VII. Београд, 1957. С. 51–63.
- Вуловић Б.*, 1966 — *Вуловић Б.* Раваница. Њено место и њена улога у сакралној архитектури Поморавља // Саопштења. Књ. VII. Београд, 1966.
- Вуловић Б.*, 1967 — *Вуловић Б.* Систем и композиција раваничке камене пластике // Зборник Архитектонског факултета 4. Београд, 1967. С. 51–63.
- Вуловић Б.*, 1972 — *Вуловић Б.* Учесће Хиландара и српске традиције у формирању моравског стила // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972 С. 169–178.
- Вуловић Б.*, 1978 — *Вуловић Б.* Проблем рестаурације манастира Дренче // Зборник за ликовне уметности 14. Нови Сад, 1978. С. 213–233.
- Вуловић Б.*, 1980 — *Вуловић Б.* Лазарица црква св. Стефана у Крушевцу // Старица 30. Београд, 1980. С. 31–42.
- Вуловић Б.*, 1997 — *Вуловић Б.* Архитектура Раваници // Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 19–32.
- Вуловић М.*, 2002 — *Вуловић М.* Осврт на проблеме обнове цркве манастира Павловац // Наслеђе IV. Београд, 2002. С. 129–139.
- Габелић*, 1998 — *Габелић С.* Манастир Лесново. Историја и сликарство. Београд, 1998.
- Гавриловић*, 1988 — *Гавриловић З.* Живопис вестибила богородичине цркве у Студеници. Избор тема и симболика // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 185–191.
- Гаврић, Ковачевић*, 2015 — Гаврић Г, Ковачевић М Манастир Дренча. Од рушевије до храма. Краљево, 2015.

- Гардашевић*, 1977 — *Гардашевић Б.* Каноничност стицања аутокефалности Српске цркве 1219. године // Свети Сава: Споменица поводом осамстогодишњице рођења 1175–1975. Београд, 1977. С. 33–77.
- Гашић*, 1970 — Гашић Р. Конзервација живописа манастира Јошанице // Саопштења IX. Београд, 1970. С. 145–147.
- Гил*, 2000 — *Гил Д.* Између сакрализације и политизације историје и традиције — свети владар Стефан Немања // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 89–93.
- Григорович-Барски*, 2004 — *Григорович-Барски В.* Второе посещение Святой Афонской Горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное. М., 2004 (репринт издания 1885–1887).
- Грозданов*, 1966 — *Грозданов Ц.* Прилози познавању средњовековне уметности Охрида // Зборник за ликовне уметности 2. Нови Сад, 1966. С. 197–232.
- Грозданов*, 1995 — *Грозданов Ц.* Свети Наум Охридски. Скопје, 1995.
- Грозданов*, 2000 — *Грозданов Ц.* Свети Симеон Немања и свети Сава у сликарској тематици у Македонији (XIV–XVII век) // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 319–342.
- Грујић Р. Светогорски азили за српске владоце и властелу после Косовске битке // Гласник СНД XI. Скопје, 1932. С. 76.
- Грујић*, 1955 — *Грујић Р.* Археолошко-историски објекти у Горњем Козјаку код Карбинаца на Брегалници // Старинар н.с. III–IV. Београд, 1955. С. 212–215.
- Дероко*, 1951 — *Дероко А.* Смедеревски град // Старинар н.с. II. Београд, 1951. С. 59–96.
- Дероко*, 1953 — *Дероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1953.

- Дероко*, 1985 — *Дероко А.* Архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1985.
- Дероко, Здравковић*, 1950 — *Дероко А., Здравковић И.* Старе цркве код Лепенца, Мелентије и Сталаћа // *Старинар* н.с. I. Београд, 1950. С. 223–227.
- Дероко, Ненадович*, 1956 — *Дероко А., Ненадович С.* Смедеревски град. Испитивања 1956 године // *Старинар* н.с. VII–VIII. Београд, 1958. С. 181–192.
- Деспот Стефан, 2008 — Деспот Стефан и његова Манасија // *Дани Српскога Духовног преображења XV*. Научни скуп Деспотовац – Манасија, 4 август 2007 / Уред. М. Пантић. Деспотовац, 2008.
- Джурич*, 2000 — *Джурич В.* Византијске фреске. Средновековна Србија, Далмација, славјанска Македонија. М., 2000.
- Димитрова*, 2002 — *Димитрова Е.* Манастир Матејче. Скопје, 2002.
- Динић*, 1964 — *Динић М.* Година рођења Стефана Лазаревића // *Прилози за књижевност, историју, језик и фолклор XXX*. београд, 1964. С. 243–246.
- Ђорђевић*, 1981 — *Ђорђевић И.* Сликарство XIV века у цркви Св. Спаса у селу Кучевишту // *Зборник за ликовне уметности* 17. Нови Сад, 1981. С. 77–108.
- Ђорђевић*, 1987 — *Ђорђевић И.М.* Милешева и Студеница // *Милешева у историји српског народа. Међународни научни скуп поводом седам и по векова постојања (Јуни 1985)*. Београд, 1987. С. 69–80.
- Ђурић В.*, 1963/1 — *Ђурић В.* Сопоћани. Београд, 1963.
- Ђурић В.*, 1963/2 — *Ђурић В.Ј.* Ресава (Манасија). Београд, 1963.
- Ђурић В.*, 1965 — *Ђурић В.Ј.* Настанак градитељског стила Моравске школе: Фасаде, систем декорација, пластика // *Зборник за ликовне уметности* 1. Нови Сад, 1965. С. 33–64.
- Ђурић В.*, 1968/1 — *Ђурић В.* Три догађаја у српској држави XIV века и њихов одјек у сликарству // *Зборник за ликовне уметности* 4. Нови Сад, 1968. С. 65–97.
- Ђурић В.*, 1968/2 — *Ђурић В.* Моравско сликарство. Београд, 1968.

- Ђурић В.*, 1972 — *Ђурић В.* Марков манастир — Охрид // Зборник за ликовне уметности. 8. Нови Сад, 1972. С. 129–160.
- Ђурић В.*, 1981 — *Ђурић В.* Рашко и приморско градитељство // Историја српског народа I. Београд, 1981. С. 389–407.
- Ђурић В.*, 1985 — *Ђурић В.Ј.* Црква Св. Петра у Богдашићу и њене фреске // Зограф. 1985. Т. 16. С. 31–36.
- Ђурић В.*, 1997 — *Ђурић В.* Раванички живопис и литургија // Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 45–68.
- Ђурић, Бабић-Ђорђевић*, 1997 — *Ђурић В., Бабић-Ђорђевић В.* Српска уметност у средњем веку I–II. Београд, 1997.
- Ђурић, Ђирковић, Кораћ*, 1990 — *Ђурић В., Ђирковић С., Кораћ В.* Пећка Патријаршија. Београд, 1990.
- Ђурић С.*, 1980 — *Ђурић С.* Најастарије сликарство Љубостиње // Рашка баштина 2. Краљево, 1980. С. 109–114.
- Ђурић С.*, 1983 — *Ђурић С.* Манастир Љубостиња. Београд, 1983; 1987.
- Ђурић С.*, 1985 — *Ђурић С.* Љубостиња — Црква Успења Богородичног. Београд, 1985.
- Ердељан*, 2006 — *Ердељан Ј.* Београд као Нови Јерусалим. Размишљања о рецепцији једног топоса у доба деспота Стефана Лазаревића // Зборник радова Византолошког института 43. Београд, 2006. С. 97–109.
- Живковић*, 1973 — *Живковић М.* Портрети Стефана и Лазара Мусића у Новој Павлици на Ибру // Повеле. Бр. 8. Краљево, 1973.
- Живковић*, 2002 — *Живковић Т.* Јужни словени под византијском влашћу (600–1025). Београд, 2002.
- Живојиновић*, 1979 — *Живојиновић М.* Ктиторска делатност светога Саве // Сава Немањић — Свети Сава: историја и предање. Међународни научни скуп: Децембар 1979. Београд, 1979. С. 15–24.
- Живојиновић*, 1980 — *Живојиновић М.* Стефан Немања као монах Симеон // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 101–112.

Живот деспота, 1870 — Живот деспота Стефана Лазаревића великог кнеза српског. По одеском рукопису за штампу спремео Др. Ј. Шафарик // Гласник Српског ученог друштва XI, св. XXVIII с.р. Београд, 1870. С. 363–428.

Задужбине Косова, 1987 — Задужбине Косова: Споменици и знамења српског народа. Призрен-Београд, 1987.

Зарић, 1992 — *Зарић Р.* Остаци фресака у припрати Манасије // Саопштења XXIV. Београд, 1992. С. 99–112.

Захарова, Мальцева, 2013 — *Захарова А.В., Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах эпохи Душана Сильного (1331–1355) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 3. С. 125–144.

Здравковић, 1951 — *Здравковић И.* Манастир Дренћа – Душманица // Старинар н.с. II. Београд, 1951. С. 245–248.

Ивановић, 1987 — *Ивановић М.* Мочаре, манастир Убожац, Рђавац (Црквени споменици XIII–XX века) // Задужбине Косова: Споменици и знамења српског народа. Призрен-Београд, 1987. С. 387–547.

Из хронике Константина Манасии, 2000 — Из хронике Константина Манасии / под. ред. М. А. Салминой, перевод и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века.– СПб.: Наука, 2000. С. 234–271, 528–533.

Историја српског народа, 1982 — Историја српског народа. Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). Књ. 2. Београд, Српска књижевна задруга, 1982.

Историја, 1981–1982 — Историја српског народа. Књ. 1–2. Београд, 1981–1982.

Јагић, 1875 — *Јагић В.* Константин философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског. По двјема српска-словенским рукописима // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1875. С. 223–328.

- Јанковић Ђ.* Српско Поморје од 7. до 10. столећа. Београд, 2007.
- Јевтић,* 1977 — *Јевтић А.* Из богословља Светог Саве // Свети Сава: Споменица поводом осамстогодишњице рођења 1175–1975. Београд, 1977. С. 117–180.
- Јуречек,* 1990 — *Јуречек К.* Историја Срба. Т. I–II. Београд, 1990.
- Јовановић К.,* 1909 — *Јовановић К.* Две старее цркве у Космају // Старинар н.р. III. Београд, 1909. С. 173–183.
- Јовановић,* 1985 — *Јовановић М.* Аустријски архитекта Лудвиг Ферстер као писац о византијским и српским црквама // Саопштења XVII. Београд, 1985. С. 213–218.
- Јуришић,* 1991 — *Јуришић А.* Нова Павлица — резултати археолошких радова. Београд, 1991.
- Кадидјевић,* 1997 — *Кадидјевић А.* Један века тражења националног стила у српској архитектури (средина XIX – средина XX века). Београд, 1997.
- Казарян,* 2005 — *Казарян А.Ю.* Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., Северный Паломник, 2005. С. 13–30.
- Калић,* 1988 — *Калић Ј.* Студеничко време српске историје // Студеница и византијска уметност око 1200. године. Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ: Септембар 1986. Београд, 1988. С. 33–34.
- Калић,* 2006/1 — *Калић Ј.* Европа и Срби. Средњи век. Београд, 2006.
- Калић,* 2006/2 — *Калић Ј.* Деспот Стефан и Византија // Зборник радова
- Калић,* 2012 — *Калић Ј.* Срби у позном Средњем веку. Београд, 2012
- Калић-Мијушковић,* 1967 — *Калић-Мијушковић Ј.* Београд у Средњем веку. Београд, 1967.
- Калић-Мијушковић,* 1975 — *Калић-Мијушковић Ј.* Велики жупан Стефан Немања и кнез Лазар // О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, Научно Дело, С. 151–158.

- Кандић*, 2005 — *Кандић О.* Градац. Београд, 2005.
- Каниц*, 1985 — *Каниц Ф.* Србија: Земља и становништво. Т. I–II. Београд, 1985.
- Караџић*, 1826–1828 — *Караџић В.С.* Географическо-статистическо описаније Србије. Београд 1826–1828.
- Катанић*, 1988 — *Катанић Н.* Декоративна камена пластика Моравске школе. Београд, 1988.
- Кашанин*, 1969 — *Кашанин М.* Ресава деспота Стефана // Зограф: часопис за средњовековну уметност 3. Београд, 1969. С. 3–10.
- Кашанин, Бошковић, Мијовић*, 1969 — *Кашанин М., Бошковић Ђ., Мијовић П.* Жича. Историја, архитектура, сликарство. Београд, 1969.
- Кашанин и др.*, 1986 — *Кашанин М., Чанак-Медић М., Максимовић Ј., Тодић Б., Шакота М.* Манастир Студеница. Београд, 1986.
- Кнежевић*, 1968 — *Кнежевић Б.* Црква у селу Рамаћи // Зборник за ликовне уметности. Т. 4. Нови Сад, 1968. С. 119–166.
- Кнежевић*, 1976 — *Кнежевић Б.* Стара црква у Бањи Јошаници // Зборник за ликовне уметности 12. Нови Сад, 1976. С. 69–94.
- Ковачевић*, 1974 — *Ковачевић М.* Манастир Лепенац на Расини // Старинар н.с. XXIII. Београд, 1974. С. 73–88.
- Ковачевић*, 1975 — *Ковачевић М.* Конзерваторско-рестаураторски радови на цркви манастира Лепенца у Расини // Рашка баштина 1. Краљево, 1975. С. 247–255.
- Кондаков*, 1909 — *Кондаков Н.П.* Македонија. Археологическоо путошество. СПб, 1909.
- Кондаков*, 2004 — *Кондаков Н.П.* Памятники хришћанског искуства на Афоне. М., 2004.
- Кондић, Поповић*, 1977 — *Кондић В., Поповић В.* Царичин Град. Утврђено насеље у византијском Илирику. Београд, 1977.
- Константин Философ, 2007 — Константин Философ. Живот Стефана Лазаревића деспота српског. Београд, 2007.

Кораћ, 1959 — *Кораћ В.* Дољани код Титограда. Ранохришћанска црква. Старинар IX–X. Београд, 1959. С. 383–385.

Кораћ, 1965 — *Кораћ В.* Градитељска школа Поморја. Београд, 1965.

Кораћ, 1969 — *Кораћ В.* Моравска архитектура // Багдала. Бр. 118. Крушевац, 1969.

Кораћ, 1985 — *Кораћ В.* О традицији у светогорској архитектури // Зборник за ликовне уметности. 21. Нови Сад, 1985. С. 163–174.

Кораћ, 1987/1 — *Кораћ В.* О природи обнове и првцима развитка архитектуре у раном средњем веку у источним и западним областима Југославије. Градитељство у западним областима (Далмација и Дукља, касније Зета) // Између Византије и Запада. С. 9–10.

или

Кораћ, 1987/1 — *Кораћ В.* О природи обнове и првцима развитка архитектуре у раном средњем веку у источним и западним областима Југославије. С. 14–18.

Кораћ, 1987/2 — *Кораћ В.* Архитектура раног средњег века у Дукљи и Зети. Програм простора и порекло облика // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 21–32.

Кораћ, 1987/3 — *Кораћ В.* Једнобродна црква са куполом у византијској архитектури XI и XII века // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 77–85.

Кораћ, 1987/4 — *Кораћ В.* Грачаница (простор и облици) // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 99–108.

Кораћ, 1987/5 — *Кораћ В.* Археолошка опажења о припрати кнеза Лазара у Хиландару // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 114–130.

Кораћ, 1987/6 — *Кораћ В.* Извори Моравске архитектуре // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 131–144.

- Кораћ*, 1987/7 — *Кораћ В.* Свети Сава и програм Рашког храма // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 145–156.
- Кораћ*, 1987/8 — *Кораћ В.* Место Придворице у рашкој архитектури // *Кораћ В.* Између Византије и Запада. Одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 157–173.
- Кораћ*, 1989 — *Кораћ В.* Архитектура Дечана, традиција и иновација // Дечани и византијска уметност срединном XIV века. Међународни научни скуп поводом 650 година манастира Дечана. Септембар 1985. Београд, 1989. С. 149–157.
- Кораћ*, 1990 — *Кораћ В.* О сликане фасаде // Пећка патријаршија, Београд 1990. С. 101–107.
- Кораћ*, 1998 — *Кораћ В.* Свети Арханђели, Душанов царски маузолеј // Глас САНУ. Одељење историјских наука. 1998. Књ. 10. Београд, 1998. С. 191–201.
- Кораћ*, 2003 — *Кораћ В.* Споменици монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд, 2003.
- Кораћ*, 2006 — *Кораћ В.* Монументална архитектура у Византије и Србији у последњем веку Византије. Особена обрада фасадних површина // Зборник радова Византолошког института, 43. Београд, 2006. С. 209–213.
- Кораћ*, *Ковачевић*, 1970 — *Кораћ В.*, *Ковачевић Ј.* Црква св. Томе у Прчању у Боки Которској // Зборник Филозофског факултета XI–1. Београд, 1970. С. 107–114.
- Кораћ*, *Шупут*, 2005 — *Кораћ В.*, *Шупут М.* Архитектура византијског света. – Београд, 2005.
- Кордић*, 2002 — *Кордић М.* Душан Силни. Београд, 2002.
- Корићанац*, 2006 — *Корићанац Т.* Дворска библиотека Деспота Стефана Лазаревића. Београд, 2006.
- Корнаков*, 2005 — *Корнаков Д.* Македонски манастири. Скопје, 2005.

- Костић*, 1969 — *Костић И.* Испитивачки радови на цркви Св. Николе манастира Бање код Прибоја // Саопштења. Бр. 8. Београд, 1969. С. 133–136.
- Коцо*, 1948 — *Коцо Д.* Климентовиот Манастир «Св. Пантелејмон» и раскопката при «Имарет» во Охрид // Годишен зборник на Филозофскиот факултет. 1. Скопје, 1948. С. 174–182.
- Коцо*, 1961 — *Коцо Д.* Ранохристијански базилики во областа на Охридското језеро // Зборник на трудови: посебно издание по повод 10-годишнината од основувањето на музејот, посветено на XII меѓународен конгрес на византолозите. Охрид, 1961. С. 15–33.
- Коцо*, 1966 — *Коцо Д.* Триконхалните цркви во Климентовото време // Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски / Уред. П. Илиевски. Охрид, 1966. С. 91–98.
- Коцо*, 1974 — *Коцо Д.* Резултати од археолошките ископувања на Наумовата црква // Предавања на VII Семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 1974. С. 152–156.
- Куртовић-Фолић*, 2001 — *Куртовић-Фолић Н.* Општа типологија триконхосних облика у архитектури, дефенисање типа и модела // Зборник Народног музеја: археологија XVII–1. Београд, 2001. С. 463–478.
- Ласкарис*, 1926 — *Ласкарис М.* Византиске принцезе у средњовековној Србији. Београд, 1926.
- Љубинковић*, 1961 — *Љубинковић М.* Археолошка ископавања у Давидовици // Саопштења IV. Београд, 1961. С. 113–123.
- Љубинковић*, 1961 — *Љубинковић М.* Одроз култа св. Стефана у српској средњовековној уметности // Старинар н.с. XII. Београд, 1961. С. 45–60.
- Љубинковић*, 1968 — *Љубинковић М.* Ископовања комплекса цркве Светог Николе код Куршумлију // Археолошки преглед. Бр. 10. Београд, 1968. С. 188–192.

- Љубинковић, 1973/1 — Љубинковић М.* Манастир Липовац — црква светог Стефана код Алексинца // Археолошки преглед. Бр. 15. Београд, 1973. С. 124–125.
- Љубинковић, 1973/2 — Љубинковић М.* Манастир Велуће // Археолошки преглед. Т. 15. Београд, 1973. С. 122–123.
- Љубинковић, 1989 — Љубинковић М.* Манастир Раваница. Београд, 1989.
- Љубинковић, 2002 — Љубинковић М.* Манастир Раваница. Београд, 2002.
- Магарашевић, 1983 — Магарашевић Ђ.* Путовање по Србији у 1827 године. Београд, 1983.
- Мадас, 1974 — Мадас Д.* Археолошки радови у манастиру Раваница // Саопштења Х. Београд, 1974. С. 77–85.
- Мадас, 1969 — Мадас Д.* Радови на цркви манастира Павловца // Саопштења VIII. Београд, 1969. С. 189–191.
- Мадас, Гајић, 1983 — Мадас Д., Гајић А.* Надгробне плоче и гробови ктитора цркве Богородице Пречисте у комплексу Ждрела у Горњачкој клисуре // Саопштења XV. Београд, 1983. С. 221–242.
- Максимовић Ј., 1964 — Максимовић Ј.* Византијски и оријентални елементи у декорацији моравске школе // Зборник Филозофског факултета VIII. Београд, 1964. С. 375–383.
- Максимовић Ј., 1971 — Максимовић Ј.* Српска средњовековна скулптура. Нови Сад, 1971.
- Максимовић Ј., 1972 — Максимовић Ј.* Моравска скулптура // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972 С. 181–188.
- Максимовић Љ., 1981 — Максимовић Љ.* Почети освојачке политике // Историја српског народа. Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Београд, 1981. С. 437–448.
- Максимовић Љ., 1988 — Максимовић Љ.* Владарска идеологија у српској држави и подизање Студенице // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира

Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 48–49.

Максимовић Љ., 2008 — *Максимовић Љ.* Византијски свет и срби. Београд, 2008.

Максимовић Љ., 2009 — *Максимовић Љ.* Владарска идеологија у српској држави и подизање Студенице // Византијски свет и срби. Београд, Историјски институт, 2009. С. 113–131.

Мальцева, 2010 — *Мальцева С.В.* Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Византийские истоки и становление сербских региональных традиций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. — С. 282–299.

Мальцева, 2012/1 — *Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах XIII – первой половины XIV в // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 177–199.

Мальцева, 2012/2 — *Мальцева С.В.* О некоторых проблемах периодизации сербского средневекового зодчества. Термин Моравская школа // Искусствознание. 2012. № 3–4/2012. С. 95–116.

Мальцева, 2012/3 — *Мальцева С.В.* Некоторые проблемы изучения однонефных купольных построек на примере средневековой сербской архитектуры // Seminarium Bulkinianum. III: К 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб., 2012. С. 42–57.

Мальцева, 2012/4 — *Мальцева С.В.* Каленич // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 669–675.

Мальцева, 2013 — *Мальцева С.В.* Проблема прототипов и хронологии построек последнего периода сербского средневекового зодчества (к историографии вопроса) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей / Под. ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. Вып. 3. СПб., 2013. С. 134–140.

Мальцева, 2014 — *Мальцева С.В.* Триконхи в сербской архитектуре Моравского периода: обзор основных проблем изучения // Актуальные

- проблеми теорије и историје искуства: сб. науч. статей. Вып. 4 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. — СПб., 2014. С. 131–143.
- Мальцева*, 2016 — *Мальцева С.В.* Пути и форми западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. СПб., 2016. Вып. 6. С. 197–208.
- Манастир Бањска, 2007 — Манастир Бањска и доба краља Милутина. Манастир Бањска, 2007.
- Манастир Жича, 2000 — Манастир Жича: Зборник радова. Краљево, 2000.
- Мандић*, 1965 — *Мандић С.* Сопоћани. Београд, 1965.
- Мандић*, 1980 — *Мандић С.* Розета на Ресави // Рашка баштина 2. Краљево, 1980. С. 125–135.
- Мандић*, 1986 — *Мандић С.* Розета на Ресави. Крушевац, 1986.
- Мандић*, 1997 — *Мандић С.* Стари раванички нартекс // Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 33–38.
- Мано-Зиси*, 1934 — *Мано-Зиси Ђ.* Неколико старих српских црква // Старинар VIII–IX. Београд, 1934. С. 210–240.
- Мано-Зиси*, 1951 — *Мано-Зиси Ђ.* Стара црква у Смедереву // Старинар н.с. II. Београд, 1951. С. 153–173.
- Марасовић*, 1988 — *Марасовић Т.* Бизантинска компонента у архитектури Далмације од 11. до 13. Столећа // Студеница и византијска уметност око 1200. године. С. 455–462.
- Маринковић*, 1987 — *Маринковић Р.* Доментијанов опис преноса моштију светог Саве из Трнова у Милешеву // Милешева у историји српског народа. Међународни научни скуп поводом седам и по векова постојања (Јуни 1985). Београд, 1987. С. 121–134.
- Маринковић*, 2007 — *Маринковић Ч.* Слика подигнуте цркве. Београд, 2007.
- Марјановић-Вујовић*, 1980 — *Марјановић-Вујовић Г.* Манастирски комплекс Кастаљан // Археолошка истраживања Крушевца и Моравске Србије. Београд, 1980. С. 83–87.

- Марјановић-Душанић*, 1997 — *Марјановић-Душанић С.* Владарска идеологија Немањића. Београд, 1997.
- Марковић*, 1969 — *Марковић О.* Прилог проучавању архитектуре манастира Сопоћана // Саопштења. VIII. Београд, 1969. С. 97–98.
- Марковић*, 2015 — *Марковић М.* Свети Никита код Скопља. Задужбина краља Милутина. Београд, 2015.
- Медаковић*, 1985 — *Медаковић Д.* Прва испитивања старина у Србији // Истраживачи српских старина. Београд, 1985. С. 154–157.
- Медаковић*, 1986 — *Медаковић Д.* Истраживачи српских старина. Београд, 1985.
- Медаковић*, 1997 — *Медаковић Д.* Две Раванице // Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 195–200.
- Медоевић*, 2000 — *Медоевић Ј.* Цркве у Бјелопольском крају. Пријеполје, 2000.
- Мијовић*, 1968/1 — *Мијовић П.* О црквама краља Милутина у Солуну // Старице н.с. XVIII. Београд, 1968. С. 232–237.
- Мијовић*, 1968/2 — *Мијовић П.* Царска иконографија у српској средњовековној уметности // Старице н.с. XVIII. Београд, 1968. С. 103–117.
- Миладиновић*, 2002 — *Миладиновић С.* Задужбине. Београд, 2002.
- Милишева, 1987 — Милишева у историји српског народа: Међународни научни скуп поводом седам и по векова постојања јуни 1985 / Уред. В. Ђурић. Београд, 1987.
- Милојевић*, 1986 — *Милојевић С.* Мусићи // Историјски часопис. Књ. XXXIII. Београд, 1986. С. 5–36.
- Милонас*, 2000 — *Милонас П.* Иллюстрированный словарь Святой Афонской горы. Атлас двадцати суверенных монастырей: топография и архитектура. Т. 1. Ч. 1. Вып. 1–3. Wasmuth, 2000.

Милонас, 1995 — *Милонас П.М.* Заметки об архитектуре Афона // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., Дмитрий Буланин, 1995. — С. 7–82.

Милутиновић, 1879 — *Милутиновић Д.* Кратка расправа при отварању петог излога снимака архитектоних, живописних и скулптурних 14 Маја 1878 године // Гласник Српског ученог друштва. Т. 47. Београд, 1879. С. 251–258.

Миљковић-Пепек, 1985 — *Миљковић-Пепек П.* Некои погледи врз Архитектурата на манастирската црква Св. Наум крај Охридското Езеро. Охрид, 1985.

Минић, *Вукадин*, *Ђорђевић*, 1975 — *Минић Д.*, *Вукадин О.*, *Ђорђевић С.* Средњовековни град Сталаћ // Рашка баштина 1. Краљево, 1975. С. 185–198.

Мирковић, 1931 — *Мирковић Л.* Руденица // Прилози за књижевност, историју, језик и фолклор XI. Београд, 1931. С. 86–92.

Мирковић, 2007 — *Мирковић Л.* Типик Архиепископа Никодима. Београд, 2007.

Мирковић, *Татић*, 1925 — *Мирковић Л.*, *Татић Ж.* Марков манастир. Нови Сад, 1925.

Митошевић, 2006 — *Митошевић Д.* Манастир Горњак. Задужбина кнеза Лазара. XIV век. Горњак, 2006.

Михаиловић, 1956 — *Михаиловић Д.* Црква у Рамаћи — нови споменик сликарства Моравске школе // Саопштења I. Београд, 1956. С. 146–155

Михаиловић, *Ковачевић*, 1989 — *Михаиловић М.*, *Ковачевић М.* Нова Павлица. Београд, 1989.

Михајловић, 1997 — *Михајловић Б.* Сисојевац. Параћин, 1997.

Михаљчић, 1975 — *Михаљчић Р.* Кнез Лазар и обнова Српске државе // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 1–11.

Михаљчић, 1989/1 — *Михаљчић Р.* Крај српског царства. Београд, Београдски издавачко-графички завод, 1989.

- Михаљчић*, 1989/2 — *Михаљчић Р.* Лазар Хребелјановић: историја, култ, предање. Београд, 1989.
- Мишковић-Прелевић*, 1978 — *Мишковић-Прелевић Љ.* Каталог цртежа Михаила Валтровића и Драгутина Милутиновића у Историјском музеју Србији // Излози Српског ученог друштва. Београд, 1978. С. 123–125.
- Младеновић*, 2003 — *Младеновић А.* Повеље кнеза Лазара. Београд, 2003
- Моравска школа и њено доба, 1972 — Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972.
- Мошин*, 1940 — *Мошин В.* Житие старца Исаии, игумена Русског манастира на Афоне // Сборник Русског археолошког друштва в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. III. Београд, 1940. С. 125–167.
- Мошин*, 1975 — *Мошин В.* Самодержавни Стефан кнез Лазар и традиција немањичког суверенитета од Марице до Косова // О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 13–43.
- Немањић*, 1975 — *Немањић С.* Живот Стефана Немање. Београд, 1975
- Ненадовић*, 1956 — *Ненадовић С.М.* Шта је краљ Милутин обновио на цркви Богородице Љевишке у Призрену // Старице н.с. Књ. V–VI. Београд, 1956. С. 205–225.
- Ненадовић*, 1961 — *Ненадовић С.* Конзерваторска документација о архитектури манастира Ресаве // Зборник заштите споменика културе XII. Београд, 1961. С. 51–80.
- Ненадовић*, 1962 — *Ненадовић С.* Конзерваторска документација о архитектури манастира Ресаве. II део. Трапезарија и зграде за становање // Зборник заштите споменика културе XIII. Београд, 1962. С. 37–50.
- Ненадовић*, 1963 — *Ненадовић С.* Богородица Љевишка: њен постанак и њено место у архитектури милутиновог времена. Београд, 1963.
- Ненадовић*, 1967 — *Ненадовић С.* Душанова задужбина Манастир Светих Арханђела код Призрена. Београд, 1967.

- Ненадовић, 1979 — Ненадовић С. Размишљања о архитектури цркве Благовештења деспота Ђурђа Бранковића у Смедереву // Зборник радова Народног музеја у Београду IX–X. Београд, 1979. С. 403–416.*
- Ненадовић, 1980 — Ненадовић С. Нека питања из области технике грађења и стила портала у средњовековној србској архитектури // Рашка баштина. Т. 2. Краљево, 1980. С. 43–69.*
- Ненадовић, 1980 — Ненадовић С.М. Архитектура у Југославији од IX–XVIII века и главни споменици народа Југославије изван њених граница. Београд, 1980.*
- Ненадовић, 1997 — Ненадовић С. Осам веков Хиландара. Грађење и грађевине. Београд, 1997.*
- Ненадовић, 2003 — Ненадовић С. Грађевинска техника у средњовековној Србији. Београд, 2003.*
- Нешковић, 1961 — Нешковић Ј. Црква манастира Давидовице на Лиму // Саопштења IV. Београд, 1961. С. 89–112.*
- Нешковић, 1975 — Нешковић Ј. Ђурђеви Ступови у Расу // Рашка баштина 1. Краљево, 1975. С. 149–158.*
- Нешковић, 1984 — Нешковић Ј. Ђурђеви Ступови у старом Расу. Постанак архитектуре цркве Св. Ђорђа и стварање рашког типа споменика у архитектури средњовековне Србије. Краљево, 1984.*
- Николић М., 1973 — Николић М. Властелинство манастира Ждрела (Горњака) // Историјски часопис. Београд, 1973. С. 149–155.*
- Николић, 1961 — Николић Р. Прилог за проучавање живописа манастира Раванице // Саопштења IV. Београд, 1961. С. 5–31.*
- Николић Р., 1969 — Николић Р. На која острва помишља Константин Философ када говори о Манасији // Саопштења VIII. Београд, 1969. С. 187.*
- Николић Р., 1980 — Николић Р. Прилози проучавању живописа из XIII и XIV века у области Расе. Житије Светог Саве на фрескама сопоћанског ђаконикона // Рашка Баштина. Књ. 2. Краљево, 1980. С. 71–85.*

- Николић Р.*, 1981 — *Николић Р.* Ко је ктитор прпрате Богородичине цркве у Студеници? // Саопштења XIII. Београд, 1981. С. 57–66.
- Николић Р.*, 1983 — *Николић Р.* Када је подигнута и живописана Раваница // Саопштења XV. Београд, 1983. С. 45–66.
- Николић, Живковић*, 1966 — *Николић Р., Живковић Б.* Три моравска манастира: Манасија — Раваница — Каленић. Београд, 1966
- Новаковић Р.*, 1981 — *Новаковић Р.* Где се налазила Србија од VII до XII века: историјско-географско разматрање. Проблеми и знања. Београд, 1981. (С 415).
- Новаковић С.*, 1954 — *Новаковић С.* Васкрс државе српске политичко-историска студија о првом српском устанку 1804–1813. Београд, 1954
- Ношпал-Никуљска*, 1971 — *Ношпал-Никуљска Н.* За ктиторската композиција и натписот во Марковиот мансастир — село Сушица, Скопско, Гласник на Институтот за национална историја. Т, XV, бр. 2. Скопје, 1971. С. 225–238.
- О Кнезу Лазару, 1975 — О Кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, Научно Дело, 1975. — 436 с. + илл.
- Осам векова, 1986 — Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986.
- Острогорски*, 1965 — *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965.
- Острогорски*, 1975 — *Острогорски Г.* Србија и византијска хијерархија држава // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 125–137.
- Оустерхаут*, 2005 — *Оустерхаут Р.* Византијские Строители. Киев-Москва, 2005.
- Павловић*, 1969 — *Павловић Д.* Испитивачки радови на цркви манастира Љубостиње и предлог за њен будући изглед // Саопштења VIII. Београд, 1969. С. 155–179.

- Павловић*, 1975 — *Павловић Д.* Прилог проучавању сликаних декорација фасада српских средњовековних цркава са подручја Западне Мораве // Рашка баштина 1. Краљево, 1975. С. 199–202.
- Пајкић*, 1970 — *Пајкић П.* О историји манастира Јошанице // Саопштења IX. Београд, 1970. С. 117–118.
- Панић*, *Бабић*, 1975 — *Панић Д.*, *Бабић Г.* Богородица Љевишка. Београд, 1975.
- Пејић*, 1998 — *Пејић С.* Манастир Рђавац (Убожац) // Споменичко наслеђе Србије. Београд 1998. С. 419.
- Пејић*, 2009. — *Пејић С.* Манастир Свети Никола Дабарски. Београд, 2009.
- Петковић В.*, 1922 — *Петковић В.* Манастир Раваница. Београд, 1922.
- Петковић В.*, 1928 — *Петковић В.* Уметност у Србији за владе деспота Стефана Лазаревића // Братство XXII. Београд, 1928. С. 2–18.
- Петковић В.*, 1941 — *Петковић В.* Дечани. Т. I. Београд, 1941.
- Петковић В.*, 1950 — *Петковић В.* Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950.
- Петковић В.*, 1951 — *Петковић В.* Ко је био осниваћ манастира Дренће // Старинар н.с. II. Београд, 1951. С. 57–58.
- Петковић*, *Бошковић*, 1953 — *Петковић В.*, *Бошковић Ђ.* Манастир Велуће // Старинар н.с. III–IV. Београд, 1953. С. 45–74.
- Петковић*, *Татић*, 1926 — *Петковић В.*, *Татић Ж.* Манастир Каленић. Вршац, 1926.
- Петковић С.*, 1989 — *Петковић С.* Хиландар. Београд, 1989
- Петровић М.*, 1986/1 — *Петровић М.М.* Студенички типик и самосталност српске цркве. Београд, 1986.
- Петровић М.*, 1986/2 — *Петровић М.* Црквено-државна идеологија светога Савве у Студеничком типичу // Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986. С. 75–83.

- Петровић П.*, 1967 — *Петровић П.* Манастир Враћевшница. Крагуевац, 1967.
- Петровић Р.*, 1983 — *Петровић Р.* Одржиће у Новој Павлици // Саопштења XV. Београд, 1983. С. 243–248.
- Пешић*, 1989 — *Пешић В.* Црква Богородичиног Успења у Мртвици // Саопштења XX–XXI. Београд, 1989. С. 109–134.
- Пирх*, 1983 — *Пирх О.Д.* Путовање по Србији у години 1829. Београд, 1983
- Покрышкин*, 1906 — *Покрышкин П.П.* Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем сербском Королевстве. – СПб.: Императорская Академия художеств, 1906. – 76 с.
- Поповић Д.*, 1986 — *Поповић Д.* Гроб светог Симеона у Студеници // Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986. С. 155–166.
- Поповић Д.*, 1988 — *Поповић Д.* Средњовековни надгробни споменици у Студеници // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 491–502.
- Поповић Д.*, 1989 — *Поповић Д.* Средњовековни надгробни споменици у Дечанима // Дечани и византијска уметност срединном XIV века. Међународни научни скуп поводом 650 година манастира Дечана. Септембар 1985. Београд, 1989. С. 225–235.
- Поповић Д.*, 1992 — *Поповић Д.* Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992.
- Поповић Д.*, 1996 — *Поповић Д.* О настанку култа светог Симеона // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 347–368.
- Поповић Д.*, 1998 — *Поповић Д.* Светитељско прослављање Симеона Немање: прилог проућавању култа моштију код Срба // Зборник радова Византалашки институт 37. Београд, 1998. С. 43–52.
- Поповић Ј.*, 1989 — *Поповић Ј.* Живот Светог цара Лазара. Ћуприје, 1989.

- Поповић М.*, 1973 — *Поповић М.* Манастир светог Петра де Кампо код Требиња // Гласник Земаљског музеја Босне и Херцеговине у Сарајеву. Археологија. Сарајево, 1973. С. 313–346.
- Поповић М.*, 1979 — *Поповић М.* Средњовековна црква Успења Богородици у Београду // Зборник Народног музеја IX–X. Београд, 1979. С. 497–511.
- Поповић М.*, 1980 — *Поповић М.* Манастир Павловац // Археолошка истраживања Крушевца и Моравске Србије, Београд 1980 (посебан отисак из Старицара, н. с. XXX, Београд 1979). С. 75–81.
- Поповић М.*, 2001 — *Поповић М.* Ка проблему средњовековних цркава Смедеревског града // Старицар. Бр. 50. Београд, 2001. С. 201–218.
- Поповић М.*, 2002 — *Поповић М.* Липовац — трагови средњовековног властеоског боравишта // Саопштења XXXIV. Београд, 2002. С. 157–176.
- Поповић М.*, 2002 — *Поповић М.* Средњовековни Добрун // Старицар н.с. LII. Београд, 2002. С. 93–113.
- Поповић М.*, 2015 — *Поповић М.* Манастир Студеница. Археолошка открића. Београд, 2015.
- Поповић, Иванишевић*, 1988 — *Поповић М., Иванишевић В.* Град Браничево у средњем веку // Старицар н.с. XXXIX. Београд, 1988. С. 125–176.
- Поповић П.*, 1931 — *Поповић П.* Споменица Смедеревског града. Београд, 1931.
- Поповић, Петковић*, 1933 — *Поповић П., Петковић В.* Старо Нагоричино – Псача – Каленич. Београд, 1933.
- Поповић С.*, 1996 — *Поповић С.* Распоред капела у византијским манастирима // Саопштења XXVII–XXVIII. Београд, 1996. С. 23–40.
- Поповић, Ђурчић*, 2000 — *Поповић С., Ђурчић С.* Наупара. Корпус сакралне архитектуре Србије у касном средњем веку 1355–1459. Београд, 2000.

- Прокић*, 1970 — *Прокић Р.* Конзерваторско-рестаураторски радови на архитектури цркве манастира Јошанице // Саопштења IX. Београд, 1970. С. 119–128.
- Прокић*, 1986 — *Прокић Р.* Средњовековна архитектура Петрушке области. Крагујевац, 1986.
- Пурковић*, 1978 — *Пурковић М.* Кнез и деспот Стефан Лазаревић. Београд, 1978.
- Радојичић*, 1936 — *Радојичић Ђ.С.* Зашто је Студенца посвећена Св. Богородици Благодетелници (Евергетиди) // Богословље. Бр. 10–11. Београд, 1936. С. 3–10.
- Радојичић*, 1952 — *Радојичић С.* Григорије из Горњака // Историјски часопис. III. Београд, 1952. С. 87–88.
- Радојичић*, 1963 — *Радојичић С.* Милешева. Београд, 1963.
- Радојичић*, 1982 — *Радојичић С.* Одабрани чланци и студије 1933–1978. Београд, 1982.
- Радујко*, 2006 — *Радујко М.* Копорин. Београд, 2006.
- Радуловић*, 1989 — *Радуловић Е.* Скупина моравских споменика без бочних конхи // Крушевачки зборник 4. Крушевац, 1989. С. 47–78.
- Рајковић*, 1955 — *Рајковић М.* Житије Климента охридског // Византиски извори за историју народа Југославије. Т. I. Београд, 1955. С. 297–302.
- Ракоција*, 2013 — *Ракоција М.* Манастири и цркве јужне и источне Србије. Ниш, 2013.
- Расолкоска-Николовска*, 1970 — *Расолкоска-Николовска З.* Црквата Св. Горги во Горен Козјак во светлината на новите испитувања // Материалы симпозиума: 1100-годишнина од смрта на Кирилл Солунски. Скопје, 1970. С. 223–226.
- Расолкоска-Николовска*, 1986 — *Расолкоска-Николовска З.* О владарским портретима у Љуботену и времену настанка зидне декорације // Зограф: часопис за средњовековну уметност. Бр. 17. Београд, 1986. С. 42–53.
- Рашенов*, 1932 — *Рашенов А.* Месемврийски църкви. София, 1932.

- Ресавска школа, 1994 — Ресавска школа и деспот Стефан Лазаревић // Дани Српскога Духовног преображења XV. Научни скуп Деспотовац — Манасија, 28 август 1993 / Уред. М. Пантић. Деспотовац, 1994.
- Ристић*, 1988 — *Ристић В.* Наупара велика розета // Крушевац. Крушевац, 1988. С. 48.
- Ристић*, 1989 — *Ристић В.* Лазарица и Крушевачки град. Београд, 1989.
- Ристић*, 1994 — *Ристић В.* Новооткривене фреске у цркви Св. Богородице манастира Наупаре // Саопштења XXVI. Београд, 1994. С. 131–150.
- Ристић*, 1996 — *Ристић В.* Моравска архитектура. Крушевац, 1996.
- Ристић*, 1998 — *Ристић В.* Наупара и касновизантијско сликарство // Зборник радова Византалoшки институт 37. Београд, 1998. С. 221–232.
- Ристић, Миладиновић*, 2002 — *Ристић В.* Миладиновић Н. Првобитни изглед цркве Лазарице у Крушевцу // Трећа Југословенска конференција византолога. Београд – Крушевац, 2002. С. 473–484.
- Рокаи*, 2000 — *Рокаи П.* Свети владар, оснивач династије и државе Стефан Немања и свети Стефан // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 95–98.
- Свети Сава у српској историји, 1998 — Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998.
- Седов*, 1999 — *Седов Вл.В.* Византијски храм в Куршунлу // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. К 100-летию А. Н. Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 134–142.
- Седов*, 2009. — *Седов Вл.В.* Церковь Николая в Куршумлии и вопрос о центрическом освещении византийских и древнерусских храмов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009. М., 2009. С. 36–61.
- Серафимова*, 2005 — *Серафимова А.* Кучевишки манастир «Свети Архангели». Скопје, 2005.

Симић, Тодоровић, Брмболић, Зарић, 2007 — Симић Г., Тодоровић Д., Брмболић М., Зарић Р. Манастир Ресава. Београд, 2007.

Симић-Лазар, 2000 — Симић-Лазар Д. Каленић: сликарство, историја. Крагујевац, 2000.

Срејзовић, 1984 — Срејзовић Д. Милоје М. Васић, творац српске археолошке науке // *Старинар XXXV.* Београд, 1984. С. 25–32.

Станић, 1975 — Станић Р. Црква Св. Стефана у Милентији // *Рашка баштина.* Бр. 1. Краљево, 1975. С. 300.

Станић, 1980 — Станић Р. Манастир Враћевшница. Враћевшница, 1980.

Станић, 1980 — Станић Р. Средњовековне цркве у Сталаћу и околини // *Археолошка истраживања Крушевца и Моравске Србије.* Београд, 1980. С. 65–73.

Станојевић, Мирковић, Бошковић, 1928 — Станојевић С., Мирковић Л., Бошковић Ђ. Манастир Манасија. Београд, 1928.

Станојловић, 1993 — Станојловић М. Црква Свете Богородице у Наупари. Испитивачки и сликарско-конзерваторски радови на унутрашњим зидовима и фасадама током 1992 // *Гласник Друштва конзерватора Србије.* 1993. Књ. 17. С. 104.

Стародубцев, 2006/1 — Стародубцев Т. Сликари задужбина Лазаревића // *Зборник радова Византолошког института.* Т. 43. Београд, 2006. С. 349–373

Стародубцев, 2006/2 — Стародубцев Т. О ктитору Руденице // *Саопштења.* XXXV–XXXVI. С. 101–111.

Стародубцев, 2011/1 — Стародубцев Т. Други слој живописа цркви манастира Сисојевца и питање његовог ктитора // *На траговима Војислава Ј. Ђурића.* Београд, 2011. С. 221–250.

Стародубцев, 2011/2 — Стародубцев Т. О времену живописања цркве у Рамаћи // *Пад Српске деспотовине 1459. Године.* Научни скупови Српске Академије наука и уметности. Књ. CXXXIV. Одељење историјских наука. Књ. 32. Београд, 2011. С. 147–170.

- Стародубцев*, 2013 — *Стародубцев Т.* Владарске инсигније кнегиње Милице // Ниш и Византија. Зборник радова. Књ. XI. Ниш, 2013. С. 267–2
- Стародубцев*, 2016 — *Стародубцев Т.* Српско зидно сликарство у земљама Лазаревића и Бранковића. Књ I-II. Београд, 2016.
- Стевановић А.*, 1903 — *Стевановић А.* Стара Српска црквена архитектура и њен значај // Српски књижевни гласник. Т. IX. Београд, 1903. Ч. I. С. 514–522; Ч. II. С. 47–54; Ч. III. С. 123–133; Ч. IV. С. 213–225; Ч. V. С. 295–303; Ч. VI. С. 445–455.
- Стевановић М.*, 2003 — *Стевановић М.* Деспот Стефан Лазаревић. Београд, 2003.
- Стевановић М.*, 2002 — *Стевановић М.* Стефан Немања. Београд, 2002.
- Стевовић*, 1990 — *Стевовић И.* Једнобродне куполе цркве у Дубровнику у време византијске власти / Зограф: часопис за средњовековну уметност 21. Београд, 1990. С. 18–29.
- Стевовић*, 1996 — *Стевовић И.* О првобитном изгледу и времену градње цркве Св. Михајла у Стону // Зборник Радова Византолошког Института. Бр. 35. Београд, 1996. С. 175–193.
- Стевовић*, 2006/1 — *Стевовић И.* Каленић. Богородичина црква у архитектури позновизантијског света. Београд, 2006.
- Стевовић*, 2006/2 — *Стевовић И.* Архитектура Моравске Србије: локална Градитељска школа или епилог водећих токова позновизантијског градитељског стварања // Зборник радова Византолошког института. Т. 43. Београд, 2006. С. 231–241.
- Стевовић*, *Цветковић*, 2007 — *Стевовић И.*, *Цветковић Б.* Манастир Каленић. Београд, 2007.
- Стефан Немања, 2000 — Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви историја и предање. Међународни научни скуп Септембар 1996. Београд, 2000.
- Стојаковић*, 1972 — *Стојаковић А.* Ктиторски модел Ресаве // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972 С. 269–274.

- Стричевић*, 1953 — *Стричевић Ђ*. Рановизантиска црква код Куршумлије // Зборник радова Византолошки институт 2. Београд, 1953. С. 179–196.
- Стричевић*, 1955/1 — *Стричевић Ђ*. Два варијетета плана црква Моравске архитектонске школе // ЗРВИ. Т. 3. Београд, 1955. С. 213–219.
- Стричевић*, 1955/2 — *Стричевић Ђ*. Улога старца Исаије у преношењу светогорских традиција у Моравску архитектонску школу // ЗРВИ. Т. 3. Београд, 1955. С. 221–231.
- Стричевић*, 1956 — *Стричевић Ђ*. Хронологија раних споменика Моравске школе // Старице н.с. V–VI. Београд, 1956. С. 115–127.
- Стричевић*, 1958 — *Стричевић Ђ*. Брестовик. Римска гробница: Преглед археолошких ископања 1955 // Старице н.с. VII–VIII. Београд, 1958. С. 411–413.
- Студеница и византијска уметност, 1988 — Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988.
- Суботић*, 1963 — *Суботић Г*. Архитектура и скулптура средњег века у приморју. Београд, 1963.
- Суботић*, 1978 — *Суботић Г*. Керамопластични украс // Историја примењенеуметности код Срба I. Београд, 1977. С. 44–48.
- Суботић*, 1978 — *Суботић Г*. Манастир Жича. Београд, 1978.
- Суботић*, 1998 — *Суботић Г*. Лик Светог Саве у Кучевишту // Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 279–293.
- Татић*, 1925 — *Татић Ж*. Павловац под Космајем // Старице III с. III. Београд, 1925. С. 351–364.
- Татић*, 1926 — *Татић Ж*. Архитектонски споменици у Скопској Црној гори, I. Св. Арханђели код Кучевишта // Гласни Скопског научног друштва. 1926. Т. I/1–2. С. 351–363

- Татић*, 1929 — *Татић Ж.* Св. Арханђели Кучевиште // *Татић Ж.* Трагом велике прошлости: Светогорска писма и монографске студије старее српске архитектуре. Београд, 1929. С. 175–189.
- Татић*, 1930 — *Татић Ж.* Стара црква на Смедеревском гробљу // *Старинар* III с. V. Београд, 1930. С. 55–62.
- Тахиаос*, 1971 — *Тахиаос А.Е.* Исихазам у доба кнеза Лазара // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 93–103.
- Тахиаос*, 2005 — *Тахиаос А.-Э.Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий просветители славян. Сергиев Посад, 2005.
- Теодосије Хиландарац*, 1860 — *Теодосије Хиландарац.* Живот светога Савы / Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1860.
- Тодић*, 1987 — *Тодић Б.* Милешева и Жича — тематске и иконографске паралеле // Милешева у историји српског народа. Међународни научни скуп поводом седам и по векова постојања (Јуни 1985). Београд, 1987. С. 81–86.
- Тодић*, 1989 — *Тодић Б.* Прилог бољем познавању најстарије историје Велуће // Саопштења XX–XXI. Београд, 1989. С. 67–75.
- Тодић*, 1991 — *Тодић Б.* Иконографска истраживања жичких фресака XIII века // Саопштења. XXII–XXIII. Београд, 1991. С. 25–40.
- Тодић*, 1995 — *Тодић Б.* Манастир Ресава. Београд, 1995.
- Тодић*, 1998 — *Тодић Б.* Репрезентативни портрети Светог Саве у средњовековном сликарству // Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 225–248.
- Тодић*, 1999 — *Тодић Б.* Грачаница. Сликарство. Београд, 1999.
- Тодић*, 2000 — *Тодић Б.* Представе св. Симеона Немање, наставника праве вере и добре владе, у средњовековном сликарству // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 295–304.

Тодић, 2005 — *Тодић Б.* Српске теме на фрескама XIV века у цркве Светог Димитрија у Пећи // *Зограф: часопис за средњовековну уметност* 30. Београд, 2004–2005. С. 123–140.

Тодић, 2007 — *Тодић Б.* Време подизања и живописања Љубостиње // *Саопштења*. XXXIX. Београд, 2007. С. 101–115.

Тодић, 2013/1 — *Тодић Б.* Када су саграђени Свети Арханђели код Кучевишта // *PATRIMONIUM.MK Spisanie za kulturnoto nasledstvospomenici, restavracija, muzei* Година 6, број 11 / 2013 С. 173–184

Тодић, 2013/2 — *Тодић Б.* Манастир Убожац // *Косовско-метохијски зборник* 2013. Бр. 5. С. 67–88.

Тодић, *Чанак-Медић*, 2005 — *Тодић Б.*, *Чанак-Медић М.* Манастир Дечани. Београд, 2005.

Тодоровић, 1983 — *Тодоровић Д.* Првобитни изглед ктиторских портрета у Раваници // *Зограф: часопис за средњовековну уметност* 14. Београд, 1983. С. 68–72.

Тодоровић, 1992 — *Тодоровић Д.* Припрата цркве Св. Тројице у Ресави // *Саопштења* XXIV. Београд, 1992. С. 81–97.

Тодоровић, 1997 — *Тодоровић Д.* Портрет кнеза Лазара у Раваници // *Манастир Раваница: Споменица о шестој стогодишњици*. Београд, 1997. С. 39–43.

Томић Г., 1960 — *Томић Г.* Црква Св. Стевана у селу Милентији // *Археолошки преглед*. Бр. 2. Београд, 1960. С. 165–168.

Томић Г., 1962 — *Томић Г.* Св. Стефан Милентија — црква // *Археолошки преглед*. Бр. 4. Београд, 1962. С. 273–276.

Томић, 1972 — *Томић Г.* Једна варијанта у оквиру моравске школе // *Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968*. Београд, 1972. С. 249–259.

Томић Г., 1979 — *Томић Г.* Милентија — утврђен манастирски комплекс // *Археолошки преглед*. Бр. 20. Београд, 1979. С. 136–138.

Томић С., 1971 — *Томић С.* Манасија — Ресава. Деспотовац, 1971.

Трифуновић, 1979 — *Трифуновић Ђ*. Књижевни радови Деспот Стефан Лазаревић. Београд, 1979.

Трифуновић, 1982 — *Трифуновић Ђ*. Естетичка расправа Псеудо-Дионисија Ареопажита у преводу инока Исаје // Зборник за ликовне уметности 18. Нови Сад, 1982. С. 153–169.

Троицки, 1935 — *Троицки С*. Троицки С. Ктиторско право у Византији и Немањинској Србији // ГСКА. CLXVIII. II. 86. Београд, 1935.

Ђанак-Медић, 1998 — *Ђанак-Медић М*. Жичка Спасова црква — замисао Светога Саве // Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 173–186.

Ђурић, 2010 — *Ђурић Ј*. Манастир Павловац. Досадашња истраживања и нова запажања о архитектури манастирског комплекса // Зборник народног музеја. 2010. Т. XIX/2. С. 33–61.

Ђирковић, 1981 — *Ђирковић С*. Унутрашња политика краља Милутина // Историја српског народа. Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Београд, 1981. С. 462–475.

Ђирковић, 1995 — *Ђирковић С*. О ктитору Каленића // Зограф. 1995. Бр. 24. С. 61–68.

Ђирковић, 2004 — *Ђирковић С*. Срби међу европским народима. Београд, 2004.

Ђирковић, *Михаљчић*, 1997 — *Ђирковић С.*, *Михаљчић Р*. Енциклопедија српске историографије. Београд, 1997.

Ђоровић, 2005 — *Ђоровић В*. Историја Срба. Нови Сад, 2005.

Ђоровић-Љубинковић, 1958 — *Ђоровић-Љубинковић М*. Уз проблем иконографије српских светитеља Симеона и Саве // Старинар. Н.с. Књ. 7–8. Београд, 1958. С. 77–89.

Ђоровић-Љубинковић, 1972 — *Ђоровић-Љубинковић М*. Знаћај Новог Брда у Србији Лазаревића и Бранковића // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972 С. 123–137.

- Ђурчић*, 1988 — *Ђурчић С.* Грачаница. Историја и архитектура. Београд – Приштина, 1988.
- Урошевић*, 1937 — *Урошевић А.* О манастиру Убошцу // Хришћанско дело III–2. Београд, 1937. С. 110–116.
- Фајфрић*, 2006 — *Фајфрић Ж.* Кнез Лазар и деспот Стефан. Сремска Митровица, 2006.
- Фајфрић*, 2006 — *Фајфрић Ж.* Лоза Бранковића. Сремска Митровица, 2006.
- Ферјанчић*, 1960 — *Ферјанчић Б.* Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960.
- Ферјанчић*, 1964 — *Ферјанчић Б.* Када се Евдокија удала за Стефана Немањића // Зборник философског факултета 8/1. Београд, 1964. С. 217–223.
- Ферјанчић*, 1975 — *Ферјанчић Б.* Владарска идеологија у српској дипломатици после пропасти Царства (1371) // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 139–150.
- Ферјанчић*, 2000 — *Ферјанчић Б.* Стефан Немања у византијској политици друге половине XII века // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви историја и предање. Међународни научни скуп, Септембар 1996. Београд, 2000. С. 32–35.
- Хаџитрифонос*, 1991 — *Хаџитрифонос Е.* Приступ типологији петокуполних цркава у византијској архитектури // Саопштења. Т. XXII–XXIII. Београд, 1991. С. 41–75.
- Христу*, 1986 — *Христу П. К.* Манастир Пресвете Богородице Евергетидске у Цариграду // Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986. С. 69–73.
- Цветковић*, 1994 — *Цветковић Б.* Нови прилози проучавању ктиторске композиције у Раванице // Саопштења XXVI. Београд, 1994. С. 37–52.

- Цветковић*, 1996 — *Цветковић Б.* О династичкој слици Лазаревића у манастира Љубостињи и проблему датовања љубостињског живописа // Саопштења. Т. XXVII–XXVIII. Београд, 1996. С. 67–78.
- Цветковић*, 1999 — *Цветковић Б.* Манастир Липовац. Прилог проучавању // Лесковачки зборник. 1999. Бр. 39. С. 79–100.
- Цветковић*, *Стародубцев*, 1996 — *Цветковић Б.*, *Стародубцев Т.* Неколико запажења о фрескама доње зоне у манастиру Јошаници // Саопштења XXVII–XXVIII. Београд, 1996. С. 193–198.
- Цветковић*, *Стевовић*, *Ердељан*, 2008 — *Цветковић Б.*, *Стевовић И.*, *Ердељан Ј.* Манастир Јошаница. Београд, 2008.
- Цуњак*, 1982/1 — *Цуњак М.* «Велика црква» — комплекс Браничевске митрополије // Археолошки преглед. Бр. 23. Београд, 1982. С. 155–156.
- Цуњак*, 1982/2 — *Цуњак М.* Манастир Благовештење — Горњачка клисура // Археолошки преглед. Бр. 23. Београд, 1982. С. 162.
- Цуњак*, 1984 — *Цуњак М.* Ископавање унутрашњег простора старе цркве у Смедереву // Саопштења XVI. Београд, 1984. С. 249–257.
- Цуњак*, 1987 — *Цуњак М.* Прилог проучавању манастира Горњака у Горњачкој клисури // *Viminacium* — Зборник Народног музеја у Пожаревцу. Т. 2. Пожаревац, 1987. С. 41–50.
- Цуњак*, 1998 — *Цуњак М.* Смедеревска тврђава. Смедерево, 1998.
- Цуњак*, *Цветковић*, 1997 — *Цуњак М.*, *Цветковић Б.* Црква Успења Пресвете Богородице у Смедереву. Смедерево, 1997.
- Цуњак*, *Ђоровић-Љубинковић*, 1985 — *Цуњак М.*, *Ђоровић-Љубинковић М.* *Чанак-Медић*, 1981 — *Чанак-Медић М.* Да ли је Давидовица изгледала као гробне цркве Немањића // Саопштења. Књ. 13. Београд, 1981. С. 67–75.
- Чанак-Медић*, 1986 — *Чанак-Медић М.* Једна претпоставка о Немањиним надгробним споменику // Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986. С. 167–168.
- Чанак-Медић*, 1988 — *Чанак-Медић М.* Време првих промена облика Студеничке Богородичине цркве // Студеница и византијска уметност око

1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 517–523

Чанак-Медић, 1989 — *Чанак-Медић М.* Првобитни спољни изглед цркве Успења Богородице у Морачи // Саопштења. XX–XXI. Београд, 1989. С. 19–33.

Чанак-Медић, 1992 — *Чанак-Медић М.* Архитектура Жичке Спасове цркве и Радослављеве припрате // Саопштења XXIV. Београд, 1992. С. 7–49.

Чанак-Медић, 1995 — *Чанак-Медић М.* Спасова црква у Жичи. Архитектура прве половине XIII века. Београд, 1995.

Чанак-Медић, 2002 — *Чанак-Медић М.* Свети Ахилије у Ариљу. Београд, 2002.

Чанак-Медић, *Бошковић*, 1986–1989 — *Чанак-Медић М.*, *Бошковић Ђ.* Архитектура Немањиног доба. Т. I–II. Београд, 1986–1989.

Чанак-Медић, *Ивковић*, 1992 — *Чанак-Медић М.* *Ивковић З.* Богородица Градачка. Београд, 1992.

Чанак-Медић, *Тодић*, 1999 — *Чанак-Медић М.*, *Тодић Б.* Манастир Жича. Београд, 1999.

Чанак-Медић, *Поповић*, 1994 — *Чанак-Медић М.*, *Поповић С.* Крст у кругу. Архитектура манастира у средњовековној Србији. Београд, 1994.

Чанак-Медић, *Поповић Д*, *Војводић*, 2014. — *Чанак-Медић М.*, *Поповић Д*, *Војводић Д.* Манастир Жича. Београд, 2014.

Чиркович, 1996 — *Чиркович С.* Србија. Средние века. М., 1996.

Шафарик, 1993 — *Шафарик Ј.* Извјестије о путовању по Србији 1846 године / Ред. Љ. Дурковић-Јакшић, М.Ж. Николић. Ваљево, 1993.

Шупут, 1970 — *Шупут М.* Пластична декорација Бањске // Зборник за ликовне уметности 6. Нови Сад, 1970. С. 49–50.

Шупут, 1976 — *Шупут М.* Византијски пластични укрс у градитељским делима краља Милутина // Зборник за ликовне уметности 12. Нови Сад, 1976. С. 41–54.

- Шупут*, 1988 — *Шупут М.* Богородична црква у Студенице као култна грађевина у оквиру византијске архитектуре свога времена // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд, 1988. С. 139–145.
- Шупут*, 1989 — *Шупут М.* Манастир Бањска. Београд, 1989.
- Шупут*, 1998 — *Шупут М.* О простору и о његовој функцији у црквеној архитектури из времена Светог Саве // Свети Сава у српској историји и традицији: Међународни научни скуп. Београд, 1998. С. 189–201.
- Шупут*, 2000 — *Шупут М.* Цариградски извори архитектуре цркве Св. Николе у Куршумлији // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд, 2000. С. 171–178.
- Якобсон*, 1987 — *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии Средневековой Архитектуры: Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. IX–XV вв. Л., 1987.
- Βοκοτόπουλος*, 1990 — *Βοκοτόπουλος Π.* Ο τρίκογχος ναός του Αγίου Νικολάου στο Πλατάνι της Αχαΐας // Άρμος. Τιμητικός τόμος στον καθηγητή Ν.Κ. Μουτσόπουλο. Τ. 1. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 383–405.
- Γκιολές*, 1987 — *Γκιολές Ν.* Βυζαντινή ναοδομία (600–1204). Αθήνα, 1987
- Μαμαλουκος*, 2001 — *Μαμαλουκος Σ.* Β Το καθολικό τής Μονής Βατοπεδίου // Ιστορία και αρχιτεκτονική. Αθήνα, 2001.
- Μέσσης*, 2010 — *Μέσσης Β.Δ.* Ναοί αθωνικού τύπου. Θεσσαλονίκη, 2010 [неопубликованная диссертация, доступна онлайн: https://www.academia.edu/2382459/Ναοί_αθωνικού_τύπου_τ.1-2_Θεσσαλονίκη_2010. Дата обращения: 05.07.2016]
- Μπούρας*, 2001 — *Μπούρας Χ.* Βυζαντινή και μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001.

Μυλωνάς, 1984 — Μυλωνάς Π. Ο αρχιτεκτονικός όρος «χορός», πριν και μετά τον Όσιο Αθανάσιο τον Αθονίτη // 4^ο Συμπόσιο της βυζαντινής και μεταβυζαντινής αρχαιολογίας και τέχνης. Αθήνα, 1984. Σ. 39–40.

Ξυγγόπουλος, 1965 — *Ξυγγόπουλος Α.* Έρευναι εις τα βυζαντινά μνημεία των Σερρών. – Θεσσαλονίκη: Εταιρεία μακεδονικών σπουδών, 1965.

Ορλάνδος, 1935 — *Ορλάνδος Α.* Ο Άγιος Δημήτριος της Βαράσοβας // Αρχείον βυζαντινών μνημείων Ελλάδος. 1935. Τ. 1. 109–117.

Παπαδοπούλου, 2002 — *Παπαδοπούλου Β.Ν.* Η βυζαντινή Άρτα και τα μνημεία της. Αθήνα, 2002.

Χατζητρύφωνος, 2004 — *Χατζητρύφωνος Ε.* Το περίστωο στην υστεροβυζαντινή εκκλησιαστική αρχιτεκτονική. Σχεδιασμός – λειτουργία. Θεσσαλονίκη, 2004.